

Мария Мансурова

Мария Мансурова

*Волшебник
Ришикеша*

роман

Москва
2010

УДК 882-31
ББК 84(2Рос=Рус)6
М 23

Художественное оформление
Людмилы Ивановой

В оформлении переплета
использована картина

Мансурова М.

М 23 Волшебник Ришикеша: роман /
Мария Мансурова. — М.: Бослен, 2010. — 256 с.

ISBN 978-5-91187-079-9

«Волшебник Ришикеша» – это роман-игра, роман-сказка, предоставляющий читателю право на выбор финала.

Все надежды – утрачены, мечты – обращены в пыль, жажда любви растворяется в случайном сексе. Для спасения необходимо чудо. Дорога к священному источнику собирает вместе героев романа. Потерянные в лабиринте прошлого, они готовы пересечь любую черту, чтобы обрести свободу. Но когда страх лишает возможности дышать, остается единственный выход – найти Волшебника.

УДК 882-31
ББК 84(2Рос=Рус)6

Охраняется Законом РФ об авторском праве

ISBN 978-5-91187-079-9

© Мансурова М., 2010
© Оформление. ООО «Бослен», 2010

Вероятности

I часть

1. Вечер в Дели

Солнце, будто подтаявшее масло, вывалившееся в песок, повисло над мостом. Грязное солнце Дели. Вечер стремительно приближался. Низкие обветшалые здания теснее прижимались друг к другу, прогибаясь под гулом человеческих тел, двигающихся в дымке майской жары. Машина лениво продиралась сквозь чудовищную пробку.

— Какой отель вам нужен?

— Лучший. Понимаете?

— Да. Пять звезд.

— Несомненно.

Хоть в чем-то же она должна быть уверена...
Бросив на сиденье бутылку теплой минералки, Анна

подняла руки. Осторожно она дотронулась до лица. Кожа чудовищно ныла. За шесть часов, проведенных в пути, она успела потрескаться, выпуская капельки сукровицы, стянуться, а теперь вновь будто ползла в разные стороны. Солнечный ожог. Никогда раньше... Все бывает в первый раз. Она смотрела в окно, не в силах оторвать взгляд от серого заката. Здесь все было серым: дороги, здания, воздух. Даже разноцветные сари были серыми. Господи, наконец-то вечер. И дорога позади. Все позади. Только не плачь. Не будь душой. От соли станет еще больнее. Мост позади. Они начинают движение по улице, пестрящей вывесками: «Sale», «Open to offer». На прилавках манго, огромные, перезревшие, готовые обратиться в гниль. Сигналят машины, мопеды, звоночки велосипедов. Но все как-то тише — голос из другой комнаты, улыбка сквозь стекло. Тормозит.

— Здесь.

Анна выглядывает в окно. Швейцар лениво смотрит в сторону такси. За стеклом угадывается холл второсортного отеля. Разбавленный фреш, горьковатый жидкий кофе и мятые простыни...

— Это что — лучший?! Вы меня понимаете? Пять звезд! Вот что мне нужно! Я устала! Я хочу отдохнуть!

Шофер молча поворачивает ключ. Минут пять, не больше. Слева, за высокой оградой, длинное шоколадное здание в окружении густой темно-зеленой листвы. «Radisson». То, что надо.

Анна кладет смятые рупии в узкую смуглую ладонь и выходит. Тело не хочет слушаться, отекли

пальцы рук и ног. Глаза противно щиплет. Да еще молния на сумке — порвалась.

— Я хочу снять номер. На одну ночь.

— Минутку. Одна ночь?

— Да. Хотя подождите. — Она достает из сумки билет, свернутый трубочкой. Разглаживает его, пытаюсь разглядеть дату вылета. — Нет, две ночи. Мой рейс в пять утра. Две ночи.

Что-то распечатывается, что-то мелькает на мониторе компьютера. Искося, сквозь приветливые улыбки, взгляды. Девушка с грязными стопами, рваной сумкой и обгоревшим лицом. Только две ночи и одна золотая кредитка.

— У вас есть SPA?

— Да. Прямо по коридору и направо.

Анна нуждается в прикосновениях. Необходимо разлить по ее коже масло, запустить руки в запутавшиеся волосы. Только сначала избавиться от этой ненавистной сумки, серой, как город, чье солнце почти растаяло.

Крик восторга вырывается сквозь пересохшие губы. Как маленькая девочка, прыгает она по мягкому бархатистому ковру. Бесконечные подушки утопают в белоснежных простынях, крахмаленных, шуршащих при малейшем прикосновении. Ванную и комнату разделяет стеклянная стена, а за окном, окутанным тяжелыми золотисто-медными шторами, сад... Кажется, прошла целая жизнь... Холодная вода из ведра, вздрагивающий свет лампочки, неясный луч маленького фонарика, зажато-го в ледяной ладони, а кругом бесконечные потоки воды — слезы Гималаев. И вот уже восторг готова

побороть печаль. Но нет. Нет. Она швыряет сумку на деревянную банкетку и убегает прочь, не успев принять душ.

Первый этаж. Слева рестораны, бар, справа — бутики. Невольная улыбка сквозит в медовых глазах. Люди в смокингах, в черных костюмах, в коктейльных платьях — пьют мартини, журчат перебивками неспешных наглаженных и выхолощенных слов. А она позвякивает браслетом на левой щиколотке, грязные стопы, русые волосы будто застыли в вопросе, падая непослушными кудрями на обгоревший лоб. Проходит сквозь стеклянные двери, мимо фонтана, в котором плавают лепестки роз.

— Добрый вечер. Сейчас возможно попасть на массаж?

Высокий индеец смущенно поднимает глаза.

— Вы откуда, девушка?

Он не посмел бы задать этот вопрос французенке с крашеными волосами, итальянке с массивным браслетом в форме змеи. Но встревоженные глаза напротив располагают к вопросам.

— Гамукх.

— О-о...

Слово подобно заклинанию. Вновь оно понижывает Анну. Даже здесь, вдали от огромных валунов и мягкой хвои, в отеле из бездушного мрамора, оно не теряет своей силы. Это открытие так внезапно, не оставляет права выбора, что Анна опускается в мягкое кресло, чувствуя слабость в коленях.

Массажистка проводит ее в комнату, где со всех сторон льются обволакивающая музыка и ароматы. Девушка с тугим пучком на голове берет

в руки белое махровое горячее полотенце. Тепло скользит по коже, убаюкивая и успокаивая.

— Как предпочитаете — сильный, средний или мягкий массаж?

— Сильный. — Короткий вздох. Настолько сильный, чтобы растворились все воспоминания, что таит ее кожа, растаяло напряжение, в которое погружены ее мышцы.

— Это масло розы. Оно снимет усталость.

Сладкая струйка течет по ее стопам.

Веки сомкнуты.

Серая сумка, такая же серая, как вечер в Дели, оставлена в прохладном номере. В маленьком внутреннем кармашке лежит плоский мобильный. Он вздрагивает, протяжно разливаясь по комнате. Звук неуверенный, сомнения передаются по спутнику, текут по венам.

— Это пачули. Очень хорошо снимает стресс.

Руки скользят по пояснице.

Звонок становится ярче, пламя разгорается, дым щиплет глаза.

— Лимон. Придаст тонус.

Пальцы покорно раздвигаются, позволяя коснуться линии жизни и бугра Венеры.

Мелодия похожа на звон колокола, стремительно летящего вниз.

— Сандал. Чтобы отпустили все негативные мысли.

Телефон замолкает. Немая, отчаянная тишина. Клубок вопросов втиснут в крошечный кусок металла, спутники вращаются в вареве недосказанности и неизвестности.

«Мир рушится? Анна, где ты? Моя Аня, лежащая на мосту...»

Сквозь полудрему Анна чувствует, как теплое полотенце вновь касается ее тела.

Массаж окончен.

Перед ним был прекрасный вид на Ришикеш. Ашрам Йога-Никетан, погруженный в зелень горы мудрецов, жил своей жизнью. А внизу гудели рикши, плавали лодки по Ганге, вздрагивал навесной мост под тяжестью ног, распухших от жары. На прилавках уличных торговцев распластались фрукты, над которыми вяло кружили насекомые. Только ледяная бурная река проносилась мимо разгоряченного воздуха, не теряя своей холодной невинности.

Обычный майский день блуждал по городу, иногда заглядывая в прохладные храмы. Вите было трудно дышать, и погода была здесь ни при чем. Последний раз он видел ее на завтраке. Она вошла, позвякивая браслетом на щиколотке, села напротив. Пространство, разделяющее их, было наполнено тревогой. «Из-за прошедшей ночи...» — промелькнуло между сладкими глотками масалы. Овсянка скрипела во рту, ее глаза блуждали по залу, над головой шумел вентилятор. «Когда член твердый, мозг мягкий», — говорил он друзьям. Но все же вечером впустил ее в комнату. Она неуверенно села на край стула, прядь падала на обгоревший лоб. Его босые шаги шлепали по прохладному полу, задавая ритм ожиданию.

— Мне кажется, сегодня ночью Лола не вернется.

— Почему ты так думаешь?

— Не знаю. В комнате как-то пусто. Словно она взяла вещи, чтобы переодеться утром в отеле.

— Значит, и Рома не придет.

Витя зажег аромапалочку, тонкая струйка дыма поднялась к потолку. Он зашел в ванную, бросил грязные футболки в ведро с водой. Стрелка часов показывала без пятнадцати десять. В десять ашрам закрывают. Вода падала на каменный пол, ладони скручивали мокрую ткань.

— Можно лечь? Я устала.

— Конечно.

Она ложится на живот. Вытягивается. Вздыхает. Из закрученного крана подтекает вода. Витя закрывает ставни. Он не подходит, не дотрагивается до нее. Но воспоминания об их прикосновениях смешиваются со стрекотанием цикад, разносящимся среди густой листвы. Стрелка ползет к десяти, развешены последние вещи, капли падают с мокрой ткани. Она переворачивается на спину, кладет руки под голову, ноги слегка сгибает в коленях.

— Он не придет. — Уставший, предвкушающий, приглушенный подступающей ночью голос.

Вдруг шаги. Щель в ставнях — высокая худощавая фигура с огромной папайей.

— Рома вернулся.

Вновь на краешке стула, пытается выпрямиться под тяжестью разочарования.

— Аня! Ой, что с лицом-то?

— Обгорела.

— Бедная, бедная девочка! У тебя хоть от ожогов есть что-нибудь?

— Нет. Я в поиске. Пока — вот. — У нее в руке зажата зеленая баночка с гелем из алоэ.

— Фигня это. Нужен пантенол.

— Я тоже говорю. Спроси у девочек. У кого-то точно был.

— Ладно. Спокойной ночи.

Ни единого взгляда на прощание. А может, он просто не заметил, потому что сам отвел глаза. Темнота гуще, варится, варится приближающаяся ночь. Темно-синие бабочки садятся на розовые бутоны, погруженные в дрему. Голоса замирают, растворяются. Ночь спокойная, невысказанная нежность давит на виски. Где-то совсем рядом спит она или вертится в цветной простыне бессонницы. Из носа вновь пошла кровь...

Тонкий аромат масел сопровождает ее в номер. Загорелая рука проникает в кожаную сумку, нащупывает мобильный. Вызовы. Непринятые, отвергнутые молчанием. Бесконечное число вопросов «Витя Инд». Сердце вздрагивает. Она набирает номер.

— Алло, Витя...

— Аня, где ты? Что случилось? — глубокий голос срывается на крик.

— Со мной все в порядке. Я как раз собиралась позвонить...

— Я не понимаю, где ты? Мы ищем тебя уже несколько часов!

— Какая разница, где я? Как ты говорил: «три куба и куба рядом»? У меня все хорошо.

— Ты вернешься?

— Нет, Витя. Я в Дели.

— То есть ты решила прокатиться в Дели... Ты понимаешь, что я в полицию заявил!

— Шутишь? Зачем? Многие днем не возвращаются в ашрам...

— Но они обычно не падают на каждом шагу!

— Прости. У меня к тебе одна просьба — захвати мой чемодан.

— Ты приедешь в аэропорт? В курсе, что рейс поменяли?

— Нет. Хорошо, что сказал. И когда вылет?

— Я уточню и сообщу тебе.

— Ладно. Тогда созвонимся. Прости. Пока.

Она опустилась на мягкую кровать. Внутри поднимались солнечные блики на реке, вечерний удушливый туман над мостом, крики обезьян и вдруг холодный дождь, темнеющая хвоя и крупные снежные хлопья, подхватываемые резкими порывами ветра. Горячая ладонь — поддерживающая, подталкивающая, согревающая. По коже поползли мурашки от прохлады кондиционера, желудок светло от приступа голода.

В ресторане скрежетали приборы, звенели голоса. Над столиками смешивались запахи свежеиспеченных чапати, жареной фасоли и уксусного соуса. «Господи, как я хочу есть!» — вполголоса произнесла Анна и рассмеялась. Смех ее упал на столик, затем на пол и поскакал по мрамору, призывая высокого официанта.

Анна заказывала все подряд. Ее язык касался прохладной райты, по небу плыл горячий сыр из овощной лазаньи. Cheese naan и lassi. Все подряд. Из одного ресторана она переходила в другой, не в силах утолить голод. Удивление на лицах принимающих заказ, а худенькая девушка продолжает

есть. Наконец, шоколадное пирожное и эспрессо с горячими сливками. Кресло мягкое... Вдруг, внезапно, тонкая струйка ментолового запаха заполняет в ноздри. Ресницы вздрагивают, прикрываются веки, тепло ползет по животу. Рядом мужчина в черном костюме кладет в рот еще один леденец, заставляя Анну вздрагивать. И вот он уже пересел поближе. Почему нет? Ее глаза блуждают в полудреме воспоминаний. И кто знает, куда готов проникнуть этот взгляд, куда готов он впустить свежий запах ментола... В сумке вздрагивает мобильный. «Витя Инд», сообщение: «Вылет в 7:15. Тебе нужно быть в аэропорту в 4:30». И все... И все...

Она вскакивает, бежит по бордовому марморному полу с желтыми прожилками, набирает его номер.

— Витя...

— Ты получила смс?

— Да. Витя, прости меня. Я не думала, что ты будешь волноваться.

— А я волновался. Все волновались. Как ты оказалась в Дели? Прилетела, что ли?

— Да, на ковре-самолете. Чудеса по твоей части, должен знать.

Его вздох, его смех сквозь учащенное дыхание.

— Скорее на метле. Устроилась нормально?

— Ты не волнуйся, все хорошо.

— Будешь отдыхать?

— Зачем? Пойду гулять.

— Поздно уже гулять. Все уже спят в Дели.

— Всегда есть тот, кто не спит. Пойду закрывать сердечную чакру ночным Дели. — Снова его

дыхание. — Витя, я соскучилась по тебе. Так жалко, что Рома вернулся ночью. Ты один?

— Не-а...

— Понятно. Я целую тебя.

— Звони мне завтра, рассказывай, как ты.

Анна замерла перед огромным окном, в котором засыпал сад. Его голос, вздрагивающий, близкий, — голос из их единственной ночи звучал в ней. А за высокой оградой притаился город. Его шепот начинал щекотать кожу, заманивая раскаленной влагой неизвестности на дороги, которых она не знала.

2. Дорога в Ришикеш

Сладкий, приторный дым срывался с губ. Одно мгновение — и тоска была уже не такой острой. За окном дождь, липкие листья тонут в лужах вместе с прожилками бензина. Черные безликие ветки дергает осенний ветер. Пусть. Пока не закончится косячок и его дурман, целлофановые будни не имеют значения.

Но он закончился. И он был последним. Стекланные бутылки в Мещанском районе закончились тоже. Так что сдавать было нечего. В холодильнике звенела тишина. Хотелось тепла, гашиша и огромную порцию макарон с сыром. И секса, потом. По-

следнее желание было вполне осуществимо, но сначала требовались предыдущие.

- И как меня угораздило здесь родиться?
- Я вот не здесь родилась, а все равно я здесь.
- Н-да...
- Поехали в Индию.
- У нас на билет в метро денег нет.
- Зайдем у кого-нибудь. Зато там все по дешевке.
- Гашишевый рай.
- Просто рай.
- С собой можно привезти килограмма два, и расслабиться ненадолго.
- Поехали...
- Иди-ка ко мне.
- Уже не хочешь есть?
- Уже хочу, очень...

Он вошел в нее быстро, по инерции. Смуглые бедра закружились, завертелись. Из груди вырвалось хриплое дыхание, пропитанное запахом травки. Дождь стучал по старым, потускневшим стеклам. Напряжение нарастало, скатывалось вниз живота, готовое вот-вот выплеснуться. Плясали цветы на обоях, в рот попали ее черные волосы.

- Вот так, еще, еще...
- Горячая, белая жидкость текла по смуглому животу. Он опрокинулся на спину, вбирая в легкие воздух из старой, помятой комнаты.
- Поехали.
- Ты серьезно?
- Здесь нам ловить больше нечего.
- Здорово.

— Если ты, конечно, не собираешься людям зубы лечить.

— К черту зубы! К черту людей!

— Да... А у нас совсем не осталось?

Самолет приземлился. Табло завертелось: Moscow SU 0535. Автобус уже ждал группу в преддверии раскаленного дня. В здании аэропорта было прохладно, но щеки Вити, обожженные солнцем Ришикеша, не прекращали пылать. Он прилетел на неделю раньше, чтобы все подготовить. В этом не было ничего необычного, он поступал так каждый год. И все же...

Один за другим начали появляться его ученики: Марта с припухшими щеками и ртом, черным от красного вина, ее подруга Белка в бархатном костюмчике D&G, Ден с растрепанными волосами и виноватой улыбкой, сосредоточенная Джульетта, шоколадная Лола... Кругом паспорта, голоса, индийцы, китайцы, англичане и бог знает кто еще. Меняют деньги, покупают минералку и шоколадки, торопятся в туалет. Из вечно распаивающихся дверей запах пряностей, навоза, бензина. Солнце распускает лепестки над городом. В автобусе заведен мотор — они придут с минуты на минуту.

Мгновение тишины. Ее походка — как всегда, по прямой линии, с которой она сбивается, лишь когда падает. Узкая ладонь тянет за собой огромный чемодан — ленивый и сопротивляющийся. Взгляд торопится, взгляд ищет.

— Ну, как полет?

— Отлично.

— Нормально себя чувствуешь?

— Чудесно. Я отойду. Оставлю здесь чемодан.

— Конечно.

Медовые глаза удаляются. Доллары на рупии, перед ней несколько людей, за стойкой гора бумажек, парень медленно подсчитывает, раскладывает. Уже все получили багаж, все пошли к автобусу. Он крепче сжимает черную ручку огромного чемодана.

— А как ты? Как дела? Ты загорел.

— Я обгорел. Позавчера решил пойти на Гангу искупаться и — вот.

«Если ничего не случится, увидимся через неделю», — сказала Аня. «Ничего», — она поцеловала его в щеку, а «ничего» кружилось в прямом воздухе Ришикеша всю неделю. «Ничего» жалило, мешая спать. Но теперь она была здесь. Значит, уже ничего не могло произойти.

— А долго еще ехать, Витя? — потягиваясь, произнесла Белка — высокий хвост, маленькие хитрые глаза на румяном блине лица.

— Да мы еще в Дели.

Смех прокатился по автобусу. Сквозь открытые окна врывался пыльный день, он забирался в ноздри, теребил кожу. Анна чувствовала, как ее тело, не успевшее прийти в себя после полета, накрывает новая волна усталости. Но она не обращала на это никакого внимания. Она была в Индии. После многих лет попыток, раздумий, лжесборов с лжелюбовниками она, наконец, вступила на землю Шивы. «Только теперь пришло время», — сказал ей Витя. Наверное... Наверное... Кто-то ел бананы, кто-то смотрел в окно. Ее группа, неизвестные, чужие ей

люди, связанные с ней лишь нитью путешествия. Вокруг мелькали автобусы, забитые потными людьми, женщины в сари, смуглые ребята, моющиеся на заправке сильной струей воды из шланга. Автобус прокладывал себе дорогу смешным гудком, разгоня мопеды и лениво плетущихся тощих коров.

— Аня, просыпайся. Просыпайся, остановка. Будешь выходить? — теплая рука слегка коснулась ее колена. — Ну что, выспалась? — улыбнулся ей Саша, сидящий рядом. Сорок пять лет, Вьетнам, Камбоджа... Бесконечная дорога кризиса среднего возраста. Кудрявые русые волосы с проседью падали на широкий лоб. На его руках угадывались красноватые пятнышки, с которыми он тщетно боролся не один год. Его голубые глаза улыбались, они были расположены к общению. Но Анна искала другой лазурный взгляд, потерянный среди душной дороги.

В кафе было шумно, липко, тесно. Она рассеянно посмотрела меню: *lassi*, *vegetable rayta*, *nan*... «Лучше ничего не есть», — мелькнуло в голове, а рядом его лицо в профиль, готовое повернуться к ней в любой момент. Скрываясь от бесчисленных голов, собранных в *milkshake*, Анна вышла на улицу. Вокруг множество цветов: розовых, фиолетовых, желтых. Над ними, захваченные полуденной жарой, лениво жужжали пчелы. Головокружение, пока едва ощутимое, подступало.

— А ты не ешь? — подошел Витя.

— Не хочу.

— Здесь нет ничего подходящего?

— Не переживай, я большая девочка, разберусь.

— Ладно. Но если что, говори, что-нибудь придумаем. Попросим кашку тебе приготовить.

— Возраstim?

— Точно.

Автобус прыгал на кочках, как на батуте. Сквозь облако пыли они медленно двигались к Гималаям.

— Саш, почему йога?

— Как-то так... У каждого ведь своя история. И у меня она есть. В йогу просто так не приходят. В прошлый раз в Индии я был в Керале. У нас собралась небольшая группа, человек пятнадцать, в основном девочки. Все со своими заморочками. Там никаких экскурсий не было, только йога — утром и вечером. В остальное время просто расслабляешься, ходишь на массаж. Душевный такой отдых получился. Все так вошли в ритм, расслабились, что к действительности сложно было возвращаться.

— А что в твоей жизни изменилось?

— О глобальном очень сложно говорить... Но, например, я бросил курить. Пару лет назад я свою жизнь без сигарет вообще не представлял. Знаешь, ведь это целый ритуал. Придешь в кафешку, выпьешь кофе, потом затянешься... Кайф! От этого сложно отказаться. Я уже занимался, пытался бросить, и все никак. И тут зимой лечу в Сингапур, а сигареты, которые всегда курю, с собой не взял. Продержался несколько дней, но чувствую, не могу. Пошел в какой-то ларек, говорю: «Дайте мне какие-нибудь местные». Думаю, может, мне их вкус не понравится. Маленький сморщенный китаец показывает мне — вот, мол, выбирай. Я смотрю: на пачках какие-то непонятные картинки. Вглядыва-

юсь, но никак врубиться не могу, что ж это такое. А потом... Это фотографии раковых опухолей, такая антиреклама курения. То есть, представляешь, собрался ты покурить, а перед глазами такое. Даже и в кафе где-нибудь не достанешь. Я купил одну пачку, но как-то все желание пропало. С тех пор и не курю. И кофе теперь тоже не пью. А ты от чего отказалась?

— Я... — боковым зрением она уловила его лицо, его руки, хватающиеся за поручни.

— Аня, мне Алик звонил, прервалось. Он никак не может тебе дозвониться.

— У меня почему-то мобильный не берет.

— Держи. Попробуй с моего.

Его ладонь горячая, раскаленная. Всего одно лаконичное прикосновение. А рядом взгляд Саши: «Неужели?» Кусок пластика хранит тепло, сквозь которое она проникает в Москву к встревоженному голосу.

— Алик, привет.

— Куда же ты пропала? Я весь извелся!

— Мы еще едем.

— Ты же говорила, шесть часов?

— Видимо, больше. В Дели были ужасные пробки.

— Как ты?

— Хорошо. А ты звонил узнать, как Сашенька?

— Все в порядке. Завтра навещу его.

— Ладно. Я позвоню, как доберусь. Целую.

Теперь уже Анна держится за поручни, не может устоять. Она протягивает мобильный, на секунду сплетаются пальцы, новая кочка, колеса прыгают,

разлучают руки. Пыль проникает сквозь приоткрытые окна. Алик... Волнуется в Москве. Он должен позвонить ее бывшему мужу, чтобы он не волновался, чтобы не волновался Сашенька, ее сын.

Час, другой в открытом море снов полудремы и — Гималаи раскрывают свои объятия. Ганга, величественная и стремительная, открывается перед ними, как забытая истина. Впереди — Ришикеш. У Анны перехватывает дыхание, и на мгновение она задумывается о том, какими будут ее ощущения на обратном пути, чем станет для нее этот город. Откроется ли ей нечто? Или это просто еще одна иллюзия, за которой она погналась? Сквозь стекло на них смотрит огромная белая статуя Шивы, возвышающаяся над городом.

Катятся чемоданы по гравию, салфетки промокают пот, уставшие тела потягиваются, по губам плывет улыбка — они в плену цветов ашрама. Кругом маленькие домики, сияющие своей белизной.

Витя, серьезный, сосредоточенный, достает список и объявляет, кто в какой комнате будет жить. Анна и Лола. Шоколадная девушка с раскосыми карими глазами, сидевшая рядом в самолете. Да, Витя знает, с кем ее поселить. Витя все знает. Он помогает девочкам занести чемоданы, распаивает перед ними темно-зеленую дверь: две простые кровати, шкаф, деревянные ставни, направо ванная, где муравьи не слишком торопятся спрятаться. Пахнет спертым воздухом, мгновенно смешивающимся с проникающими ароматами зелени и солнца. День близится к концу. Группа встречается около столовой, чтобы выпить масала-чай. Все садятся

прямо на землю, а огромный желто-розовый шар золотым дождем падает в Гангу. Лучи, пронизывающие каждый лист, каждую травинку, становятся невидимыми. Растения наполняются соком, лениво кричат обезьяны, стрекочут цикады.

Все собираются возле лестницы, ведущей вниз. Отсюда открывается вид на город. Но сейчас туман, густой, вязкий, влажный, поглотил здания. Различим лишь длинный навесной мост, раскачивающийся над пустотой. Они преодолевают огромные ступеньки, переходят дорогу. Голоса, гудки, призывы продавцов специй заглушаются протяжным пением мантр с другого берега, где проходит пуджа. Витя идет впереди, показывает дорогу, за ним цепочка людей с фотовспышками, с распахнутыми глазами. Анна следует за своим учителем, боясь потерять его из виду. Его гордая спина в цветной рубашке тянет за собой нечто забытое, из глубины сердца. Она торопится. Но он уже вступил на узкий мост, мопеды, туристы, попрошайки — разделяют их. Он ускользает, не оглядываясь, боясь слишком очевидных вещей. Она оказывается рядом с Лолой.

— Мне страшно. Мост так шатается, что все плывет, — тихо говорит Анна, и ее голос проглатывает река, бурлящая под ними.

Они переходят на другую сторону. Шаги быстрее, стопы пытаются избежать навоза и босых ног ребятишек. Мантры становятся громче — они уже совсем рядом. Туман везде, даже в шелковых складках одежды. Анна пытается стряхнуть его с себя. Не выходит. Горло сковала сухость. Они поч-

ти пришли, но больше нет сил гнаться за ним. Она заходит в крошечный магазинчик, где вентилятор больше потолка. Покупает холодную воду без газа и делает несколько жадных глотков. Все исчезли впереди, остался туман и улыбки индусов. Что ж... Она в Индии. Что еще надо? Руки сжимают ледяную воду, голову обволакивает танец огней. Сквозь дымку возникает встревоженное лицо Вити. Его шаги превращаются в бег..

— Ты здесь... — глаза не прячутся, глаза смотрят. Голубые-голубые глаза.

— Жажда замучила. Пение прекратилось.

— Да, пуджа закончилась.

— Я опоздала.

— Ничего. У нас в ашраме будет своя пуджа.

Они поворачивают обратно. Он больше не спешит, не отделяется, позволяя ей идти рядом, направляя ее в незнакомом пути. Снова мост, вздрагивающий под ногами. Он качается над холодной рекой. Навстречу катятся мопеды, разрезая туман неуверенными лучами. Витя отделяется от нее — на шаг, на два... В бездне кипит вода, туман накрывает лицо плотным покрывалом, зыбкая опора под ногами исчезает... Анна падает, проваливается в темноту, в смерч: солнечные блики на стекле, глухой удар, свадебное платье, распахнутое окно, фигура, удаляющаяся прочь, и плач, плач, детский плач. Все стягивается, превращается в воронку в ее животе, а потом наступает просто чернота. Без всяких объяснений и реплик.

Влажные отяжелевшие веки слегка приоткрываются.

— Аня, Аня... — доносится до нее теплое дыхание. Она чувствует, как мягко обвивают ее руки Вити, и с удивлением замечает, что ее голова лежит у него на груди. Он подносит к ее рту минералку, Анна пытается сделать глоток, но вода течет по губам. Не разжимая объятий, Витя льет прохладную воду себе на руки и мягко протирает ее лицо влажной ладонью. Тени огней, оранжевые сари, красные точки на лбу кружат вокруг, смешиваются с голосами. Сквозь обрывки образов отчетливо проступает нежность. Она льется из его груди, перетекает в нее, заставляя очнуться.

— Ничего, голову напекло. Все такие красивые. Когда это вы успели переодеться? — раздается Сашин голос.

— Сможешь идти? — мягко касается мочки уха. Аня приподнимается, но смерч мгновенно сбивает ее с ног, бросая ему на руки. Горячие ладони, капли воды, сердце его стучит, пробуждает ее. Полутемнота. Полутуман. Полуземля под ногами. Его рука касается ее обнажившейся груди, поправляет топ. Потом плывет по талии, поднимает. Саша пытается помочь, подходит с другой стороны, поддерживает. Но тело, как цветок к солнцу, тянется к Вите, сплетается с ним. Саша отступает, сжав ручки серой сумки.

— Еще чуть-чуть... — касается шепот ее лица.

— Только бы перейти мост... — подбадривает Лола. — Еще когда мы в ту сторону шли, у Ани голова кружилась.

Под ногами река, река. Не смотри вниз... Правда, все равно ничего не увидишь, разве что воронку в животе.

Последние несколько шагов. Сильнее сжимает ее, притягивает к себе. Они должны оказаться на другом берегу. Наконец под ногами асфальт, разгоряченный прошедшим днем.

— Как ты?

— Уже лучше. Прости. Я не хотела. Прости.

Ладони смыкаются. Саша опережает их на несколько шагов. Торопятся пальцы. Обгоняет их Лола. Сплетаются. Силуэты растворяются впереди. Анна смеется.

— Знаешь, что мне все это напоминает? Ты смотрел «Смерть в Венеции» Висконти?

— Нет.

— А книжку читал? Томаса Манна?

— Если честно, нет.

— Там пожилой мужчина влюбляется в мальчика. Все о его страданиях.

— Я вообще-то это не очень люблю, когда мальчик с мальчиком.

— Я тоже. Но речь не об этом. Там вообще ничего не показано. Просто он бродит по городу, который сводит его с ума, дурманит. Как этот вечер.

Перед ними лестница в ашрам — последнее испытание. Огромные вытянутые ступеньки, дыхание прерывается, руки поддерживают, подталкивают. Осталось совсем чуть-чуть... Вздрагивающий мост, недоступная река, берега, усыпанные храмами, будто звездами, остаются внизу.

— Все. Пришли.

— Спасибо, Витя.

Разлетаются ладони в разные стороны.

— А где Саша?

— Какой Саша?

— Саша... У него осталась моя сумка.

— Я позову его.

Убегает. Возвращается через минуту.

— Держи.

— Спасибо. За все.

Двери заперты. Включены вентиляторы. Стучит, стучит его сердце. Льется нежность.

3. Быстрое течение

Om Sa ha navavatu

Sa ha nau bhunaktu

Sa ha viryam karavavahai

Tejasvinava dhitamastu

Ma vidvisavahai

Om santih santih santih*.

* Господи, защити нас обоих
Господи, будь благосклонен к нам
Пусть мы вместе разовьем свои способности
Пусть наше обучение будет сияющим
Пусть мы всегда будем пребывать в согласии
Ом Покой Покой Покой

Полумрак. Тишина, прерываемая лишь пением птиц и влажными нитями воздуха, разлетающимися в стороны от огромных вентиляторов. Веки сомкнуты, тела неподвижны.

— Сконцентрируйте свое внимание на межбровном пространстве — это первый шаг медитации. Тело расслабленно. Не думайте о прошлом и будущем, будьте здесь и сейчас. Не вовлекайтесь в игру ума, не поддавайтесь фантазиям. Будьте над мыслями.

Вздых вырвался из груди Анны, влажные ладони сильнее сжали колени. Она не открывала глаза, но отчетливо видела просторный зал: белые каменные стены, люди замерли на бежевых тканых ковриках в позе лотоса, во главе на деревянном низком столе, устланном белой простыней, сидит их учитель Свами. Его лицо источает свет, который не могут скрыть тени раннего утра. В противоположном конце зала, в самом темном уголке, Анна пытается сконцентрироваться, но продолжает видеть москитные сетки на окнах, закрытую зеленую дверь, а недалеко от нее — Витю, неподвижное лицо, окутанное вуалью добра. Точка между бровями... Почему утром так громко поют птицы? Мысли, одна за другой, подступают. Она пытается не смотреть, не чувствовать, не осязать. Влажная струйка катится по лбу, вьется по шее. «Неужели кому-то холодно?» — она слышит шорох ткани, набрасываемой на плечи. Здесь. И сейчас.

— Я больше не могу так.

— Как — так?

— Неужели ты не понимаешь?

— Нет, если честно.

Анна закрыла лицо руками. Солнце ослепляло. Она забыла темные очки, и теперь свет резал ей глаза.

— Ну почему?

— Ты мне скажи! Тебя что-то не устраивает!

— Меня не устраивает то, что ты даже не понимаешь, о чем я говорю!

Судорога ярости пробежала по его губам. Машина, поддавшись настроению, набирала скорость. Опустошенность переплеталась с разочарованием. Она не хотела причинять боль, не хотела видеть, как меняются его черты под натиском боли и непонимания. Она жаждала воздуха, свободы, солнца, полета. Разве возможно это объяснить? Запах скошенной травы врывается через приоткрытое окно. Тяжелые тучи, пронизанные лучами-стрелами, повисли над полями. Мимо пролетали машины и надежды. Внезапно она увидела его лицо: глубокие карие глаза, смуглая кожа, чувственный рот. Лицо, написанное неровными броскими мазками, полными экспрессии. Как дороги были ей эти черты! Но она жаждала уйти в никуда. Механизм расставания был запущен в ее сердце, и ничто не могло это остановить.

— Аня... Может, передумаешь? — голос его вдруг стал теплым. На долю секунды он посмотрел на нее. Вслед за глазами к ней потянулись рот, нос, черная щетина. Красивый профиль был обращен к дороге. Тучи... Вот-вот пойдет дождь. Грудь сдавила нежность. Анна попыталась набрать воздух

в легкие, заполнить пустоту. Но ей помешал удар. Глухой удар в центр ее жизни. Потом наступила темнота.

Ложка погрузилась в кашу, крупные овсяные хлопья прилипли к железу, не достигнув встревоженного рта. Она выпила несколько приторных глотков масала-чая. Нужно было что-то есть, но желудок был полон боли, для еды не оставалось места. Над вытянутыми узкими столами, расположенными вдоль стен, поднимался металлический скрежет, смешивающийся с причмокиванием изголодавшейся группы. Три с половиной часа утренней йоги были испытанием не только для нее.

— После завтрака встречаемся у входа, пойдем купаться в Ганге. — Голос Вити покотился по каменному полу, задевая ее обнаженные стопы.

— Ты пойдешь в купальнике или там переоденешься?

— Пожалуй, пойду в нем. Когда будет мокрый, сниму. Вообще, я такая максималистка. Я люблю, если закрыто, то абсолютно все. А если обнажаться — целиком. Поэтому обычно купаюсь голышом.

— Лола, думаю, здесь тебе лучше этого не делать.

— Знаю, Аня. Я смирилась.

Лола побежала в ванную переодеться. «Забавно, она меня стесняется», — промелькнуло между черным купальником и красными шлепанцами. Карие раскосые глаза соседки могли бы взволновать Анну, но ни в этот день, ни в Ришикеше, на полном солнце.

Разгорающийся день раздувал пламя жары. Они спустились по лестнице. Разделившись по несколько человек, взяли рикшей. Маленькие открытые голубые машинки понеслись по дороге. Ветер трепал волосы. Две минуты — и они в другом конце города. Оранжевые манго, оранжевые сари в оранжево-сладком воздухе. Навесной мост. Анна замирает. Глубоко вдыхает и летит вперед, проскальзывает между мопедами, прохожими, не оглядываясь на быстрое течение реки. С противоположной стороны моста стоит Саша.

— Саш, а где все?

— Марта знает дорогу. Они пошли за ней. А Витя вернулся обратно, боится, что кто-то остался, заблудился.

«Он ждет меня, мы разминулись», — коснулось тепло сердца. Вокруг — горы, храмы, дома с плоскими цветными крышами, садху с добрыми лицами, черные глаза, обращенные ей вслед. Внутри — молодость, внезапно захлестнувшая своим присутствием.

— Куплю фрукты. — Саша выбирает крупные гроздья винограда. Трогает, вдыхает их медовый аромат, уклоняясь от ленивых пчел. Анне это не интересно. Она продолжает идти по размякшему, разбухшему асфальту. Витя давно обогнал ее, ушел прочь, не оборачиваясь. Он искал, волновался. Пусть остается среди винограда и сорокапятiletних мужчин. Жара начинает сдавливать плечи, делает серую сумку тяжелой. Анна достает фотоаппарат, щелкает без разбору: полуразрушенные дома, жующие коровы, крутой берег. Фрагменты майского дня остаются

на пленке. Они сворачивают с дороги на узкую песчаную тропинку, тянущуюся вдоль валунов к пляжу. Песок под ногами золотой. Его частицы радугой переливаются в лучах солнца. Волшебный. По такому песку она ходила в своих детских снах. Впереди, за поворотом, исчезли последние разноцветные футболки и юбки. Уставшая, Анна опускается на огромный камень. Ганга проносится мимо, успокаивая сердце. С каждой минутой Москва становится более далекой, размываются контуры ее родного города. Любимые, любящие — они здесь. Но она — нет. Анна вдыхает запах еле уловимого ветерка, в котором сплелись куркума и распускающаяся примула.

— У тебя привал?

— Вроде того.

— Вставай-вставай. Чуть-чуть осталось.

Голубоглазый мальчик берет ее за руку, увлекает за собой. Володя ведет ее на пляж, к другому лазурному взгляду.

Веки слиплись от слез. Когда она плакала? Вчера? Позавчера? Прошли год или вечность? Пахло спиртом, больничными простынями. Сквозь мутные оконные стекла просачивался бледный день. Она слегка пошевелила пальцами, картинка перед глазами начала обретать резкость.

— Мама... Ты здесь?

— Конечно, Анечка. Только не волнуйся. Все хорошо.

— А Мухтар?

— Все нормально. Он в другой палате. У него сломаны ребра, левая рука. Но врачи говорят, все будет в порядке.

Две слезы покатались по щекам, тоска сжала грудь под больничной рубашкой.

— А как Сашенька?

— Он у нас. Я ему сказала, что мама с папой уехали. Не волнуйся.

— А я? Что со мной?

— С тобой настоящее чудо, почти ни одной царапинки. Сотрясение. Из-за него ты долго не могла прийти в себя. А может, от шока, сложно сказать. Еще проверили твой желудок, у тебя снова язва. Странно, ты последнее время не жаловалась. Тебя беспокоили боли?

— Не знаю. Не обращала внимания. Мама... Я хочу видеть Мухтара.

Анна почувствовала, как накрывает ее руку теплая материнская ладонь, пытаюсь уберечь.

— Дочка, тебе надо прийти в себя. Да и ему тоже. Потом поговорите.

— Он сказал тебе?

— Да. Вы разводитесь.

— Нет! Нет! Мамочка, я передумала! Передумала! — Анна резко поднялась. Жаркая темнота мгновенно обхватила ее, заставляя опрокинуться на подушку.

— Тише, тише...

— Я все равно пойду. Помоги мне.

Мама глубоко вздохнула, затем крепко обхватила острый локоть, помогая Анне встать. Борясь с тошнотой, с желто-фиолетовыми бликами перед глазами, она натянула халат и неровной поступью, под руку с мамой, вышла из палаты.

Она не сразу узнала его лицо. Грусть поменила черты, заставила впасть смуглые щеки. На ис-

худавшем лице глаза казались огромными и совсем черными. Он тяжело дышал. Каждый новый вздох заставлял двигаться ребра, приносил боль.

— Как ты? — Анна неуверенно села на край кровати.

— Жить буду. Рад, что ты уже можешь вставать.

— Мухтар... Мама...

— Да, да. Пойду, чай попью.

— А как Саша?

— Хорошо. Скучает. Не переживай, Мухтар.

Я к тебе позже загляну.

Дверь скрипнула, обдавая легким сквозняком.

— Мухтар...

— Не надо, Аня. Ты уже все сказала.

— Нет. Прости меня. Все это глупости!

— Ты из-за глупостей решила со мной расстаться?

— Именно. Но все в прошлом. Я больше не хочу этого. Прости.

Хрип вырвался сквозь надломленные кости.

— Что ж... и ты меня прости. Потому что теперь я хочу этого. Уходи. Мне трудно дышать.

Анна встала, вновь ощущая мучительную слабость и тошноту. Она потянула на себя холодную металлическую ручку, дверь показалась ей необыкновенно тяжелой. В коридоре стояла мама, готовая поймать ее в любую секунду. Медленно, вдоль белых стен, они пошли обратно. Беззвучно Анна упала на кровать. Мама набросила одеяло на ее озябшие ноги. Тусклые лучи ее вновь обретенной свободы просачивались через окно.

Он кажется совсем мальчиком, этот Володя. У него узкое печальное лицо, улыбка слегка надменная. Глаза — голубые. Похоже, в этом путешествии у всех голубые глаза, частицы мозаики горного неба. Володя приводит ее на пляж. На песке — ленивый смех, виноградные косточки, яркие полотенца, тела, блестящие от крема. Саша щурится от солнца, методично разрезая арбуз. Марта смазывает бедра мякотью манго, утверждая, что это лучшее средство для золотистого сочного загара, Лола застыла у края воды, в ее очках отражаются солнечные блики. А Витя... Стоит в футболке и шортах (до сих пор не разделся?) и улавливает боковым зрением ее появление.

— Аня, мы уже начали волноваться! — смеется Тая — черноглазая подружка крикливой Лены — парикмахера Саши. Но это — в Москве. Здесь они втроем разрезают арбуз, окутывающий брызгами ладони и волшебный песок.

— Я дошла. Володя подобрал и дотащил.

— Ты нас больше не пугай так!

Анна снимает черное платье, закрывающее плечи, как подобает на святой земле, и остается в раздельном черном купальнике. Первый раз она показывает ему свое тело, неловкость колет кожу, но она расправляет спину, сбрасывает шлепанцы. И, вложив ладонь в протянутую ей руку Вовы, идет в Гангу. Вода — ледяная. Судорога мгновенно пронизывает ноги от кончиков пальцев до бедра. Володя смеется.

— Ну что, Аня? Прохладная водичка? — рывком он увлекает ее вперед. Звонкий крик с безудержным смехом смешиваются с всплесками воды.

Она терпит холод и накотившую усталость несколько минут и возвращается на берег. Мурашки растворяются под натиском полуденного солнца. Ей предлагают фрукты. «Нет, спасибо. Не хочу». Он стоит неподвижный, как статуя Шивы у подножия города. Перед глазами рождается картинка... Рука об руку они входят в реку, обдаваемые лучами солнца, проваливающимися в туман. Он берет ее на руки и начинает кружить, волосы ее касаются воды, дыхание улавливает запахи наступившего вечера. Туман... А он все кружит и кружит ее. Кружится в ней.

Анна бежит в воду. Плывет. Течение сильное.

— Эй, поаккуратнее там! На камни унесет! — кричит Володя ей вслед. Витя жестом показывает, чтобы она вернулась. Ей хочется плыть. Назло видениям. Но вдруг река опутывает, увлекает, настойчиво требует следовать за ней. Страх запрыгивает в желудок. Они даже не успеют понять, в чем дело... Под ногами дно. Слава богу! Анна стоит в крошечном пространстве между камнями, скрытыми течением, пытается совладать с потоком. Она машет им: все в порядке. Черт возьми! Медленно пробирается сквозь цепкий холод матери-Ганги. Ей больше не хочется ни с кем шутить. Она ждет, когда влага испарится с кожи, затем начинает одеваться. В другом конце пляжа Витя делает то же самое. В едином порыве они приближаются друг к другу.

— Витя, ты уходишь?

— А ты тоже? Солнце уже совсем припекает.

Они вступают на дорожку, извивающуюся между камней. Жара вновь рождает головокружение. «Только не падай!» — говорит себе Анна.

— Давай срежем. Поднимемся наверх, на дорогу.

Анна следует за ним. Подъем крутой. Сердце начинает беспощадно биться, мокрые шлепанцы скользят по земле. Витя улавливает ее настроение, ее слабость. Берет за руку.

— Голова кружится?

— Да.

— Я тебя сейчас протащу.

Он быстро тянет ее за собой. Перо, поднимаемое ветром.

— Витя, надо было подумать, прежде чем меня звать в Индию.

— А я подумал. — Лазурь встречается с медом. Лица застывают напротив друг друга. — Я хотел, чтобы ты посмотрела. Когда бы ты иначе собралась? — Они вступают на асфальт. Ее отрывистое дыхание касается его плеч. — Присядь, отдохни. — Из рюкзака он достает пакет и кладет его на высокий камень. Все слегка дрожит в дымке жары. Вокруг прыгает обезьяна.

— Ладно, пойдем.

— Точно?

— Пока да.

Анна поднимается. Их ладони рядом, осталось только сцепить пальцы. Жест, требующий огромных усилий в этот жаркий день.

— Аня, подожди, отряхнись. Ты сзади вся грязная.

Она рассеянно проводит рукой по платью. Оглядывает ноги — по колено в пыли.

— Уже неважно.

Дорога тянется. Время — улетает.

— Ты такой добрый.
— Да перестань.
— Правда. Меня это поражает. Во мне нет добра. Ты всем помогаешь.
— А ты?
— Мне все равно. Меня волнуют только близкие. Даже слишком.
— Разве может быть слишком?
— Да. Иногда ничего не можешь изменить. Нужно отстраниться. Я только сейчас это поняла.
— Посмотри сюда. — Витя останавливается около кустарника, усыпанного крупными красными лепестками. — Это китайские розы. Их называют «цветами прекрасных женщин». Распускается именно в это время года.
Анна наклоняется к лепесткам, втягивает в себя их аромат.
— Очень красиво. А ты можешь разозлиться?
— Могу.
— Не похоже. А заплакать?
— Да.
— Мне кажется, скорее заплакать, чем разозлиться.
Витя смеется. Улыбка тает на загорелом лице. Дорога закончилась, шумный Ришикеш окружает их. Плышет Ганга, и земля начинает плыть.
— Попей водички. — Он совсем рядом, готов поймать, поддержать. Слабость связывает колени Анны. Только его глаза — центр вселенной — не дают провалиться в темноту.
— А я не могу плакать. Это всегда было проблемой. Нет, конечно, из-за ерунды какой-нибудь

можно всплакнуть. Но из-за чего-то серьезного — никогда. От этого очень тяжело.

— Смотри, вот здесь магазинчик, очень неплохой. Там интересные сувениры. Зайдем?
— Не сейчас, Витя.
— А еще там есть вентиляторы.
— Ладно.

Кашмирские шали развеваются от ветерка, пахнет сандалом и кедром, вокруг восседают маленькие пыльные божки. Анна жадно вдыхает прохладу. Хочется лечь на пол, в самую грязь и темноту. Утянуть его в свое головокружение, раствориться в нем. Его взгляд, блуждающий между статуэток, неизменно возвращается к ней.

— Ну как, легче?

— Да.

— Ничего. Вот так перебежками дойдем до кафе, пообедаем. Придешь в себя, тогда останется последнее испытание — лестница в ашрам.

— Серьезное испытание.

— «Два куба и куба рядом»...

— Что? — смеется.

— Песня такая есть. Не знаешь?

Они выходят. Жара набрасывает свои сети. Ладонь не подчиняется больше импульсам мозга и плавно ложится в его руку.

4. Водопады

В Москву совсем не тянуло. Агентство «Слом и вывоз» исчерпало его душевную потребность к разрушению. Он не боялся мозолей на ладонях или вырванного с корнем грязного унитаза. Но все эти промозглые голодные вечера среди черствого хлеба и горьковатого пива, разве стоят они того, чтобы возвращаться? А здесь — солнце. Оно везде, заполняет каждую щель. И нет ни одной песчинки, ни одного листка, не наполненного светом. Аза по-прежнему с ним. Ее тело обрело новую гибкость во влажном климате, смуглая кожа струится под тонкой белой хлопчатобумажной тканью, волосы разлета-

ются по подушке черным облаком, предвестником взрыва наслаждения. Аза... Аза... Его женщина. Его девочка. Каждую ночь они едут к друзьям, где пляшут даже звезды на небе, а потом бегут друг к другу по тонкой нити сладкого дыма. Прекрасная страна. Есть города, в которых не найти алкоголь, сигареты. Но гашиш вне правил, как его собственная жизнь.

— Поехали?

— Да.

Они готовы выйти на улицу. Закрыты ставни, выключен телевизор, где только что раскрашенные лица надрывались от горя в своих песнях. Аза закалывает волосы, обнажая тонкую шею, манящую гладкостью и запахом сандала. Он касается ртом кожи, запускает горячие ладони под белую ткань, жадно ловя каждый сантиметр хрупкого подвижного тела. Сомкнуты веки, губы, ноги. Вертятся в смятой простыне среди душного дня. Наконец вздох, крик или шепот — неясно. Запрокинут его затылок, вытягивается ее спина. Короткие спазмы проносятся по мышцам, пока не наступает полное расслабление. Дыхание успокаивается. Аза начинает ощущать дуновение ветерка, создаваемое деревянным вентилятором, натягивает на живот край простыни и готова вот-вот провалиться в приторный тяжелый послеполуденный сон.

— Ну-ка просыпайся. — Нежно забираются пальцы ей под мышку.

— Н-нет... Пожалуйста... Дай поспать.

— Поехали. Покатаемся.

— Н-нет... — Она потягивается, раскрывая грудь, влажную от недавнего напряжения. «Стоит ли уходить?» — закрадывается сомнение.

- А у нас на вечер ничего нет.
- Что, совсем?
- Да.
- Что же ты сразу не сказал! Пошли.

Первые секунды свет режет глаза. В последующие их щиплет солоноватый ветер, а мотоцикл набирает скорость, разрезая жару. Аза обвивает руками цветастую рубашку, запрокидывает голову, открывая лицо небу. Бесконечное, оно тянется над головой, трепещет, как шатер из шелка. Оно обещает вечную свободу, ленивые дни без цели, без обид. Тепло ради тепла. Ее бедра теснее прижимаются к нему на кожаном сиденье, заставляя его губы вздрагивать от улыбки, пробуждая в нем жажду скорости. Быстрее... Быстрее... Они летят над дорогой, над дождливыми московскими днями, над его одиночеством, над жестокостью ее отца-мусульманина... Они летят... Не замечая огромного, темного куска металла, вылетающего из-за поворота. Теперь у каждого свой полет. В пыль, кровь, крик, не успевший вырваться сквозь сомкнутые ужасом связки. Небо разорвано, уничтожено темнотой. Глухой удар в грудь. Дыхание останавливается. Затем тяжелый вдох Вити. Вдох его новой жизни.

— Недавно произошел такой инцидент: двое, парень и девушка, стояли на улице и целовались. Один из прохожих подошел к ним, размахнулся и ударил. Об этом написали в газете, и общественное мнение разделилось. Одни говорили о свободе, другие резко осуждали парочку, утверждая, что они вызвали вполне естественную реакцию. Неко-

торые вещи должны быть скрыты от посторонних глаз. Мы забываем об этом. Слишком часто забываем об этом. Иногда это приводит к трагедии. На этом закончим. Хорошего дня. Харе Ом.

— Харе Ом. — Эхом отозвался зал.

Анна встала, ощущая покалывание в коленях. Ноги затекли и с трудом несли ее к выходу. На улице раздавались уже привычные крики обезьян и пение птиц, предвещавшее день еще более жаркий, чем обычно. Она вошла в комнату, застигнув полоску обнаженной спины, мгновенно скрывшуюся в ванной.

— Лола, ты пойдешь на водопады?

— Да. А ты? Сегодня очень жарко, ты выдержишь?

— Пойду в любом случае. Не могу же я здесь целый день сидеть!

Анна присела на кровать, взяв в руки маленькое зеркало. Ее отражение: медовые глаза в ободке теней бессонницы, бледные тонкие черты... Она запрокинула голову на подушку.

— Когда же я загорю? — произнесла она вполголоса, и вопрос ее не был услышан шоколадной соседкой. Она не знала, дойдет ли до водопадов под обжигающим маслом тающего солнца. Но остаться за зелеными ставнями и целый день думать о нем было невыносимо. Мечты всегда вели ее за собой. Сколько раз она говорила себе: «Прежрати! Забудь об этом». А потом перед глазами возник фрагмент картины, она не могла удержаться и смотрела, смотрела... Пока не оказывалась внутри. Мечты о свободе...

Мухтар поцеловал сына и вышел. Никаких хлопков дверью или упреков. Анна вздрогнула от тишины. Сашенька замер, уставившись на дверь. Ее малыш, не затихающий, не замолкающий ни на секунду, не произносил ни звука, обрушивая на ее плечи волну раскаяния. Она уже не могла вспомнить, из-за чего начала тот разговор. Чем была недовольна? Что искала? Шторы вздрагивали от осеннего ветра. Бесшумно ступая по черному паркету, она подошла к окну и резко надавила на тяжелую раму, прячась от нестерпимых запахов осени.

— Аня... Ты пойдешь или будешь отдыхать?
Анна приподнялась на локтях.

— Хорошо, ты еще здесь. А то бы я все проспала.

Рюкзак мирно покачивался на спине Вити, гипнотизируя ее, будто маятник. Они разбились по несколько человек и сели в джипы. Дорога тряслась, извивалась вдоль Ганги, охваченной золотым свечением песка и камней на берегу. Маленькими глотками Анна пила холодную воду, предчувствуя очередную борьбу с собственным телом. Подниматься куда-либо сквозь липкую жару казалось ей настоящей пыткой. Но в тот день, когда она купила билет в Индию, она запретила себе отказываться от любых предложенных возможностей. Она была отчаянной, осторожной, потом одинокой. Пришло время становиться собой.

Решимость померкла спустя десять минут, когда группа, во главе с Витей, змейкой полетела вверх, оставляя ее позади. Шлепанцы скользили по земле, сердце бешено колотилось. Подъем ока-

зался более крутой, чем она ожидала. Боль узлом скрутила желудок, вызывая в ней приступ гнева. За секунду она возненавидела йогу, йогов, ее шустрых друзей. А главное — Витю. «Как? Как же ты мог меня оставить?» Хотелось заплакать и забраться все-таки повыше, чтобы спрыгнуть оттуда. Солнце над головой начали закрывать фиолетовые пятна.

— Тебе помочь? — Невысокий парень с смугло-грязно-загорелым лицом оторвался от змейки. Ден с рассеянно-виноватой улыбкой протягивал руки, готовые забрать серую сумку.

— Да нет. Спасибо. Иди.

— А ты?

— А я дня через два доберусь.

Анна засмеялась, изо всех сил пытаясь скрыть досаду. Солнце просачивалось в корни волос, натурало кожу острым лезвием.

— Давай. — Ден сорвал с ее плеча сумку и решительно зашагал вперед. — Не отставай.

Она пыталась. Ноги набирали темп, но голова вновь была полна дыма, приглушающего скрип веток, шум листвы, голоса, замирающие где-то вдали. Минут через пять она вновь сидела на камне. Ден замер на пригорке.

— Иди, правда. Я не могу так быстро.

— Как-то это будет неправильно.

— А ты что, всегда правильный? Ты, вообще, откуда такой взялся? — Взглядом она обвела его фигуру, начиная с неровных пальцев в кожаных сандалиях и заканчивая розовой банданой. — Чем ты занимаешься в Москве?

— Я юрист.

— Что?! — Смешные бриджи и нелепая желтая майка — юрист?

— А сколько тебе лет, Ден-юрист?

— Сорок три.

— Ха! — Даже пятна померкли перед глазами — неужели она настолько не умеет определять возраст человека? — Ты что, забальзамировался?

— Вставай. Скоро все обратно пойдут.

Вновь скользят шлепанцы, воздуха меньше, противно ноет под левой лопаткой. Желудок — единственный центр боли, дирижер ее тела. Отчаяние подступает вместе с тошнотой. Ладонь невольно прижимается к животу. Это не пройдет. Никогда...

— Аня... — Его голос подобен внезапной вспышке в темноте.

— Витя, ты вернулся... — Мгновенно отличается от сердца темно-мутно-вязкая печаль. Он вернулся. Все будет хорошо. Хочется заплакать от тупого, примитивного, ничем не обоснованного счастья.

Он берет ее за руку, сжимает ладонь сильными горячими пальцами, тянет за собой. Серая сумка и Ден растворяются впереди.

— Не думай, что я тебя оставил. Я знал, что ты с Деном. Я все контролировал. — Анна прижимается к нему. — Хочешь пить?

— Да, да. Хочу.

Несколько глотков его возвращения. Узкая ладонь плывет в свой дом, где ей бесконечно уютно, доверяет без всяких вопросов.

— Витя, ты такой добрый...

— Прекрати.

— Такой хороший! Мне неудобно рядом с тобой идти! Seriously!

Шум воды смешивается в его сердце с ее словами. Они пришли. Водопады. Потоки струятся по скалистой поверхности, покрытой мхом. Люди, люди тянут руки, лица, ноги к воде, впитывают, вбирают в себя прохладу горных ручьев, слившихся в симфонию. Их руки расходятся в разные устья в преддверии посторонних глаз. Босиком Анна идет под холодные брызги, под струи, падающие с небес. Смывает с себя боль, тревогу. Позволяет ткани впитать надежду. Все будет хорошо. Он вернулся.

Он коснулся ее груди. Внезапная судорога пронеслась по телу. Сквозь матовое оконное стекло угадывался подступающий вечер с засыпающими лесами Швейцарии. Безмятежный воздух, наполненный убаюкивающим пением птиц, смешивался с запахом лавандового масла. Но лицо Анны исказила тревога. Ее пугала близость с ним. Это длилось минуту, не больше. Она пыталась скрыть выражение глаз за сомкнутыми веками, дрожь тела — за тесными объятиями. Мухтар слишком хорошо знал жену, поэтому отстранился и присел на край ванны.

— Опять? Я думал, это в прошлом.

— Конечно. Просто... Вечереет...

Вечер. Подступающий прилив ночи, приближающий ее к берегу ночных кошмаров. Ее муж — не ее. Незнакомый, чужой, жаждущий, требующий. Нежность разбивается вдребезги. Семья — нужно подумать, заставить себя вернуться в мгновение этого дня. Все в порядке, Аня. Ты ведь это знаешь?

Знаешь? И она обнимает. Обвивает. Забывает. Или пытается забыть. В белой кровати спит маленький Сашенька. Она уже мама. У нее сын. Ирония судьбы — воспитывать мужчину.

Мокрая ткань прижимается к спине, будоража прохладой. Люди рассеиваются, исчезают на тропе. Остаются: она, Витя, Володя, Костик, играющий на гитаре, Таня, готовая вторить разлетающимся звукам музыки, и невзрачная девушка без имени, потому что кому оно интересно? Анна садится на свой шарф, наброшенный на кроссовки Володи, который подле нее вытягивает босые ноги.

— Улыбнись. Да, вот так, — говорит Голубоглазый мальчик. — Ты когда смеешься, у тебя брови складываются (собирает треугольником указательные пальцы) — домиком. Забавно.

— Рада, что тебе нравится.

Она запрокидывает голову, чтобы смотреть на лицо Вити на фоне неба. Желудок нестерпимо ноет, но она забывает об этом, позволяя распускаться своему медовому взгляду, притягивая Голубоглазого мальчика и тихое брнчание струн. Желая только его.

Еще не высохло платье, но пора, пора. Джипы давно уехали. Костик и Володя на мотоциклах. «По очереди отвезем всех в кафешку, ок?» Внезапное разочарование. Ей кажется, сейчас она уедет — и это навсегда. Она не готова расстаться, лучше идти пешком. Абсурд. Прикуси язык, Аня. Подбирая платье, она перекидывает ногу. Обвивает руками жилистую спину Костика. Мотор заведен, они

мчатся по извилистой дороге. Его взгляд провожает, придерживает ее за плечи.

— Ты когда-нибудь ездила раньше на мотоциклах?

— Давно. — Слова выхватывает ветер.

— Так крепко прижимаешься ко мне. Не бойся. Нет, нет, не отпускай. Мне нравится.

Он оставляет ее около кафе.

— Поднимайся на второй этаж. Закажи пока что-нибудь холодненького. Я за остальными.

— Ладно. Витю привези, он мне нужен (что ты несешь?).

— Куда ж мы без него! Подожди. Посмотри на меня. У тебя глаза не просто карие. Они — золотистые.

— Привези его скорее.

Анна поднимается по деревянной лестнице, снимает шлепанцы. Грязными стопами идет по грязному ковру вдоль грязноватых подушек. Заказывает минералку и с ужасом разглядывает стакан, мутный от не смытых отпечатков гостей из разных стран. К черту. Забавно будет отравиться и умереть. Только бы быстрее он приехал. Почему так важно сейчас? Она не знает. Но с беспокойством выглядывает на улицу, кишачую рикшами, торговцами и подгнившими фруктами. Не замечая рядом появившихся — встревоженного Голубоглазого мальчика, Таню, девушку без имени.

Вот и он. Садится напротив.

— Ты что-нибудь заказала?

— Пока нет.

Витя с беспокойством оглядывает ее колени, прижатые к животу.

— Тебе нужно поесть.

— Да. Что-то мне плохо.

— Мы в прошлый раз брали lassi. Нормально после него?

— Да.

Витя нетерпеливо подзывает официанта, просит принести быстрее. Анна съеживается, затихает, вылетая из общей орбиты разговора.

— Что я могу для тебя сделать? — беспокоится Володя.

— Да ничего. Не переживай.

— Я учился в военном училище. Там у многих была язва. Представляю, что это такое. Ты можешь мне довериться.

Витя вновь окликает официанта: «Где lassi?» Напиток затерян среди грязной посуды в крупных мясистых руках повара.

— Должен же мужчина что-то сделать для тебя? — не унимается Голубоглазый мальчик.

Витя резко встает, быстро спускается по лестнице и выходит. Анна с беспокойством смотрит ему вслед, все глубже проваливаясь в подушки и боль. Через несколько минут он возвращается с огоньком победы в зрачках и прохладными пакетиками в ладонях. Одновременно официант ставит перед Анной высокий стакан, притупляя его триумф. Приносят пельмени с овощами, рис, лепешки. Костик что-то напевает.

— Нет, Рушди, — это супер. Образы — сумасшедшие, — срывается с губ сквозь незатейливый мотив.

— Да, мы сейчас как будто внутри его романа, — пробуждается Анна.

— Ты тоже читала «Дети Полуночи»? — поворачивается к ней мальчик.

— Да Аня настоящий фанат. — Витя все еще поглаживает свою прохладную добычу левой рукой, правой накалывает пельмень на вилку из мутной стали.

— А о чем он пишет? — интересуется девушка без имени.

— Ну, как сказать, о чем? — Костик возмущенно откусывает chapati.

— Не знаю... Реальные события описывает? Смех Анны пузырьками взрывается в белой жиже напитка. Она наклоняется к Вите.

— Не могу. Такие вопросы меня убивают. Ее лицо вновь обретает краски. Его сердце успокаивается.

— Витя, а ты служил? — раздается вопрос непонятно из чьих уст.

— Не-а.

— А как же? — вновь удивляется девушка.

— Я в дурке лежал.

Анна внимательно смотрит на него, сдерживая улыбку. «Похоже, течение Ганги уносит не только меня».

— Чтобы откосить?

— Да. Мы с друзьями разделились — часть косила под психов, часть под больных. В основном изображали сотрясение мозга.

— Как же его можно изобразить?

— А легко. Берешь ложечку, — он берет в руки чайную ложку и ловко вертит ее в руках, — и начинаешь методично постукивать по лбу в одно и то же место. Гематома появляется очень быстро. Потом

аккуратненько царапаешь карандашом. После нужно побольше съесть, чтоб было чем рвать. Один вызывает скорую, «пациент» садится рядом с домом, блюет. Тут приезжают врачи и застают следующую картину: парень с огромной шишкой, все заблевано... Даже снимок делать не надо.

— Не оторвать взгляд от него. Может, ты ангел? Только ангел способен выглядеть таким серьезным, неся подобный бред.

Они рассчитываются. Внезапный ужас расставания вновь обрушивается на плечи Анны.

— Я попрошу Костика, он довезет тебя до ашрама.

— Нет, нет, я не хочу.

— Дойдешь?

— Да.

Еще немножко полубреда, полуприкосновенный после полудня. Они проходят сквозь шумную липкую улицу, пестрящую шелковыми шарфами, и сворачивают на тропинку вдоль Ганги.

— Посмотри, олеандр, цветет только в мае.

Витя дотрагивается до пушистых сиреневых лепестков. Анна наклоняется, вдыхает, растворяется в блаженстве водопада его близости.

5. Ночные диалоги

Анна подошла к большой раковине, посыпала голубоватым порошком тарелку и поднесла ее под сильную струю холодной воды, позволяя исчезать остаткам ведического ужина. Она не сводила глаз с кусочков стручковой фасоли и крупинок риса, проваливающихся в черную дыру. Вечер окружал ее со всех сторон, заглядывал с потемневшего неба. Цикады стрекотали, не умолкая ни на секунду. Запах обожженной солнцем травы щекотал ноздри. За спиной стоял Витя, держа в руках поднос с грязной посудой, ожидая своей очереди. Хотелось взять его за руку и пойти в ночной го-

род, раствориться в пустынных улицах. Все так просто...

— Витя, ты сейчас идешь к себе в комнату?

— Да. Устал. Лягу спать.

— Минут через пять принесу тебе мазь. Нога еще болит?

— Пока да.

— Ладно. Я сейчас.

С грохотом посуда полетела на стол. Анна достала из аптечки голубой тюбик и присела на кровать, пытаясь совладать с волнением. Звезды, словно лилии в пруду, распускались в черном зеркале неба. Едва уловимый ветерок просачивался сквозь щели в ставнях. Она подошла к маленькому зеркалу в ванной, начала поправлять волосы, но внезапно опустила руки. «К черту! Пусть будет все как есть. Я достаточно красилась, душилась, одевалась... С ним — никакой фальши, только я...»

Биение сердца подступило к пальцам и раздалось короткими глухими деревянными ударами.

— Войдите.

— Это я. Держи.

— Спасибо.

Не смотрит в глаза. Перекладывает вещи с места на место.

— Меня здесь мучает жуткая бессонница. Вообще не могу уснуть.

— Это место так действует. Очень сильная энергетика.

— Наверное. Но я так устала. А отдохнуть не получается.

— А ты попробуй расслабиться. Подыши.

— Мысли. Мысли разрывают меня на части. Можно мне присесть?

— Конечно.

Она опускается на черный потрепанный стул. Он — на кровать, в противоположном конце комнаты. Между ними пространство, наполненное неуверенностью.

— Знаешь, пока я не начала заниматься йогой, мне было спокойнее.

— Просто на поверхность начали выходить эмоции, спрятанные глубоко-глубоко.

— Но я не хочу их.

— Только так можно избавиться.

— Знаю. Но страх, гнев... Тяжело. Злюсь ужасно.

— Гнев — это нормально. Тебя что-то не устраивает — это естественная реакция, неприятие.

— А если он беспричинный, взбалмошный, ничем не обоснованный?

— Тогда голову в холодную воду.

— Я запомню. Витя... Понимаешь, много чего было в моей жизни... Теперь мне страшно. Я боюсь потерять то, что имею. Потому что я этого недостойна. Мужа я уже потеряла.

— А Алик?

— Мы еще не женаты.

— Но это же формальность?

— Наверное. Чувство вины не дает мне вздохнуть. Я всех предаю, всех обманываю. Себя в первую очередь.

— Отпусти все. Следуй своей природе.

«А ты следуешь?»

— Было время, когда я ничего не чувствовала. Я пыталась найти хоть что-то, дойти до отвращения к себе, лишь бы ощутить просто, что я — есть.

— Аня...

— Ты ведь ничего не знаешь! Я встречалась с мужчинами, с их сыновьями. Я спала с кем-то, чья беременная жена случайно видела нас... А теперь у меня ребенок. Я боюсь за него. Каждую секунду. И мой бывший муж, словно тень от огромного соседского дома! Все со мной, вот здесь (прижимает ладони к животу). Я слышу плач и шепот тех, кого больше нет. А сама даже не могу заплакать.

— Аня, я когда познакомился со своей женой, она просто кидалась на мужчин, каждому готова была расцарапать лицо. А потом — оттаяла. Я отогрел ее.

Плечи Анны вздрогнули. «Зачем ты говоришь мне об этом? И сидишь так далеко! Разве не ждал ты меня?» Судорогу сменил глубокий вдох. Может, весь смысл в разговоре? Секс... Его было слишком много. А тепла? Не требующего, без вопросов... Много его было в твоей молниеносной жизни, где ты ненавидела мужчин, потому что они — мужчины?

Стук в дверь не сразу донесся до них, застревая во внешнем мире.

— А-у-у! Витя, ты спишь?

— Нет, заходи.

— О! Аня! Привет-привет.

Марта буквально запрыгнула в комнату. Высокая, крупная, с вечно вываливающимися из одежды то грудью, то ягодицами, она весело встряхива-

ла рыжеватыми волосами, пытаюсь изобразить на лице гримасу проблемы.

— Что-то мне так плохо, Витечка!

— Чего случилось?

— Опять панкреатит, замучил, собака.

Анна улыбнулась: днем она видела Марту, терзающую зубами беззащитный манго, у которого явно не было шансов.

— Тебе дать креон?

— Ой, ты тоже, Аня? Ты меня просто спасешь!

— Тебе десять или двадцать пять тысяч?

— Десять, если больше пьешь, то все, каюк.

Потом без таблеток уже не можешь.

— Витя, а в Ганготри мы, значит, послезавтра едем?

— Да, как и планировали.

— Ладненько, я пошла.

— Я тебе сейчас принесу таблетки.

— Жду.

Дверь захлопнулась. Нить вновь натянулась, но резко оборвалась от телефонного звонка.

— Привет, Азочка! Как там мои девочки? Я? Да, один. Сейчас Марта забегала. Да, в своем репертуаре.

Анна тихо встала и бесшумно вышла. Впереди была бессонная ночь. Среди темной листвы не успокаивались обезьяны, продолжая кричать об ее одиночестве.

Она поднялась на крыльцо и замерла у запертой двери. Лола сладко-шоколадно-таинственная где-то гуляла. Анна устало опустилась на низкий

продолговатый деревянный столик, стоящий у порога. В его окнах погас свет, отсюда было отчетливо видна исчезающая рябь света за тяжелыми ставнями. Мобильный скользил во влажных ладонях. Она набрала «Алик», но тут же сбросила. Пальцы начали выстукивать другой номер — ее бывшего мужа.

— Мухтар, это я...

— Привет, сейчас Сашку позову. Он только руки помоеет, а то весь в гуаши.

— Ладно. А как ты?

— Отлично. Что Индия? Уже разочаровала?

— Почему?

— Тебя же все разочаровывает, когда ты это получаешь.

— Видимо, не все еще получила. Ну, а что ты, расскажи мне...

— Все. Даю Сашку.

— Мама, я дракона нарисовал! Огромного и страшного! Ты когда приедешь?

— Еще чуть-чуть потерпи. Мама вернется и расскажет тебе очень интересную сказку.

— Сейчас расскажи!

— Не могу. Она слишком длинная. Как ты? Вам с папой весело?

— Очень. Папа купил мне новый велосипед.

— Здорово. Я тебя целую.

— Мама, я скучаю.

— Я тоже, мой родной. Скоро вернусь.

Глаза щипало. Не то чтобы слезы. Наверное, от усталости. Анна вновь покопалась в аптечке, нашла круглый тюбик креона и повесила обратно на задвижку шершавый железный замок.

— Держи, Марта.

— Ой, спасибочки. Садись.

— Да-да, присаживайся. — Ден резко вскочил с кресла. — Чай будешь?

— Пожалуй, да.

— Тебе джинджер или масалу?

— Масалу.

— Ок. Я сейчас.

— Денчик, и мне еще плесни кипяточку.

Кутаясь в толстый шерстяной плед, Марта изображала глубокую скорбь на лице.

— Потрогай, какой мягкий. — Анна дотронулась до белого ворса. — Это я в прошлом году в Ганготри купила. Я тогда неподготовленная была, мерзла ужасно. Теперь все с собой: и любимая подушечка, и постельное белье...

— И весы. — Ден поставил перед Анной пластиковый стаканчик, над которым вилась струйка пара, разрезавшая душную ночь.

— Что? — Взрыв смеха сорвался с уголков губ. — Серьезно?

— Ну да. Я на диете. Ладненько, дорогие мои. Пора на боковую.

Марта плотнее укутала себя в плед. Охая и вздыхая, снежный человек удалился.

— Рассказывай, Ден, как ты здесь оказался?

— Где, в Индии?

— Нет, в йоге.

— А-а... Пил много. Так, потихоньку, потихоньку выбрался.

— О чем ты мечтаешь?

— В каком смысле?

— Мечта есть?
— Какой-то глобальной нет.
— Плынешь по течению?
— Можно и так сказать.
— Мне кажется это дико скучным.
— Да нет. Радуюсь тому, что есть.
— А мне всегда нужна была цель, мне необходимо желать, жаждать. Правда, это тяжело, но захватывающе. Ни с чем не сравнимое ощущение, когда вот-вот... и оно твое. словно прыжок в танце. Я раньше танцевала. Больше ничего не хотела. Только танец. Бешеный поток энергии. Выходишь из темноты в зал, и все смотрят, вкушают... А ты отдаешь и принимаешь одновременно. А потом порвала мышцу.
— А сейчас чем занимаешься?
— Пишу.
— Романы?
— Картины. Недавно была выставка моих работ в галерее «Марс».
— Слушай, здорово. А какой стиль?
— Абстракция. Так не объяснишь, нужно смотреть. Рассказываю о своих чувствах с помощью цвета и полутонов. Большинство людей даже не подозревают, сколько существует оттенков. Они блуждают в темноте. Мой самый главный талант, если вообще есть еще другие, умение видеть. Я воспринимаю это как самый большой подарок судьбы.
— Еще чай? — Ден заглядывает ей в глаза, пытаясь уловить все оттенки меда в свете луны, застывшей между широкими ветвями. Садится

чуть ближе, виновато-неловко улыбается. Все до смешного прозрачно. Комната Вити в нескольких метрах от них, Анне кажется, что она улавливает его дыхание во сне, которое перебивается непрошеными вздохами напротив.

— О! Ты здесь? — Вырывается фигура Володи из подступившей ночи. — Вот! Вот опять! Улыбнись. Мне нравится — бровки домиком.

— Так. Мы принесли фрукт. — Руки Костика протягивают что-то кругло-продолговато-желтоватое, источающее сладкий запах.

— Это что, папайя? — Ден пытается скрыть разочарование от прерванного диалога и совладать с эрекцией.

— Может, папайя. Может, кто еще. Главное, чтобы вкусно. Ань, будешь?

— Нет, спасибо. Я сейчас пойду.

— Оставайся. Поболтаем. — Володя стягивает майку, обнажая бледноватое жилистое подтянутое тело, совсем как у подростка. Анне хочется смотреть на кубики его живота. Володя смущается. Взгляды — пристальнее, слова прилипают к небу. Ден, Костик, Володя... Стрекохут цикады. Нож скользит по сочной мякоти. Все, кроме Анны, берут по куску. Сахарная влага течет по губам и рукам.

— Ладно, спокойной ночи.

Анна встает. Хрупкая фигура, разбудившая фантазии, удаляется. Уже не так сладко, не так смешно, и вообще пора спать.

— Ты с Ромой и Олей была?

— Только с Ромой.

— Как погуляли?

— Отлично, просто отлично. Были в симпатичной кафешке на другом берегу.

— Лола, а Оля — девушка Ромы?

— Нет. Они раньше были вместе, давно расстались, теперь друзья. Оля замужем. Правда... Только это между нами...

— Конечно.

— Оля злится, что я общаюсь с Ромой. Абсурд.

— Наверное, что-то у нее осталось.

— Просто какие-то собственнические чувства. Я в замешательстве. Даже не знаю, как реагировать. Ладно, спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

6. Пуджа

— Теперь шавасана. Тело расслабленно. Не вовлекайтесь в истории, не концентрируйтесь на своих желаниях. Наблюдайте, как уходит напряжение из каждой мышцы, каждого органа.

Анна закрыла глаза, руки в стороны ладонями вверх. Вокруг дыхание: обрывистое, глубокое. Дыхание, вырывающееся из легких вместе с пружиной бесконечного «надо». Сейчас никто никому ничего не должен. Еле уловимый скрип вентилятора убаюкивает, успокаивает, касаясь нежным ветерком лица. Вздрагивают мышцы от недавнего напряжения.

Ришикеш. Лестница к ночной Ганге. Он сидит на ступеньках, уходящих в воду. Она рядом. Порог их нового бытия вместе. А может, просто общая иллюзия. Усталость сквозит в каждой черточке. Морщинки в уголках глаз — резче, губы, высушенные солнцем, — приоткрыты. Лицо тает на фоне реки...

Четыре года. Около того. Прыгает по цветным квадратикам на асфальте, в руках кукла со стеклянными синими глазами. Игрушечные белые волосы щекочут ладошку, сильно пахнет черемуха, осыпая белым водопадом лепестков. Сладкий приторный запах радости, голос мамы: «Пора обедать».

Длинные смуглые ноги. Тонкие щиколотки, подтянутые икры, упругие бедра. Не оторвать взгляд от отражения в узком зеркале дверцы шкафа. Черные замшевые босоножки — в них аккуратные алые ногти.

Лицо без лица. Ком в горле, спазм в груди. «Ты похожа на мою дочь. Сходство поразительное». Захлопнувшаяся дверь машины. Она внутри. Но как? Дорога вьется вверх, стремительно, вглубь ночи, в безлюдную чашу кипарисов, упирающихся в темноту. «Может, выпрыгнуть?» Страшно. Через час: разве знала ты что-нибудь о страхе? Стрелка останавливается на минуте боли. Алтарь. Какое-то срубленное дерево, камни. Веревка на запястьях, на песке мелкий узор юбки, скомканной, сорванной. Руки — цепкие, горячие, всепроникающие, даже там, где сжато до предела. «Пожалуйста, не надо... А как же дочь?» Потом звуки — невнятные, слезы — звонкие. Потом вопль, не способный вырваться сквозь спазм в горле, слезы — застывшие

в зрачках. Царапают камни, ногти, чуть подковыривает холодное лезвие, так, до первой крови. Мутный голос нашептывает, напевает. Скрип ширинки. Господи... Господи... Запястья обретают силу, выскальзывают из петли. Тонкие девичьи пальцы нащупывают металлическую рукоятку ножа, лезвие входит в рубашку, в кожу. Не хватает сил. Кувырком, острый гравий. Бежит... Бежит... Не различая дороги. Скорей бы рассвет. Куда же?... Стерты стопы в кровь. Спускается, не замечая, что ветки в лицо. Останавливается, пытаюсь совладать с сердцебиением. Вдруг он, лицо без лица. Пятится назад. Хруст, треск. Нет опоры под окровавленными ногами, летит вниз. Провод кольцом охватывает ноги, тормозит падение. Удар в голову, словно шпагой в висок. Тишина. Небо колыхнется, тает чернота, растворяется в преддверии первых лучей. Смех. Звонкий, молодой. Вскрик.

— Успокойтесь, — обрывает мужской голос.

Склоняется над ней. Лет двадцать, не больше.

— Как ты? — слегка касается плеча, грязно-красно-царапанного, вызывает прикосновением цепь судорог, проносящихся по телу. — Все хорошо. Слышишь? Все хорошо. Можешь что-нибудь сказать? Чья это рубашка? — На ней лоскутки розовой рубашки, взятой когда-то у друга, прикрывавшей когда-то серебристый топ, ее плечи, ее детство, разбитое вдребезги.

Нет. Она не может. Слова похоронены в ней. Парень забирает у девушки, закрывающей лицо руками, сиреневую шаль. Набрасывает на бедра в паутине порезов. «Все хорошо».

Вдох...

— Медленно осознайте свое тело. Повернитесь на левый бок, согните правое колено. Садитесь. Три раза пропойем «Ом».

— О-о-о-м... — Утробное эхо вокруг и в ней сквозь сукровицу воспоминаний. Анна отгоняет их прочь, но бумерангом они стучат в виски. Витя... Помоги.

— Через пятнадцать минут начнется пуджа. Ничего не ешьте.

Без сил. Переодевается. Нехотя. Желудок полон картинок, которые никак не хочет переварить. На улице — весна в Индии. Весна, о которой она мечтала.

— Что такое?

— Душно. Голова кружится. А батареи можно прикрутить?

— Да тут такие стоят, еще с советских времен, с ними ничего не сделаешь. Здесь сейчас как в Индии весной.

— Тогда ладно. Черт...

— Садись! Ничего-ничего. Ложись, просто резкий скачок давления. Будем аккуратнее.

— Извини.

— Все в порядке.

— Я так хочу в Индию!

— Запрос в космос дан — значит, поедешь. Я тоже очень хочу, чтобы ты поехала — со мной.

Беседка в окружении густых кустарников, облитых розово-карамельными лепестками. В центре — глубокое прямоугольное отверстие для ритуального костра. Подле него сидят брахманы,

чуть в стороне Свами в оранжевом и Витя в белом. Анна — за ними. По краям — группа, образующая плотное кольцо.

— Наша пуджа посвящена открытию центра йоги в Москве, но одновременно она будет направлена на силу и оздоровление всех присутствующих, — говорит старший из брахманов. — Мы будем возносить молитвы богам, воздавать жертву в виде благовоний, брошенных в огонь, и масла ги.

Шепот, смешки катятся по губам непосвященных. Анна не может отвести глаз от Вити, от его торжественно сомкнутых у груди ладоней, от лица, знающего, постигающего.

— Может, это, конечно, не совсем к месту. Но у тебя очень красивые пальцы на руках и ногах, — тихо произносит Костик, теребя фотоаппарат. Анна не может сдержать улыбку и досаду. Витя вздрагивает. Банальное не должно прерывать божественное. Начинается пение мантр. Брахманам вторят все присутствующие. После каждой законченной фразы все берут из медных чашей шепотку красно-коричневой смеси благовоний и бросают в костер. С лиц стирается выражение обыденности. Все причастны, все вышли за границу. Покой, легкая грусть, кусочек за кусочком отлетает скорлупа, рождая чистоту. Кожа на ладонях будто покрыта хной, под ногтями цветная пыль. Непроизвольно Анна подносит руки к лицу, вдыхает мед с горчинкой и ванилью. В груди странное чувство, будто открыт, наконец, вход в пещеру, давно заваленный камнями. Легкость. Свет пробивает дорогу к уголкам души. Тепло. И внезапное осознание...

Единственного момента проникновения...

В его профиль.
В его руки.
В его глаза, спрятанные за вздрагивающими веками.

В его добро.
В его спину. За которой она сейчас.
Так было — всегда.
Так есть — теперь.
Так будет...
Позволить себе простить — себя.

Искры взлетают от капель масла, вздымаются обрывки трав. Потом гирлянды, сплетенные из бархатных оранжевых цветов. На его шее. И все бросают лепестки, осыпают его золотым дождем.

«Я думала, приехала избавиться от боли. А оказывается — найти его». Открытие так внезапно, сбивает с ног.

Все закончилось. На лбу красная точка — отметка тилака из сандаловой пасты, символ подчинения божественному. И она подчиняется. «Зачем?» — меркнет, растворяется под натиском всеобъемлющего солнца. Мелькают вспышки, все делятся впечатлениями. Анна замерла. Анна ждет. Теперь, когда она знает, ей необходимо рассказать ему. Может быть, не словами. А легким прикосновением, долгим взглядом. Но его лицо вдруг тревожно, губы плотно сжаты.

— Витя, мы пойдем сейчас в ашрам Биттлз?

— Да, Оля всех поведет. — Замирает ее дыхание. — Я останусь. Иди со всеми.

Пощечина для открытого сердца. На правом запястье красная нить после церемонии. Она защищает, сбережет. Но... Лестница невыносимо длинная.

Ступенька за ступенькой — подступает дурнота. Не замечая никого рядом, Анна следует вперед. Они садятся в лодку, переплывают Гангу. «Как с ним пару дней назад...» Она смотрит вглубь, но вода стала безликой, город — мертвым, цель — потерянной. Поднимаются по лестнице, идут по узкой улочке, продираются сквозь навоз, шипение колы и призывные кличи торговцев. Шлепанцы проваливаются в липкую лужу и теперь оставляют неуклюжие коричнево-коровьи-манговые следы.

— Оля... — (не та Оля, которая ревнует Рому, другая — та, что дружит с Азой) — Что-то я плохо себя чувствую, пойду обратно.

— Как же ты одна?.. Может, попьешь водички, зайди, вот там кондиционер...

— Я дойду. Не волнуйся.

Анна ныряет обратно в водоворот шелковых шарфов и гималайских пледов.

— Аня... — догоняет Оля. — Все-таки пойдем с нами!

Участие мягких карих глаз трогает Анну, но разве непонятно, ей сейчас не до Биттлз? В одно мгновение город умер, лишился волшебства. Осталась только нестерпимая вязкая, душная жара, смыкающая кольцо на ее горле. Прочь, прочь от чужих людей, от приторной улыбки Дена, от заботливой руки Оли, от закатывающихся глаз Лены: «Когда же избавимся от этой “принцессы”?» Бежать. Стоп. Хотя бы дойти, очень медленно, справиться с фиолетово-зеленоватой паутиной, стряхнуть ее с ресниц. Она преодолевает пешком мост над Гангой. Не лежать же здесь одной в ожидании, когда тебя переедет мопед, весело позвякивая игрушеч-

ным гудком? Быстрее... Сегодня самый жаркий, самый бессмысленный день.

Заходит в кафе. Прохладно. Клетчатые ска-
терти. Здесь она была с ним...

— Аня! Иди к нам!

Вот черт! Не спрятаться. Анна садится за сто-
лик с Любой и ее тринадцатилетним сыном Борей.
Нет, они очень милые... Все очень мило...

— А ты чего со всеми не пошла?

— Пошла. Но не дошла. Очень жарко.

— Да, сегодня особенно жаркий день. Мы
тоже решили отделиться, Борька вон совсем
раскис.

— Борь, тяжело тебе? Ни Макдоналдса, ни
компьютера...

— Угу...

— Бедный ребенок!

Банановый lassi, cheese naan, raita... Разговор
ни о чем. Скачут мысли между красных клеточек на
скатерти. Потом счет. Потом обжигающий воздух
и слабость в коленях.

— Ничего. Мы тебя проводим. Борь, возьми
у Ани сумку. Так легче?

— Да, спасибо.

— Воду нужно купить.

И тут он. Рюкзак через плечо. Один.

— Привет, Витя! — восклицает Люба, доста-
вая из кошелька смятую купюру.

— Гуляете? Аня, ты не пошла со всеми?

Молчит.

— Она пошла...

— А-а... Ясно. Жарко. Ты ела что-нибудь?

Молчит.

— Мы только что пообедали в кафешке, кото-
рую ты нам показал.

— Сейчас в ашрам?

Молчит.

— Да ты не волнуйся, Витя! Девушка с нами,
доставим в целости и сохранности.

— Ладно, пока.

Взгляд в лицо, но Анна отворачивается. Резко
идет вперед, преодолевая тошноту. «О-д-и-н...» —
стучит в висках. Без нее, в город... Разве ты не зна-
ешь, что он мертвый, когда ты о-д-и-н?

Тело — огромное. Мир — серый. Снова Мо-
сква, эта ведьма. Руки и ноги больше не принад-
лежат ему. Аза с ним, пока еще с ним. Много раз
он говорил «спасибо» в пустоту, в небо, за то, что
в той аварии выжила его любимая. Аза... Она спра-
вилась с героином, с отвращением к мужчинам, со
своим темпераментом... Она не могла погибнуть,
это очевидно. И все же Витя готов перекреститься,
прочесть молитву, слов которой не знает... Потом
еще раз затянуться. Дым — облака в твоих легких,
поднимающие, растворяющие. Раньше — кайф.
Теперь — спасение. Когда тело его, не его, боль-
ше ста кг. Опухшая рожа. Одежда максимального
из всех возможных размеров трещит по швам. По-
звоночник — линия обмана. Всего один жалкий от-
росток надломан, а кажется, вся жизнь. Теперь все
дни — осень. Серо, промозгло, безлико ковыряется
в спине игла, в какой-то огромной чужой спине.

— Вить, чего загрустил?

— Да нет. Все ок.

— Знаешь, где я сегодня была?

Настораживается. Он не ревнивый, но все же...

— И где?

— На йоге.

— Чего?

— Здорово. Правда. Тебе надо попробовать.

Искоса ловит свое отражение в мутном зеркале.

— Шутишь?

— Нет. Поэтому и надо.

Аза идет на кухню. Что-то там гремит, что-то собирается вариться, покрывая испариной оконные стекла. В душе всплывает обида. Как в детстве, когда в третьем классе девочка не дала ему свою линейку, и он расплакался... На глазах у всех сполз под парту и заплакал. Слезы, маскирующиеся под дождь, барабанивший по стеклу.

— Витя! Иди обедать.

7. Наверх

— Витя, ты можешь мне помочь? А то я свой чемодан с места не сдвину.

— Да, конечно. А где он?

— Там. Около моей комнаты.

Анна направилась к лестнице. Пять часов утра, солнце еще дремлет. Они покидали Ришикеш. Еще пятнадцать часов дороги, и их ждет высота 3800 метров. Пятнадцать часов. Похоже, здесь, куда бы ты ни решил отправиться, нужно вытерпеть это время, духоту, тряску, ноздри, забитые пылью так, что не можешь дышать. Испытание. Ступеньки закончились. Перед ней стоял очередной выбор

в образе двух автобусов — большого и маленького. Второй, несомненно, был более комфортным. Вопрос: в каком поедет Витя? Абсурд и бессмыслица, особенно если вспомнить вчерашний день необщания.

— Чай будешь? — Опять Ден со своим чаем. — Пойдем в тот, тебе там будет легче.

Чувство протеста побеждает, она выбирает первый. Полноватый коренастый шофер одаривает ее широкой улыбкой, беспощадно запихивая вещи в багажник. Появляется Витя. Налегке.

— Ну, все по местам. Аня, а где твой чемодан?

— Ты мне скажи.

— Я пришел, но там ничего не было.

— Весело.

Смех поднимается, щекочет небо. В аэропорту она почему-то все время боялась, что пропадут ее вещи, ее снаряжение, десять килограммов пере- веса. Брови Вити озадаченно поднимаются.

— Эй, ты своего полосатого друга ищешь? Он давно уже готов в путь. — Улыбается Володя. — Мы его с Костиком захватили.

Жаль, но эту парочку Анна не может захватить с собой в качестве поддержки, ребята садятся на мотоциклы. А она — у окна. Медленно начинает уплывать город с его цветами и обещаниями. Витя бродит — туда-сюда, по канату между сидениями, между прошедшими днями, в лабиринте вопросов.

— А что значит эта нить на запястье?

— Она оберегает. Можешь снять, если хочешь. Только не бросай, привяжи на дерево. Вообще, когда надо, сама порвется, защитит.

— Мне нравится. Просто интересно.

С тобой — говорить.

— Такое странное чувство было на пудже, будто воронка света в груди. А как для тебя?

— То же самое. Так и должно быть.

И этого — не миновать.

Отходит. День разгорается. Вялено-вареный воздух потом покрывает кожу. Расстегиваются молнии, открываются бутылки. Цветная сандалово-фруктово-пыльная жизнь струится вдоль дороги, которая крутится, извивается, завинчивает тошноту в желудок. Наконец остановка. Шаги в зыбучих песках ступенек автобуса. Садится. В пыль.

— Укачало? — Склоняется заспанная Лола.

— Бедная девочка! Сплошные мучения! На, умойся. — Протягивает Рома воду.

Изумрудные штаны Вити мелькают в пыли, он не подходит к ней, поднимая рвоту к горлу. Но нет, держись, Аня. Прежде всего красота, ты же знаешь. Она ловит ртом воздух, кое-как справляется, смачивает виски. Снова тряска, ломота в пояснице, и вдруг — безысходность. Все более крутые повороты, все более вялые разговоры вокруг. Слипаются веки, но уснуть не получается. В Индии нет для нее сна. Только открытое море снов.

Колеса по рельсам — дзин-дзин — успокаивает. Жаркая южная природа перетекает в спокойную темно-хвойную, осеннюю. Многочисленные повязки, кажется, прилипли, срослись с кожей, но на самом деле уже затянута порезы сухой бурой корочкой, а под ней ярко-розовая поверхность.

Все прошло, Аня. Впереди — дом, Москва, родители, которым надо объяснить, как она вообще оказалась одна в Крыму, почему скомкана юность на ее лице. Она ждет, жаждет дома, бутерброда из мягкого рыхлого белого хлеба, густо намазанного маслом с полукругом докторской колбасы, кровати, покрытой мягкими игрушками... Темнеет. Нервно-быстро смыкаются веки, хочется кричать. Голос... Как дельфин — то выныривает, то скрывается под водой, разливаясь на поверхности рябью заикания.

М-м-ма-м-м-а... Мама укутывает в плед. Мама варит какао. Полны ужаса и слез глаза мамы.

Захлопнувшаяся дверь. Без вопросов. Безликое безразличие привычного распорядка дня. Ее отец.

Она одна в черном поле вспаханной земли, где ноги вязнут в грязи. Чужая комната, не ее фотографии в альбоме, и кружка со смешным котенком — не ее... Стены шепчут, движутся в мутном пространстве неясных звуков. Наваждение бессонницы не позволяет начаться дню, всегда темно, всегда страшно. Здесь, сейчас, что может с тобой случиться? Но что-то может... Не закрывай глаза.

— С Аней надо что-то делать.

Может, поговорить, папа?

— У нее с головой — не в порядке.

А ты знаешь, сколько часов мне навелили там порядок?

— Мы здесь бессильны. Обратимся к специалистам. Мне говорили об одной клинике...

Сомкнуты руки мамы на груди в возгласе отчаяния.

Вещи собирать? Ни к чему. В новой жизни она ничего не сможет из этого надеть: рваные джинсы, футболки с мультяшными героями... Сапоги — кожаные, высокие, корсет — плотнее, юбка — уже... Прощай, плюшевый лев, прощай, принцесса с потрескавшейся алой краской на губах. Завял ваш Нютик. Теперь есть только Анна. Одна в незнакомом городе — что могла она раньше знать о Москве? Школа, качели во дворе, шиповник под окном — зацвел, да иногда «экскурсии» в центр.

Анна...

— Сейчас у нас будет время поесть и немножко отдохнуть. Не разбредаемся. Идите за мной и Свами, для нас уже все накрыто в кафе.

Маленький пестрый городок, последний всплеск жары, дальше — выше, холоднее. Серая сумка через плечо, шаги по одной линии — привет из модельной жизни.

— Ну, как дорожка? — Ден. Даже хорошо, что он, что с вопросами.

— Трясет.

— Надо было в маленький, со мной садиться.

— Возможно. — Смотрит на далекий маяк во главе группы — изумрудные брюки Вити.

Столы вместе, полумрак, скрип вентиляторов, очередь в туалет-дырку. Анна закатывает штаны, открывает кран, вода прямо на пол, от грязных брызг мороз по коже. Возвращается в зал, садится рядом с призывно улыбающимся Деном.

— Тебе положить?

— Давай. — Забрасывает ее тарелку рисом, овощами, заливает зеленовато-коричневым соусом.

Взгляд Вити. Искоса. На долю секунды. Оценивающий, тревожный, мечтательный. Рождающий тоску в ее сердце.

— У-у... вкусно. — Таня смешивает все содержимое своей тарелки и любовно заворачивает в чапати. — Я такая голодная! Ден, это что там, манго? Дай сюда, лучше два. А можешь просто рядом поставить тарелку?

Маленький ножик скользит по сочной мякоти, оранжевые кусочки ложатся на язык, Таня щурится от удовольствия. Анна смотрит, не может оторваться.

— Вы посмотрите на ее лицо! Такой экстаз. От манго. Мне бы сейчас бумагу и карандаш! Хотя не люблю портреты.

Сладко-протяжно-причмокивая жует. Девочка-манго. Нога Дена задевает колено Анны, припадает. Ненавязчиво, будто без сил...

— У нас со Свами тут дела, мы отойдем на полчаса. Рядом рынок, можно там пока побродить. — Уверенный низкий голос Вити растворяется вместе с его фигурой.

Анна запрокидывает голову, мысли-печали кружат вслед за потоками горячего воздуха. Тело ноет, рис кусается в желудке.

— Пойдем посмотрим какие-нибудь сувениры? — пытается ее взбодрить Ден. Но какое ей дело до побрякушек сейчас, когда страсть вцепилась в волосы, а от слабости не пошевелить паль-

цем? Она втягивает в себя полумрак, ленивые шаги официантов. На ресепшене (кафе находится в маленькой гостинице) появляется высокий загорелый парень с забавно закрученными дредами на голове. Его лицо будто о чем-то не договаривает, тело прямое, гибкое... Хочется коснуться его... Болтает с индийцем. Видимо, не устраивает цена, уходит. Жаль. Не его, себя. Какие у тебя дела, Витя? Слева замечает, как Фарид, еще один участник сцены «поход», берет Марту за руку, поворачивает к себе тыльной стороной ладони, рассказывает что-то. Губки рыженькой девушки складываются в сосредоточенную гримаску. Потом она резко встает, улыбается, подтягивает вновь сползающие бархатные штаны: «Спасибо».

— Фарид, а я не знала, что вы гадаете.

— Уже много-много лет я занимаюсь хиромантией.

Анна удивлена: вот тебе и финансовый аналитик средних лет.

— А мне — расскажете?

Готова протянуть руку.

— Нет, Аня. Тебе нет.

— Почему?

— Я уже сказал, что буду говорить только с одним человеком. Но с тобой в любом случае не стал бы.

— Не понимаю. — В недоумении Анна выпрямляется на стуле. — Объясните.

— Да что тут объяснять? Нет, и все. А ты мне вот что скажи, ты хоть поругаться можешь, поскандалить?

— Могу.

— Это хорошо. Значит, не все потеряно.

Анна замечает, что незнакомец с дредами вернулся, расписывается, ему протягивают ключ. Похоже, он смотрит в ее сторону...

— Будешь? — Ден протягивает ей маленький пластиковый стаканчик.

— Что это?

— Такой местный кокосовый напиток, вкусный, попробуй.

— Нет, спасибо. Что-то мне вдруг так захотелось есть... — Смотрит на круглые часы с пыльным циферблатом, висящие напротив стола. Прошло уже больше полутора часов, как ушли Витя и Свами.

— Прогуляемся?

— Почему бы нет?

Свет режет глаза. Они поворачивают направо и быстрым шагом идут по узкой улочке, словно торопятся к определенной цели. Накатывает желание потеряться, раствориться в незнакомом городке, не оглядываться. Ден готов поддержать. Он рядом с ней, на остальное ему — наплевать. Замирают на площади, разглядывают потрескавшийся фасад храма, какие-то тряпки на узких прилавках, щупают, смеются, наклоняются к оранжевым специям, глубоко вдыхают горчинку, до щекотки в ноздрях. Кажется, он собирается взять Анну за руку... Останавливаются около крошечной чайной, заходят, садятся за продолговатый зеленый стол. Анна заказывает трубочку с кремом и масала-чай, Ден — джинджер.

— Ну, Ден, что же ты у нас любишь? Признавайся!

— Я? Много чего, очень разного... Что ты имеешь в виду?

— Что читаешь-смотришь-нравится? — Откусывает песочное тесто в вуали сливок. Сладко.

— «Страх и ненависть в Лас-Вегасе» — прикалывает. И фильмы Озона. И старое советское кино — люблю. В литературе могу читать Уэльбока, а могу — Бунина. Всеяден. Столько всего, зачем разграничивать, говорить — только это, и все? Лучше всего по чуть-чуть, насытиться. Но а ты, могу себе представить... Маркес, Борхес, всякие страсти-мордасти. Одним словом, готическая русалочка.

— Ха-ха... Так вкусно, попробуй!

Выходят. Нехотя. Лениво-расслабленно бредут обратно, если, конечно, это та дорога. Вновь храм на пути. Снимают обувь, заходят. Пыль всасывается в стопы. Вот-вот начнется праздник, в огромном железном чане несколько человек размешивают угощение, пахнущее имбирем и перцем. Ноги — в шлепанцы. Дальше... Витя. Бежит навстречу, лицо серьезное, злое. Анна в первый раз видит такое его лицо.

— Ну, вы что? Вы понимаете, что все вас ждут почти два часа?!

— Извини, Витя. Потерялись во времени. — Ден пытается изобразить раскаяние, получается с трудом.

— Правда, жаль, что так вышло. — «Хорошо, что хоть за руки не держались», — думает Анна, радуясь его тревоге, его нервным шагам.

— Почему-то я так и подумал, что вы по этой дороге пойдете. Еще никто не знал, с Деном ты ушла или нет. Говорят, Ден пошел деньги менять, а Аня вроде бы с ним... Тебе нужны рупии?

— Нет. Ну, прости, если можешь. Ты сам сказал — через полчаса, мы там чуть не уснули.

— Ладно, — теплеет, — где были-то? Храм видели?

— Прямо из него сейчас, — вставляет Ден.

Выходят на дорогу. Навстречу — грузовик.

— Аккуратно. — Витя резко хватает Анну за запястье, заводит за себя. Грохот колес по кочкам, не сразу отпускает руку. Силы вновь возвращаются к ней, а волчий оскал теток-путешественниц в окнах автобуса забавляет, а не задевает.

Вьется дорога, все круче, так что колеса в любой момент готовы зависнуть над пропастью. Темнота стремительно приближается вместе с прохладой. Неожиданная свежесть настораживает, хочется срочно укутаться во что-то теплое или в кого-то. За стеклами бездонная чернота... «Сашенька...» — внезапно врывается материнская нежность в мысли Анны, перед глазами маленькие надувшиеся щечки, черные доверчивые глазки.

— Господи, не могу на это смотреть! — Лена судорожно отворачивается от окна, прижимает к лицу ладони.

«А я — на это!» — думает Анна, пытаясь подавить вихрь мыслей, поднятых тоской. Вечереет. Все как всегда. Только горы пронизывают насквозь, нет возможности спрятаться. Только в бездне пустоты.

Ночь, с трудом прерываемая вздрагивающим светом неуклюжих фар. Приехали. Ганготри. Анна выходит, Витя не торопится. Холодно, будто зимой. Дрожь волнами мчится по коже. Анна застегивает молнию кофты с розовым капюшоном, нестерпимое одиночество подступает к горлу. Страсти выбросили ее на необитаемый остров, а он — внутри. Не говорит, не достает ее вещи, можешь замерзнуть и умереть.

— Френд, иди туда, не мерзни, потом, мейби, комин сюда. — Улыбкой, не сломленной холодом, коренастый шофер предлагает ей вернуться в автобус. Анна проскальзывает между кулей, пахнущих мочой, садится на свое место. Чего они, собственно, ждут? Она — понятно, но все замерли, приросли к креслам, напуганные высотой. Намного проще ползать по привычно приземленной реальности московских равнодушных дней...

Выходят. Все. Шофер вручает носильщику полосатый чемодан, сам — рядом с Анной. Им нужно обойти весь городок, прежде чем они окажутся в ашраме.

— Как тебя зовут?

— Анна.

— Меня... — что-то невнятное, переливистое.

Раньше была в Индии?

— Нет, в первый раз.

— Замужем?

— Да, — неуверенно.

— Дети?

— Сын.

— У меня двое сыновей. Ты — красивая.

— Спасибо.

— Будут какие-то проблемы, говори. Я — друг.

Ашрам буквально повис над бурным течением Ганги. Все, вдруг укутанные, прячут ладони и лица в шерсть, пьют чай из пластиковых стаканчиков на террасе. Свежесть попадает в легкие вместе с горячим паром. Вокруг — темные пики гор, в объятиях которых спит-леденеет солнце.

— Вот. Наши удобства. — Оля распахивает две деревянные дверки, за которыми туалет-дырка и душ — дырка и ведро.

Безудержный смех охватывает Анну, дерет горло. Шофер любит ее раскрасневшимся лицом. Вокруг начинают позвякивать медные ключи.

— Аня, пойдем со мной. Покажу нашу комнату, — заговорщически шепчет озябшая Лола.

Они поднимаются по лестнице, по которой только что спустились. За ними чемодан — в крупных смуглых руках. Проходят по коридору до конца. Лола распахивает дверь. Крошечное пространство, где с трудом помещается кровать. Окно над Гангой. И... о боже! туалет и душ (кран с ледяной водой).

— Это вроде местного люкса, Марта сказала. Витя нас сюда «распределил».

— А-а-а! — Анна обнимает Лолу.

— Как мало человеку надо для счастья!

— Да! Да! Я счастлива!

Анна бежит на террасу за своей порцией чая. Натывается на Володю, с измученными красными прожилками в синеве глаз.

— Вова! Я уже начала беспокоиться.

— Правда? Это приятно, когда о тебе беспокоятся.

Уставшие лица — близко, слишком близко даже для такой низкой температуры. Где же Витя? В кармане последний возглас мобильного: нет связи. Внезапная паника — она не сможет позвонить Мухтару... А как же Алик?

8. Внутрипроводная икота

Йога. Один год — дыхание, асаны. Каждый день. Из густой смеси глины лепит он свое новое тело. Постепенно проступают очертания, мышцы, подтягивается кожа. Отступает боль. Радует: внезапный теплый день, капли по крыше, макароны, жаренные в румяном масле, податливые бедра Азы. Еще нужен дурман, но не так часто. Впереди Индия... Говорят, в Ришикеше есть учитель Свами... И уже лежит на столе билет в Дели.

Утром страшно открыть глаза — так холодно. Сначала выползает рука, потом нога, выглядыва-

ет озябший нос. Все это вытягивает из спальника туловище в пушистом свитере. «Промерзнуть до костей» — раньше для Анны это выражение было пустым звуком. Но она не сдается. Испытание. Заходит в каменную ванную, где замечает струйку пара из собственного рта. Несмотря ни на что открывает кран, подставляет тело ледяной струе, пронзающий, как нож. Зубы стучат, губы приобретают фиолетовый оттенок. Достает косметичку, но тут же отшвыривает ее в сторону. Очевидно: здесь, с вечно мигающей крошечной лампочкой, она не сможет даже разглядеть собственное лицо. Проходит по коридору, взгляд упирается в треугольники гор, за которыми дребезжат первые лучи. Внизу шумит река, никогда не прекращающая свою песню. Спускается на второй этаж, в зал для медитаций. Полумрак. По краям тают молочные свечи. Свами, как всегда в белом, сидит на низком деревянном столе. Его лицо излучает торжественность и принятие в своих учениках того, чего они сами в себе никак не могут принять. Поток добра и света, ради которого можно потерпеть сквозняк и сырые стены. Она закрывает глаза, вопреки страхам, вопреки необузданным надеждам.

— Ганготри — это необычное место, — говорит учитель, его голос отражают каменные стены, — здесь очень сильная энергетика. Не нужно торопить ни мысли, ни события. Все произойдет само собой. Запомните это.

Так просто. Так очевидно. Сколько можно гоняться за призраками? Ей не нужно ничего делать, куда-либо спешить, пытаться соблазнить. Не прикрыться мишурой, макияжем. Со всех сторон смо-

трят Гималаи. А рядом со Свами сидит Витя — зеркальное отражение света. Он кутается в красный пуховик, растирает ладони. Его пальцы — длинные, узкие, трепетные... Она готова припасть губами к его рукам, нашептать им о невыплаканных слезах, о минутах бессонницы, о сказке, услышанной в детстве. В его мимике, в его голосе заключена жизнь — окружающего их леса, каменистого берега, песни цыганки, сидящей на мосту. Ей хочется встать на колени. Мужчина, не пугающий своей сутью, мужчина, в чьих глазах всепрощение. Пусть растает это утро, растворится ашрам в осколках воспоминаний. Есть моменты, навсегда замирающие в сердце.

Потом завтрак. Солнце распускается над макушками сосен. Травяной чай обжигает нёбо. Каша сладкая, густая, с хрустящими кусочками сухофруктов.

— Аня, тебе нужно позвонить?

— Да, очень.

— В городе есть телефонные будки для международных разговоров.

— Здорово. Далеко?

— С другой стороны реки. Через мост и направо. Там увидишь.

— Спасибо, Витя. Что сейчас будем делать?

— Все пойдем гулять. Свами будет рассказывать.

Выходят из ашрама. Вьется тропа, рядом вьется Ден. Она сдается, улыбается. Поднимает с земли огромные шишки, смола густой караме-

лю пачкает ладони. Он идет впереди, не оглядываясь. Анна замедляет шаг, еловые иглы шелестят под ногами, в легкие врывается свежесть.

— Аня, замри. Вот так, отличный будет кадр. Конечно, Ден. Все будет отлично.

— Ганга обрушивается на голову Шивы и спускается вниз по его спутанным локонам, по горным долинам. Текущие по ним реки соединяются в священную Гангу. Индусы почитают Бхагиратхи, которую вы сейчас видите...

Анна повернулась к крутому скалистому обрыву и больше уже не слышала ни слов учителя, ни шуток Дена. Ею овладела тоска... по дому. Быстро, впиваясь черными кроссовками в мягкую землю, усталую сухой травой, она пошла обратно по тропинке. Рюкзак постукивал по спине, подгоняя в ней желание говорить. С ее бывшим мужем. Она не знала, о чем, так, абстракция... Мазок красным, фиолетовым, поперек — желтая полоса, а внутри начерчена схема, которой не спрятаться ни за одним из цветов. Дыхание участилось, быстрее, быстрее... Как будто от этого что-то зависит? Она выпорхнула из леса на ступеньки, по лестнице — на мост. Потом улица, затянутая густыми облаками, предвещающими дождь. Со всех сторон — шерстяные толстые пледы, готовые укрыть от прошлого. Поднимается ветер, тревожно моросит дождь. Колют лицо влажные иголки. Телефон. Грязные ногти паренька набирают код России, нет гудков, еще раз — тишина. «Из-за погоды», — отрешенно произносит он. Ей не вырваться из холода. Кафе — все открытые, в ашраме не отогреться. Бесконеч-

ная улица, бесконечная река, как ее вопросы. Слабость и озноб заползают под куртку. Кажется, она заболевает. Витя далеко, на другом берегу добра. Она заходит на шумную веранду чайной, где звенят голоса. Набирает сладостей — оранжево-коричневых шариков, тягучей пастилы, ждет, когда на молоке заварят приторный чай с имбирной горчинкой. Обводит глазами деревянные столы, мест нет, рюкзак вот-вот упадет с плеча, и она вслед за ним. Пожилая индианка призывно улыбается ей, приглашая разделить трапезу с ее семьей. Анна не противится, садится рядом с худеньким мальчиком в шерстяной жилетке. Чужие-родные в Москве, здесь — все одно, выдуманный мир уз крови, семья — мираж, одиночество — массовая галлюцинация. Ты не можешь быть с кем-то, не можешь — один. Все просто сон. И пустота. Рожденные из пустоты, чтобы раствориться в ней. Почему так грустно? Так обжигает желудок сладко-ореховая мякоть?

Сахар попадает в кровь, возвращается резкость предметов. Анна поднимается, благодарит кивком головы. Вновь тонкая пелена влаги падает на кожу.

— О, ты здесь? — Ден, успевший обзавестись полосатым мохнатым беретом а-ля Че Гевара, стоит перед ней.

— А где все?

— Не знаю, там, наверное, остались. Дозвонилась?

— Нет. Никаких гудков.

— Можно попробовать еще раз.

— Да.

Вновь стеклянная будка. Анна садится на крошечный диванчик, закрытый цветастой простышкой. Тук-тук, гудок, тук-тук-тук... Ден снаружи, прячет от ветра глаза. Гудок.

— Алло, Мухтар, неужели я дозвонилась?!

— Что-то случилось?

— Нет... — голос вздрагивает, — я ночью вся тряслась, потом пошли в лес, все еще там, а я по тропинке... и никак не дозвониться, погода плохая... говорят, в это время здесь 20°C градусов тепла, а сейчас настоящий морозильник. Как Сашенька?

— Хорошо. Упал, разбил колено, но не сильно.

— Плакал?

— Почти нет.

— А ты? Как ты?..

— Все в порядке. Ты там осторожнее по своим горам ходи, ладно? Как живот?

Шуршание-дребезжание в трубке.

— Я скучаю...

— Ничего не слышу, что?

— Если прервется, позвони Алику...

— Ладно...

— Я...

Внутрипроводная икота. Окончен их разговор. Ветер колышет бордовые шарфы, вывешенные на продажу.

— С вашим мужем будет все в порядке.

— Вы уверены?

— Абсолютно. Теперь просто нужно время. Все заживет, будет бегать, как школьник.

— Спасибо. Я вам очень благодарна.

Ненавязчиво Анна кладет конверт на письменный стол, заваленный картами и снимками. Ветер из приоткрытого окна треплет бумагу. Властная умелая рука хирурга быстро поднимает конверт и протягивает ей обратно.

— Возьмите.

— Нет, это нормально. Просто выражение моей признательности.

— Вы ее уже выразили, этого вполне достаточно.

— Но...

Его жесту невозможно возразить, Анна сдается, убирает деньги в сумочку. Встает. Вновь опускается на стул. Начинает пальцами тереть бумагу. Широкие плечи в белом халате обращены к ней в немом вопросе.

— Простите, я не предложил... Будете чай?.. Или кофе?..

— Нет... Я сейчас уйду... Просто... Я не знаю, как из вашего кабинета добраться до палаты мужа.

— Я скажу Ирине, она вас проводит.

— Не надо. На самом деле... — плечи ее вздрагивают от сдерживаемых слез, — Мухтар не ждет меня. Он больше не хочет меня видеть. Мы разводимся.

Встает. Высокий. Седые виски. Внимательный зеленый взгляд сквозь паутину морщинок, заработанных во время длительных операций.

— Ничего.

Анна резко поднимается. Он мягко кладет руки ей на плечи, возвращая на кожаный стул.

— Аликандр Георгиевич...

— Просто Алик... Если вы не против?

— Дозвонилась?

— Да, спасибо, что подождал.

— Давай сюда. — Забирает рюкзак, от которого уже начала ныть ключица.

Покорно идет за ним. Преодолевают мост. Усиливается ветер, треплет волосы.

— Там можно перекусить, заодно от ветра спрятаться. Зайдем?

Кивает. Заходят на маленькую веранду, выбирают столик в углу. Анна прижимается к стене, на которой скотчем приклеен календарь с изображением какой-то богини.

— Не возражаешь? — Оказывается рядом с ней. — Так — теплее.

Анна смотрит вдаль, на реку, на темно-зеленую хвою, окаймляющую край задумчивого неба. Ден смеется.

— Что?

— Я еще в Ришикеше заметил... У тебя всегда такой взгляд... Мечтательно-соблазняющий. Здесь все ходят грязные и замерзшие, а ты находишься в каком-то другом пространстве.

— Пока не грязная, но тоже замерзшая. И ужасно переживаю, что ресницы не покрашены.

— А ты вспомни, что Свами говорит, и расслабься.

Приносят большую железную тарелку: рис, овощи, тушеные в кари, огурцы, нарезанные ши-

рокими ломтиками, чапати. Грубые вилки встречаются в белом рассыпчатом сугробе.

— Попробуй это, очень вкусно.

Анна кладет на язык обжигающую фасоль: «К черту кашки. И печаль — к черту». Мимо по узкой дорожке проплывают изумрудные штаны и красный пуховик, рядом Голубоглазый мальчик в шерстяной шапке.

— Витя! — Не слышит ее. — Володя!

Оборачиваются.

— Вы все здесь сидите? — Витя напротив, озябшие руки прячет в карманы. Володя ухмыляется.

— Да мы уже весь город обошли! — отражает Ден нападение.

— Аня, а ты повеселела. Дозвонилась?

— Да.

— Все в порядке?

Пожимает плечами в знак согласия.

— Пойдем, прогуляемся по берегу.

«Как ждала я тебя...»

— Только сбегая рюкзак отнесу.

— Отнеси. Но бегать здесь вообще не надо, запомни. Потихоньку. Торопиться некуда.

Дорожка, еще один мост, но с подгнившими бревнами, кап-кап — дождь в лицо. Направо или налево? Как называется их ашрам? Сбивается в мыслях от четкости желаний. Вроде то здание, похоже. Нет, не оно?

— Тебе помочь? — смуглые йоги-странники призывно разводят руками. — Куда нужно?

— Не помню.

Так. Она знает, как вернуться обратно. С рюкзаком?

— Оля! — Это спасение встает на ее пути.

— Потерялась?

Быстрее. Вещи — на пол. Ключ — в замок. Запыхавшись, возвращается. Пытается совладать с учащенным дыханием.

Не спеша четверка переходит через Гангу, проплывает мимо храма, звенящего колоколами среди прохладных облаков, спускается на каменистый берег.

— Тут полно народу в пещерках живет, да? — Голубоглазый мальчик прячет в шапке безупречный лоб.

— Да, достаточно. Сейчас как раз хочу показать вам одну из них. Правда, это очень цивилизованная пещерка. Там даже есть газовая плита. Такая история: приехал как-то в Ганготри один йог, австралиец. Такой достаточно продвинутый в разных техниках. И при этом очень образованный, профессор, что-то такое. И вот он встречает какую-то хиппушку, красивую девку, но без царя в голове. У них любовь-морковь, все счастливы. Нашли они себе пещерку на берегу, поселились там. Но через пару месяцев она встречает какого-то красавчика и сваливает с ним. Парень безутешен, и тут еще умирает его самый близкий друг. В общем, крышу ему совершенно сносит. Он перестает с кем-либо общаться, при виде женщины просто бросается бежать. И каждый день, утром и вечером, спускается к Ганге и плачет, по два часа. Такая своеобразная медитация.

Анна смеется.

— Нет, нормально, да? У человека такое горе, а она заливается? — касается Володя со-
трясающегося локтя.

— Просто это очень здорово.

— Вить, а ты мне вот скажи, — останавлива-
ется Ден, — если он был таким крутым йогом, как
могло это с ним случиться?

— Йог! Он же человек, такой же, как ос-
тальные.

— Нет, как-то это не вяжется...

— Ух ты! — На возвышении — жилище с кры-
шей-полукругом. Все выкрашено в ярко-зеленый
цвет. — Похоже, наш друг сделал ремонт, год на-
зад все выглядело иначе.

— У него явно улучшилось настроение!

— Наверное, встретил новую любовь.

— Я бы очень хотела познакомиться с ним.

Сплетаются струйки пара, срывающиеся
с губ.

— Мы с Азой там были однажды. Она, кстати,
была первой женщиной, с которой он заговорил
после своего странного обета молчания.

Аза... Опять.

— Если хочешь, можем как-нибудь зайти
с тобой.

Со мной. Здесь и сейчас.

За ужином Анна рассказывает историю Лоле.

— Я — в восторге от этого парня.

— Странные все-таки женщины. — Руки
Ромы в плюшевых коричневых рукавицах пытаются
обхватить стакан с чаем.

— А я все-таки не могу понять, какой же он
йог, раз такое... — Ден вновь рядом.

— Мне кажется, мораль этой истории в том,
что на каждого йога найдется своя хиппушка. —
Ищут зрачки лазурный взгляд, потерявшийся
в другом конце вечера.

Карие глаза шоколадной Лолы смеются
в ответ.

9. Накануне

— Начнем. С разминки. Очень медленно вращаем головой.

Она стояла у окна. Свет резал глаза, превращая ее хрупкую точеную фигурку в черную тень. Их первое занятие. Он пытался избежать его, отказаться. Мол, занят и все такое. Дел действительно было невпроворот. Аза должна вот-вот родить... В квартире ремонт, пыль, словно туман. Приходится ездить каждый день из Подмосковья, часами просиживая в липко-удушливой пробке. Но отказаться он хотел не поэтому.

Достаточно одного взгляда — издали — желание прикоснуться вспыхивает. Когда с ним случилось такое последний раз? Аза, Аза... Вся его жизнь. И вдруг — взгляд, печальный, под вуалью меда. Пугающе родной взгляд. «Нет, наверное, не смогу с тобой заниматься. Очень занят. Не хочешь попробовать в группе? — Не могу, не хватит сил. У меня есть проблема. — Да, понимаю. Я подумаю». И он подумал. Девушке нужна помощь, и он не может отказать.

Силуэт вздрогнул.

— Тебе нехорошо? — Ближе к ней. Не оправиться от света глазам.

— Сейчас пройдет. Чуть-чуть посижу. Здесь очень душно.

Опускается на пол. Прислоняется к прохладной стене. Протяжная индийская музыка по-прежнему льется из дребезжащих колонок. Витя подходит к окну, распахивает настежь, позволяя звукам сонно-летнего города проникать в зал. Где-то вдали лает собака. Даже не лает, скорее воет, брызжа слюной в жаркий день.

— Ладно. Продолжим. Извини. — Встает, возвращается к окну.

— Все в порядке.

Голова налево, вниз, назад... В полукруге она падает, как-то мягко, в одно мгновение лишившись сил. На коленях — перед ней. Расправляет ее тело, выпрямляет руки, ноги. Кладет пальцы на запястье, доносится пульс, ее дыхание, тихое, еле уловимое. Обхватывает руками ее голову, пытаясь передать энергию. Она пришла десять минут назад и теперь лежит перед ним... Так странно... Ее лоб — прохладный...

Где же ты сейчас, Аня? Откуда ты явилась ко мне в мою размеренную жизнь?

— Соедините ладони за спиной. Правой рукой обхватите левое запястье и медленно наклонитесь вперед. — Пауза. — Возвращайтесь. Разотрите ладони и приложите к глазам. Медленно откройте глаза. Харе Ом.

Анна распутала кокон из тяжелого белого пледа, обволакивающий озябшие колени. Подняла с пола большой ключ с медной биркой «27», аккуратно переступая с ноги на ногу, чувствуя в стопах и икрах противное покалывание.

— Ну, что, идем? — лукаво потягивался Ден.

— Девочки, вы готовы?

— Угу... — сонными голосами протянули Марта и Белка.

Витя кутался в пуховик, искоса поглядывая на четверку.

— Куда собрались?

— В номера. — Анна засмеялась, протягивая вперед ключ.

— А... Тоже мыться?

— Да.

— Поздно уже. И темно. Завтра выходим в шесть утра. Лучше спать иди!

— Не могу идти на ледник с грязной головой.

— Послушай, расслабься. Сейчас очень холодно, ты заболеешь.

— Ты всегда всем говоришь, что все будет хорошо. Почему же меня останавливаешь?

— Ладно. Иди. Все будет хорошо, — произнес он раздраженно и вышел.

Договорились встретиться через десять минут. В полумраке мигающей лампочки Анна на ощупь искала в чемодане шампунь, полотенце, крем с маслом карите. Все это она положила в серую сумку, забросила ее на плечо и до самого верха застегнула молнию куртки. Страшно было даже подумать, что придется возвращаться по неосвещенной улице, обдуваемой голым ветром, с мокрыми волосами. Ден уже стоял у порога.

— Марта в своем репертуаре, копается. Подождем.

— Да... — рассеянно произнесла она, глядя на рядом стоящего Витю с встревоженным лицом.

— Ты фонарик хоть взяла?

— Да.

Он прятал ладони в карманах, а на голову набросил капюшон. Необъятный страх вдруг лег на ее плечи. Завтра предстоит дорога. Сможет ли она проделать этот путь? Или растает среди холодных гор. Мелкие капли посыпались с крупных сосновых веток.

— Витя, мне так страшно!

— Почему?

— Боюсь завтра идти. Мне кажется, я останусь одна, под дождем, в темноте... У меня колени дрожат от ужаса.

— Одна ты не останешься. Я всегда иду последним, на всякий случай. И тебя я бы никогда не оставил.

— Спасибо!

Не в силах совладать с порывом тепла и нежности в этот промозглый вечер, она обняла его, при-

жалась губами к колючей щеке. Высвободившиеся из карманов ладони потянулись к ее талии...

— Вот и мы! — радостно воскликнула Марта. Белка сверкнула огоньком сигареты.

— Только шапку надень! — раздался голос Вити, когда четверка уже была вовлечена в плен тропинки без единого проблеска света.

Они перешли через мост над рекой, кипящей в темноте. Поднялись на возвышение, зашли в небольшую гостиницу. Ден обратился к молодому индийцу, пристально их разглядывающему, и сказал, что им нужно шесть ведер горячей воды. Преодолев узкий коридор, они оказались в номере. Все глубоко вздохнули.

— Здесь правда намного теплее, чем в ашраме. — Анна с удовольствием расстегнула куртку. Марта рухнула на кровать, широко разводя руки.

— Чертов гороховый суп! — застонала она.

— Хватит ныть! — Шлепнула Белка по крупным ягодицам подругу.

— Ведь знала, не надо его есть... Извините меня, я вас ненадолго покину. — Вихрем она вылетела из номера.

На пороге появился индеец с двумя ведрами, над которыми вился пар.

— Кто первый?

— Ты, Аня. Черт, я все забыла! — фыркнула Белка, запуская руки в бездонную черноту рюкзака. — Придется сбегать в ашрам.

Анна пожалала плечами, радуясь, что можно помыться, пока окончательно не отключилось электричество. Она стянула с кровати белую простыню и вошла в ванную, сопровождаемая мигающим

светом лампочки, будто сирены, лишенной звука. На краю раковины она расставила свои принадлежности, затем, борясь с бесконечными мурашками, ползущими по коже, сняла мягкий свитер, брюки, чувствуя себя абсолютно незащищенной. Горячая вода быстро побежала по волосам и озябшему телу, заставляя Анну вздрагивать, будто она каталась на американских горках. Быстрее, быстрее... Мыльные струи бегут по груди, животу, полукругом скользят по бедрам. В крошечном запотевшем зеркале ее довольное лицо в обрамлении мокрых прядей. Ловко оборачивается в простыню и выходит.

Ден внимательно смотрит на ее обнаженные плечи, не пытаясь изображать смущение. За дверью какой-то шум, громкие голоса, среди которых различим голос Лолы с хрипотцой.

— Что там происходит?

— Эти придурки вызвали полицию. Хотят знать, почему Лола и Рома сняли номер, а здесь целая стая налетела. А они, оказывается, когда зарегистрировались, номера паспортов от балды написали. В общем, индусам это сложно переварить.

Анна залилась смехом. Свет продолжал дребезжать, за окном усиливался ветер, а комната наполнялась густым паром от ведер, стоящих у порога. Она присела на кровать в ожидании, когда Ден пойдет в ванную и она сможет одеться. Но он продолжал смотреть на нее... В его взгляде отражалась хрупкая женственная фигура в белой простыне, мокрые волосы, падающие на длинную шею... Внезапно, рывком, он оказался у двери, резко зашелкнул щеколду.

— Ты — прекрасна.

Он склонился над ней, уверенно опрокидывая ее на подушки. Одним движением руки сорвал простыню. Пальцы помчались по скользкой влажной коже, жадный рот припал к приоткрытым губам. Анна, раздавленная внезапностью ситуации, не сразу могла реагировать. За дверью нарастали голоса, а над ней было тело, готовое взорваться желанием. На одно мгновение она ощутила возбуждение, смешанное с отвращением, и резко оттолкнула его.

— Стоп.

— Извини. Правда, извини. Не знаю, что на меня нашло. Просто ты такая красивая...

— Ладно. Забудем. — Она уже натягивала свитер.

Раздался стук.

— Вы чего там заперлись?

Марта, с фонариком на голове, наподобие шахтерского, лукаво им улыбалась.

— Что тут происходит? — заметалась Белка по комнате. — Бедная Лола в ярости. Надо скорее мыться, пока нас не распределили по гималайским камерам.

Анна провела щеткой по спутанным волосам. Спит ли он сейчас в своем ледяном спальнике? Потом обвела взглядом виноватый загорелый профиль Дена. Был бы он таким сговорчивым, не слыша голосов за дверью?

Она появлялась на сцене каждую ночь. Тело выполняло привычную схему, пробуждая похоть среди зрителей. Было ли ей противно? Да. Приятно? Да. Вопреки расхожему мнению она никогда

не позволяла дотрагиваться до себя посетителям клуба. Можно преподнести это как принципиальность. Но все намного проще. Любое прикосновение мужчины заставляло каждую мышцу сжиматься в судороге, к горлу подкатывала тошнота. А голова... Голова готова была разорваться в любой момент. Она улыбалась, густо подведенные глаза маняще смотрели в зал, окружая ее броней, недоступной пониманию окружающих. Ночь вертелась, скользила вокруг шеста, приближая утро и крошечную квартирку с наспех покрашенным потолком, где они жили с Юлей.

Юля... Русое каре «Клеопатра», очень высокая, талия невероятно тонкая, а длинные пальцы унизаны крупными серебряными кольцами. Эти пальцы ложились ей на живот, обвивали шею, прикасались к груди... Они рождали покой, влагу между ног, рождали мечты... Никто никогда не сможет понять женщину так, как другая женщина, загнанная в лабиринт поиска свободы.

Все четверо вышли из гостиницы. Ночь окончательно опустилась на Ганготри. Темнее неба над головой были только горы, покрытые густым сосновым лесом. Ганга, не успокаивающаяся ни на минуту, бурлила среди скалистых берегов. Анна набросила плед на голову, и теперь шерсть колола щеки.

— Хочу есть, — произнесла она дрожащим голосом.

— Нет, с меня на сегодня достаточно. Вот чайку бы, чтоб согреться, — всхлинула Марта.

— Честно говоря, я сам умираю от голода. Но, похоже, все закрыто.

Белка окинула их презрительным взглядом и достала сигарету. Когда мост остался позади, перед ними замелькали огоньки кафе, где вокруг террасы натянули брезентовый занавес, прикрывающий от ветра. Услышав голоса, оттуда выглянули двое — Костик, в вязанном берете, и Володя.

— С легким паром!

— Тепло ли тебе, девица? — Голубоглазый мальчик отступил в сторону, пропуская Анну. — Иди скорее туда, в угол, там не так дует.

— У тебя есть? — наклонилась Марта к Костику.

— Хм! Конечно!

— Тогда пошли покурим.

Они вышли обратно на улицу, чтобы наполнить святой город запахом гашиша. Анна села на деревянную скамью, попадая в паутину голубого взгляда. Ден недовольно повернулся к ее затылку. Все ждали, когда принесут чай.

10. Вдвоем

В этот день на завтрак была не только каша. Настоятель ашрама, высокий, полный, при ходьбе перекатывающийся с одной ноги на другую, будто маятник, сам приготовил жареные лепешки, тушеные овощи с перцем и сладкий тягучий рис. Вместо обычного травяного настоя чайники наполнили масалой. Солнце повисло над верхушками гор, призывая к себе. Анна с жадностью грызла лепешки, забывая о язве. И вновь дрожь и слабость проникли в ее колени. Ей было стыдно за собственный страх, природа, с ее необузданными красотами, пугала. Предстояло пройти двадцать пять километров по

земле, не защищенной предрассудками асфальта. Она — чужая. Если тысячелетние камни сочтут ее недостойной, они просто выбросят ее, растерзают прямыми лучами солнца, холодным ветром.

— Так, послушайте меня. — Лицо Вити было серьезным и суровым. — Через десять минут встречаемся у калитки. Вместе мы дойдем до входа в заповедник, это около трех километров. Дальше каждый будет двигаться в своем темпе. Не волнуйтесь, я замыкаю цепочку. Если что-то произойдет, мы всегда сможем вернуться. И внимание: Свами очень просит отнестись к этому серьезно — всю дорогу мы будем следовать практике молчания, то есть не разговариваем, только по делу. Возьмите паспорта, их просят предъявлять при входе в заповедник.

Рюкзак плотно прилегал к спине, давя тяжестью неизвестности. Путь начался. «Только бы преодолеть ступеньки!» — повторяла про себя Анна, потому что во время прогулки вдоль Ганги Витя показал ей место старта — огромную лестницу, не меньше двух километров, с высокими скользкими каменными ступеньками. «Советую тебе зайти с другой стороны», — пытался он ее убедить. Но Анна была непреклонна: «Пойду, как все. Никаких поблажек». Он тревожно посмотрел, ни на секунду не сомневаясь в серьезности ее слов. И сейчас, когда они перешли через мост, Анна с чувством огромного облегчения поняла, что они идут в сторону тропы. Он оберегал ее, без лишних фраз, без наигранности, посылая ей незримый поток сил.

Узкая дорога тянулась вверх, в чащу сосен. Солнце начало припекать, заставляя всех стягивать свитера. Сколько они прошли? Километр, два?

К ногам Анны уже подкрадывалась усталость, жареные лепешки сверлили желудок, и она уже оказалась в хвосте вместе с Голубоглазым мальчиком.

— Ты как?

— Нормально, Володя. — Она старалась добавить в свой голос ноты уверенности.

— Не бойсь, все будет ок. Паспорт взяла?

— Нет. — Анна резко остановилась.

— Да ладно гнать!

— Я серьезно.

Володя пристально посмотрел на нее, улавливая накачивающую на нее панику.

— Так. Я сейчас побегу вперед, там Витя у входа ждет. Если он не сможет это разрулить, сбегая в ашрам.

— Ты правда сделаешь это для меня?

— Конечно.

— Спасибо, — произнесла она с нежностью. Но стройная мускулистая фигура уже мчалась вперед. «Вот они — игры подсознания. Если так не хочешь туда идти, неужели нельзя признаться в этом?» — корила она себя. Но внутри жила непоколебимая уверенность, что даже без паспорта и в полном одиночестве она все равно поднимется к леднику. Во что бы то ни стало.

Она приближалась к воротам, около которых столпилась группа, охваченная нервным возбуждением. Рядом стояли равнодушные грязные кули, завернутые в линялые тряпки, готовые за ничтожную плату взвалить на свои плечи огромные рюкзаки. Издали Витя искоса посмотрел на нее. Слишком быстро, чтобы интерпретировать его настроение.

— Ну, что? — с тревогой она повернулась к Володе, его узкое лицо лукаво улыбалось.

— Все хорошо.

— Как же?

— Не знаю, Витя закатил глаза, но сказал, что все уладит.

Анна вздохнула, впуская утренний воздух в сжатые легкие.

— Снимай рюкзак, Аня.

— Зачем?

— Отдадим кули.

Вполоборота она повернулась к сгорбленным существам.

— Нет. Я сама понесу.

— Ты серьезно? — рассмеялся Володя.

— Да. Хочу сделать все как надо.

— Что еще за бред? Кому надо? Ты хоть раз ходила в поход?

— Нет.

На мгновение их лица замерли напротив друг друга. Где-то внутри у нее возникло смутное ощущение выбора, ей предстояло решить, кто будет ее спутником в этой непростой дороге. Она знала, это все изменит. Но, может, весь смысл в том, чтобы ничего не решать? Свами сказал, здесь все происходит само собой. Что ж... Почему бы не проверить это, отдавшись во власть Гималаев?

Проходя сквозь железные ворота, все как-то резко замолчали. Впереди величественно шел Свами в белых брюках и бежевой куртке. На фоне черной влажной земли он казался гордой белой птицей, готовой вот-вот вспорхнуть ввысь. Мимо Анны прошел Ден. Она решительно кивнула голо-

вой, прося его идти вперед. Потом Саша смерил взглядом ее рюкзак, повисший черным грузом на голых плечах. Володя оставался рядом, готовый прийти на помощь, уже предчувствуя, что она ей скоро потребуется. Постепенно группа растягивалась крупными звеньями, все больше становилось расстояние между людьми. Марта стремительно улетела вперед, прихватив Белку. Лола мечтательно замирала и фотографировала, но скоро и ее черный затылок исчез за поворотом. Анна и Володя каждую секунду поворачивались друг к другу, обмениваясь немymi улыбками, тормозящими их без того неторопливые шаги. В его глазах была странная грусть, затягивающая. В какой-то момент Анне стало ясно: нужно избавиться от него, потому что вдвоем они точно доберутся, вопрос лишь в том, куда? И она прошептала: «Иди». Его походка тут же вошла в другой ритм, но он продолжал тревожно оглядываться. Лишь когда Анна поравнялась со Свами, который явно отставал, намеренно или нет, Володя еще раз посмотрел в ее сторону, неуверенно махнул рукой и быстро направился вперед.

Анна уже устала. Спина начала ныть. Она не отрывала взгляд от белой фигуры учителя, словно от путеводной звезды. Ступала по его следам. Сначала тихо, затем громче, Свами начал петь мантры. Его голос лился среди камней, нырял в пропасть, в ледяную Гангу, и возвращался в солнечное сплетение. Слезы вновь подступали. Рождало ли это пение грусть? Нет, оно рождало надежду. А это намного больнее.

Медленнее... Медленнее... Внезапно Свами остановился.

— Дай мне свой рюкзак. — Его черные глаза смотрели уверенно.

— Нет. — Невозможно, чтобы учитель нес ее вещи. Тем более становилось очевидным, что он выбрал неудобную обувь.

Они прошли еще несколько метров, и Свами повторил свою фразу. Анна отрицательно покачала головой. Тогда он просто снял рюкзак с ее плеч и повесил себе на грудь, так как сзади был его собственный.

— Спасибо.

— Остановись. Посмотри, какая красота.

Анна внимательно обвела взглядом заснеженные пики гор, стремящиеся в сердце неба, реку, пролетающую меж крутых берегов. И лишь потом с улыбкой заметила, что он нарушает практику молчания. В этом не было лицемерия. Учитель давал каждому то, что ему нужно. А ей была необходима поддержка как никогда.

Сколько они были вместе? Кажется, не больше четырех месяцев. Отношения развивались стремительно. Еще не зажили раны Мухтара, а она уже проводила ночи, прижимаясь щекой к груди, покрытой густыми седыми волосами. Никто никогда не дарил ей столько нежности, как Алик. Прикосновения Мухтара всегда были полны страсти, но в ней сквозило что-то протяжное, ревностное, болезненное. Он всегда слишком боялся ее потерять. Так же, как она его. А теперь... Аликандр Георгиевич... Известный хирург. Стремительно он овладевал каждым миллиметром ее жизни, вскрывал ее воспоминания, одаривая анестезией заботы. Она

так стремилась к свободе, самостоятельности... Теперь же полностью вручила себя в эти сильные, не знающие ошибок руки. У нее был ребенок, что ни в коей мере не мешало ей играть в маленькую девочку. Иногда она сознавалась себе в собственной слабости и внезапной инфантильности. Но быть ведомой вдруг оказалось так приятно. Ей нравились его глубокие вдумчивые глаза, напряженное лицо, его жадные прикосновения. Он всегда будил ее, не позволяя дойти до кульминации ночного кошмара. С Сашенькой общался, будто это его собственный ребенок. Она бы непременно задалась вопросом, почему у такого человека, в его возрасте, нет семьи, если бы не знала, что все было — и жена, и малышка, и счастье. Все растворилось на одном из горных поворотов. Если бы он поехал с ними... Если бы наплевал на никому не нужную конференцию... Бесконечное количество «если» и черный кофе по утрам с новой женой, с новым ребенком. «Для него — вы просто подмена», — с болью сказал ей Мухтар. «Или спасение», — был ее ответ. Она предпочитала не думать об этом, паралич сковал мысли. Было ли это обусловлено радостью или бедой, она не знала. Да и кому дано это знать?..

Она медленно шла за Свами. Солнце начало капризничать — то скрывалось за тучами, то обжигало пронзительными лучами. Приходилось натягивать свитер, а через минуту снимать и повязывать на бедра. Все чаще она оглядывалась назад, замечая вдалеке яркое изумрудное пятно — штаны Вити. Рядом с ним шла Оля с растрепанными волосами, сгибающаяся под огромным рюкзаком. Постепен-

но расстояние между ними сокращалось, все отчетливее становилось лицо Вити в темных очках в обрамлении черной банданы. Казалось, он был здесь как дома, в своей стихии. Горы не утомляли его, а поддерживали. Мужественные черты стали резче на фоне неба, кружащего над ними.

— Ты воду пьешь? — спросил он, подходя к ней. — Тебе нужно обязательно пить, а то будет обезвоживание.

— Лучше электролит, — вздохнула Оля.

— Его не могу из-за желудка.

— Дойдем до того камня, там можно посидеть.

Анна опустила на сидушку, пристегнутую к поясу. Он снял очки, и теперь его глаза, прозрачные голубые глаза, сияли на фоне пропасти. Слабость проникла в ее тело, внезапная сонливость сдавила веки. Все начали подниматься.

— Аня, хочешь еще посидеть?

— Да. Забери мой рюкзак у Свами.

— Ты сможешь его нести? Зачем?

— Там мои вещи. Куртка...

Он повернулся к Свами, но тот отрицательно покачал головой.

— Просто возьми самое необходимое.

Анна сдалась. Достала пуховик, бутылку воды. Все это Витя убрал к себе. Учитель вместе с Олей двинулись вперед, оставляя их одних.

— Надо идти.

— Хочу спать.

— Это от разряженного воздуха.

Он мягко взял ее за локоть, заставляя подняться. Анна спрятала ладони глубоко в карманы,

будто ища опоры. Желудок начал чудовищно ныть. Витя шел впереди, но стоило ей замедлить шаг, он тут же подстраивался, медлил, с тревогой заглядывал ей в лицо. Хотелось отдохнуть — больше и больше.

— Ты иди. Я тебя догоню.

— Ну уж нет, красавица.

И вновь они продолжали путь. Тропа становилась уже, круче. Небо пасмурнее. Горные козлы то и дело пробегали наверху, сбрасывая острые камни, от которых надо было уворачиваться. Витя все чаще придерживал ее за руку и, в конце концов, крепко сжал ее ладонь, увлекая вперед. От теплоты его пальцев кружилась голова. Боль в желудке, усталость — все меркло в сравнении с этим нестерпимым блаженством его прикосновения. Они дошли до густого соснового леса. Начал моросить дождь.

— Вот как раз здесь и спрячемся. Там ручей. Надо набрать воды.

Анна присела на огромный валун, дотронулась до ледяной воды. Где-нибудь в Ришикеше она казалась бы спасением, но сейчас ей мучительно хотелось сделать несколько глотков чего-нибудь горячего, что согреет кровь. Витя наполнил бутылки, затем засучил рукава и опустил руки по локоть в воду.

— Держи. На память. Сувениры не привезешь, так хоть камни.

Анна взяла три небольших камня, обточенных водой, сжала с нежностью и положила в карман. «На память. Поверь мне, если я выживу, никогда не забуду этот день и твое прекрасное лицо».

— Отойди!

— Что?

Но Витя уже рывком дернул ее с места, куда градом посыпались осколки гор.

— Спасибо. Снова спасаешь меня.

— Это моя карма.

Пока они шли по лесистой местности, он не касался ее руки, не находя этому оправдания. Ее холодные пальцы начали ныть от тоски. Она была рада быть вновь среди неприкрытых скал, где можно было ощутить его прикосновение. Уже доверху застегнута молния куртки, но ветер хлещет в лицо. Они были в дороге около шести часов, стоило поторопиться, чтобы дойти до темноты. Впереди их ждал самый опасный участок пути.

— Где шапка?

— У Свами, в моем рюкзаке.

— Ясно.

Покрасневшие пальцы расстегнули тугую застежку и достали шапку. Анна взяла в руки мягкий кусочек шерсти, от которого исходил резкий ментоловый запах.

— Ароматизированная?

— Не знаю, наверное, лежала вместе с ментоловым маслом. У меня же в Ганготри начался насморк.

Анна натянула шапку на голову, втягивая аромат.

— И куртку возьми.

— А ты?

— Я дождевик надену, он от ветра отлично защищает.

— Нет, ты замерзнешь.

Но он уже снял красный пуховик, накинул на нее, как на ребенка, потуже затянул капюшон.

— Ну! Отлично! Настоящий непальский беженец! — Анна засмеялась, согреваясь в его вещах. — Пойдем, медовые глаза.

Они вступили на узкую тропу. Крепко сцепленные пальцы и один шаг отделяли их от пропасти.

11. Сомнения

Преодолев острые пощечины колкого снега, они, наконец, спустились в низину, в лагерь, в центре которого стоял маленький деревянный домик, где располагалась кухня. Широкие палатки образовывали букву Г. Как только показались люди, Витя тут же выпустил ее озябшую ладонь.

— А... Пришли, — произнесла Анна с грустной улыбкой.

Только что они были в плену ветра и страсти, а теперь предстояло расстаться. Она была уже уверена... Но, может, все-таки просто очень добрый...

— Как ты? — Володя быстро поставил ей еще один стул. Анна облокотилась на широкий деревянный стол.

— Жива.

— Нужно что-то поесть. Тут не разгуляешься. Есть какой-то острый рис и вермишель «Магги».

— Вермишель. И чай. Поскорее.

— Сказать, чтобы перец не добавляли?

— Да.

Володя побежал на кухню, чтобы поторопить повара — смуглого, скорченного, в шапке, натянутой до бровей.

— Анечка, мне сказали, что вы вернулись. Ты справилась! — Лола ободрительно положила ладонь ей на плечо.

— Да, мне не верится. Только обратно я, по моему, не вернусь.

— Ничего, сейчас отогреешься, и все будет в порядке. Витя там сейчас ищет место для тебя.

Володя поставил на стол пластиковый стаканчик, над которым вился пар. Анна обхватила его обеими руками, медленно сделала несколько обжигающих глотков. Желудок чудовищно ныл, горячая жидкость тут же вызвала спазм. Но Анна продолжала пить, жадно втягивая тепло.

— Ну, бровки домиком? — Володя быстро коснулся ее лба.

— Что? Бросил меня? Предатель.

Лицо мальчика сразу стало серьезным.

— Почему бросил? Ты сама сказала. А я тебя не одну оставил, знал, что в надежных руках. Так что нет, не предатель.

Перед ней поставили тяжелую тарелку с переваренной вермишелью. В любых других обстоятельствах подобное блюдо вызвало бы у нее отвращение. Но сейчас нужны были силы, она чувствовала противную слабость, колыхавшуюся в ее теле, и не шутила по поводу сомнений насчет возвращения.

— Твой рюкзак. — Витя поставил его на пол, не глядя ей в глаза. — Ты в пятой палатке будешь. — Он вышел, даже не выпив чая.

— Лолочка, а ты где?

— Мы в четвертой. — Она наклонилась и прошептала: — Надо попросить Фариды поменяться с тобой.

— Фарид! — Он сидел за соседним столиком. — Вы не могли бы со мной поменяться?

— Нет!

— Почему? — Анна сделала вопросительный жест рукой, сжимавшей алюминиевую вилку.

— Я уже четыре раза менялся. Хватит.

Анна с Лолой переглянулись.

— Пойдем к нам, — неуверенно произнес Володя.

— Конечно, к нам, моя девочка! — энергично ворвалась Марта. Вслед за ней Белка и Ден.

— Правда? Вы в какой?

— В первой. С Витей. Как-нибудь разместимся. Вместе теплее.

— Точно. — Ден уже сидел рядом.

— Витя не будет против? Хотя какая разница, если хочет, пусть уходит. — Она яростно подцепила склизкий комочек и положила его в рот. Закончив есть, она поняла, что необходимо срочно прилечь,

пока она не растянулась здесь же, на грязном полу. Анна подняла тяжелый рюкзак и пошла искать пятую палатку. Ночью она непременно последует совету Марты. Но сейчас она была не готова встретиться с Витей. Лежать и расслабиться, когда он рядом, — невысказанно.

В палатке было холодно, хотя она и защищала от ветра. Она расстелила спальник на железной кровати, забралась в него с головой, предварительно надев на себя шапку и перчатки.

— Давай я тебя еще одеялами укурую, — раздался над ней голос девочки-манго. Анна ощутила, как заботливые руки укутывают ее, и закрыла глаза. До боли хотелось спать, но сон не приходил. Ее бил озноб, будто в лихорадке. Снаружи выл ветер. Она не шевелилась, сжимая пальцы в кулак. «Господи, только бы вынести это! Если я умру здесь, у Вити будут проблемы». Она не вспоминала о доме, о семье. Вся ее жизнь осталась где-то бесконечно далеко. Только боль в желудке, разросшаяся, распухшая, была вестником из прошлого. От усталости хотелось заплакать, но не получалось. Волосы пахли ментолом. Ей нужен был Витя, его руки, дающие силу. Он бродил по территории лагеря, неприкаянный. Он чувствует ее боль, ее страх. В этом она не сомневалась. Но подойти, когда все вокруг... Нет, только если ей станет еще хуже.

Пару часов она провела в вялой полудреме. Затем резко дернула молнию, раскрывая спальник. Стопы в термоносок, поверх которых были еще и шерстяные, все же ощутили холод кроссовок. Сняв шапку, Анна провела пальцами по волосам, запутавшимся, свалевшимся. Стало очевидным, что

расческу можно не доставать. Она пожала плечами, как бы извиняясь перед собой за растрепанный вид, и вышла из палатки. Внешность больше не имела значения. На высоте действовали другие законы.

По-прежнему большинство людей прятались в деревянном домике, согреваясь чаем. Все давно забыли про практику молчания и болтали не умолкая. Анна села между Деном и Голубоглазым мальчиком. У Володи из кармана соблазнительно торчала шоколадка «Марс». Анна достала ее, быстро сорвала обертку и откусила. Рот наполнился вязким шоколадно-карамельным вкусом.

— Я это, наверное, лет десять не ела.

— Подкрепляйся, тебе нужна энергия. Там сейчас еще коробку принесли, нужно запастись. Рупии есть? А то я в Ганготри не успел поменять.

— Держи. — Анна достала несколько смятых купюр. — Ни в чем себе не отказывай.

— Я тебе верну.

— Прекрати, Вова.

«Он такой тонкий, умный. Но ведет себя как тинейджер». Анна посмотрела на него ласково, что не ускользнуло от Дена. Сюрреалистический полдник готов был перетечь в ужин. На пороге показался Витя. Он быстро оценил ее тесную компанию.

— Аня, все нормально?

— Да. Садись с нами.

— Нет, есть совсем не хочу.

И он ушел. В подступающую холодную ночь, в бесконечные сомнения, в сдерживаемое желание, в необходимость ей помочь. А Володя высыпал на стол гору шоколадок, одну из которых недовольно взял Ден.

Она гуляла в парке вместе с Сашенькой и мамой. Солнце бликами падало на гравий сквозь густую листву. Малыш опять гонял голубей, широко разводя ручки. Мама Анны пыталась кормить несчастных птиц, у которых белый хлеб застревал в клювах при приближении маленьких детских ножек. Раздался звонок мобильного. Анна лениво достала его из сумки.

— Ма, посмотри за ним, — бросила она, быстро отошла и присела на скамейку под широкими ветвями клена.

— Алло.

— Привет, это Витя.

— Да, узнала.

— Извини, но я опять не смогу в четверг.

— Хорошо.

— У меня радостное событие, хочу поделиться с тобой. У меня вчера дочка родилась!

— Здорово! Поздравляю!

— Спасибо. Я просто на седьмом небе! Но столько дел, мне никак не вырваться. Дома еще ремонт не закончился. Послезавтра их уже забрать надо, а куда — не совсем понятно. Ребенка же не привезешь, когда кругом пыль стоит. Придется сначала за город поехать.

— Конечно, я все понимаю. А как назвали?

— Майя.

— Очень красивое имя.

— Да. Это Аза захотела. Скоро жизнь снова немножко войдет в колею, тогда уже проще договоримся на определенные дни.

— Буду ждать твоего звонка. Еще раз поздравляю.

До нее донесся звонкий смех сына. В груди разливалось что-то теплое. Его голос был таким счастливым... Это счастье передалось и ей. Она была рада за него. Но странно... Причастность к его судьбе, ощущение незримой связи — откуда? Сладкое, абсурдное предчувствие вместе с запахом черемухи. А рядом личико Сашеньки, руки мамы, бросающие белые крошки. Лето... Первые ягоды, внимательные глаза Алика и Мухтар, где-то Мухтар... Она запрокинула голову, устремляя взгляд в небо в паутине ветвей. Вопреки всему в ней распускалось необоснованное влечение к человеку, который переживал сейчас главное событие в своей жизни — рождение ребенка.

— Куда потом поедешь?

Володя развел руками.

— Не знаю. Куда глаза глядят. — Она спрашивала механически, просто так. Слишком это было далеко — их возвращение с ледника, а потом обратная дорога в Ришикеш. Володя же собирался на мотоцикле покорять новые города и вершины. Наверное, это их последний и единственный ночной разговор. Отчего в тебе такая грусть, Голубоглазый мальчик?..

— Тебе нравится то, чем занимаешься?

— Реклама-то? Да. Главный плюс, что я могу работать где угодно, только бы Интернет найти. Вот и поездки такие тоже возможны. А ты? Индия отразится в твоих картинах?

— В них отражается все, что в сердце. Но когда я заканчиваю работу, никогда не знаю, начну ли

новую. Устаю от цвета. Начинаю много читать. Возвращаюсь к Кортасару.

— Тоже его люблю.

— Seriously? Ты меня удивляешь!

— Ты думала, я только комиксы читаю? Обожаю его рассказы и «Экзамен». Когда читаешь, полностью погружаешься в его сумасшедший мир.

— Да! Невероятный. Все течет, течет... потом взрыв.

— Хочу поехать в Аргентину. Если там есть хотя бы доля той атмосферы, что в его книгах, это стоит того.

— Я тоже... хочу...

— Поздно уже. Пойдем укладываться? Мы свечей там нажгли! — Марта возвышалась над двумя лицами, стремящимися друг к другу.

В палатке было почти тепло. В дальнем углу на картонной коробке были зажжены десятки свечей, маленький алтарь путников. Анна с тревогой огляделась, не найдя Витю.

— Белка, не против, если я с вами лягу? — она уже готова была бросить свой спальник на три кровати, где расположились девочки и Володя, но мальчик ее остановил.

— Нет уж! Тут и так уже тесно. — Он вырвал у нее из рук холодный сверток и пошел в глубь палатки, ища свободное место. — Вот. Ложись рядом с Деном. — Он улыбнулся. — Прости, конечно. Но уверен, ты с ним справишься.

Анна пожала плечами. У нее не было выбора. Она вообще хотела быть только с одним человеком — с Витей. Ее сознание, притупленное уста-

лостью, отказывалось понимать, почему это невозможно. А раз нет... Дыхание Володи в затылок, возбуждение, дрожащее в нем... Но Ден... К черту! И она легла, вдыхая запах паленых фитилей. Крепко сжала веки, борясь с нестерпимыми спазмами в желудке, ощущая, как в тепле ее волосы еще сильнее пахнут ментолом. Кто-то аккуратно лег рядом, придвинулся к ней и мягко обнял. Тут же она услышала тихий голос Вити, обращенный к Володе. Она знала, он смотрит на них и борется с вихрем эмоций, едва ли понимая их значение.

Ночь была длинной. Анна пыталась уснуть. Но тело ныло. В животе разрывались колокола боли. Казалось, вот-вот желудок наполнится кровью от перенесенного физического напряжения. Казалось, не пережить эту ночь. Витя тоже не спал. Он заходил, выходил. Она осязала это воспаленным восприятием. А Ден... Его руки готовы были скользить по ней... То и дело она перехватывала кисть, стремящуюся под ее свитер. Незримая борьба. В какой-то момент к боли начало примешиваться возбуждение. Ей было плевать на него. Но сама мысль о сексе среди десятка людей была привлекательно-вызывающей. Все ей: «Бедная, как же ты дошла?» А в ответ оргазм в палатке. Пощечина для Вити, который не может уснуть. Но она решительно отодвинулась в сторону. Все это забавно... В вареже темноты, свистящего ветра, ноющего тела... Фрагмент триптиха Босха «Сад наслаждений». Витя же... Ему нравились пейзажи Рериха. Витя был в ее душе. И он был прекрасен.

Они поселились в квартире Алика. В ней ничто не напоминало о том, что когда-то у него была семья, потому что их общий дом он давно продал, убежал из уютных стен, где когда-то был счастлив. Кабинет они переделали в детскую для Сашеньки. Комната получилась отличная, светлая, озорная. Но ее сын не спешил радоваться, он хотел домой. Анна покупала новые игрушки, пытаясь примирить его с новым жилищем. Маленькие глазки все равно наполнялись слезами. Алик был терпимым, ласковым. Он из всех сил пытался, чтобы они были семьей, не он и Анна, а все «мы».

Анне нравилось невероятное количество книг, грациозно расставленных в высоких шкафах. Она часто открывала стеклянные дверцы, просто чтобы прикоснуться рукой к кожаным переплетам. И однажды наткнулась на альбом. Там были фотографии: Алик, его жена, его дочь. Первым ее порывом было поставить альбом на место, не открывая. Но любопытство, противно-прозорливо-женское, победило. Опустившись в кресло, она начала листать. Она просмотрела от начала до конца, но на самом деле увидела лишь первый снимок — Алик, обнимающий улыбающихся жену и дочь. Жена... Привлекательная своей неправильной неканонической красотой... Руки Анны дрожали. Ее глаза... цвета меда. Та же прическа. Даже в улыбке было что-то неуловимо похожее. С болью она вспомнила слова Мухтара: «Вы — подмена».

12. Омовение

— Ты мясо не ешь?

— Нет.

— Понятно. А что вообще любишь?

— Макароны. — Витя улыбнулся, поднимаясь в «кобре».

Анна звонко засмеялась.

— Макароны?

— Да. С сыром.

— Здорово!

— Почему?

— Не знаю. Как-то забавно. Ну а вредные привычки у тебя есть? Может, кофе?

— Нет, кофе не пью. Люблю шоколадки, «Аленку».

От приступа веселья Анна не удержалась и опустила на локти. Витя с восхищением наблюдал за этим причудливым танцем. Ему было хорошо от простых вопросов, от ее радости. Уютно, тепло необыкновенно. Неосмысленное воспоминание детства подкрадывалось к нему. Мама, мама... Просто пришел вожатый и сказал: надо вернуться в Москву, на похороны. Ее не стало, когда ему было пятнадцать. Спустя несколько лет умер отец. Но по привычке он говорил: «Я потерял мать». Потому что с ней были связаны ощущения заботы, ласки. Он помнил ее руки, неизменно протягивающие перед сном стакан кефира. Потом, один, он не мог спать, не почувствовав во рту кисловатый вкус, и не мог его пить, так как на глаза наворачивались слезы. Нетрезвый отец всегда был тенью невосполнимой утраты самого близкого человека. А теперь... Макароны с сыром.

— С тобой очень приятно заниматься. Правда, мне нравится, — сказал он, когда Анна уже стояла в дверях.

— С тобой тоже.

Они вышли вместе. Он следовал за ней по деревянной неустойчивой дорожке, проложенной от крыльца до ворот, держа руку в напряжении, чтобы подхватить ее в любой момент. Если поскользнется, если оступится. Осень распускалась прозрачными желтоватыми листьями, приглушенными лучами солнца.

— Пока — обернулась она, встряхивая волосами, вновь одаривая его улыбкой. Они пошли

в разные стороны, но каждый чувствовал натянутую ниточку нежности, которая обязательно приведет их обратно.

Слава богу, ночь закончилась. Анна, стараясь не шуметь, выбралась из спальника. Вокруг разносилась мирное посапывание. Она осторожно подняла рюкзак и вышла из палатки. Теплое дыхание уперлось в стену холодного воздуха. Она приблизилась к раковине, над которой висело маленькое мутное зеркало. Собственное отражение пугало: лицо, покрасневшее, припухшее, глаза отекли, волосы торчат в разные стороны. Озноб отодвинулся на второй план. Анна быстро достала косметичку. Зачерпнув в бочке воды, почистила зубы. Кожу лица аккуратно протерла тоником, ощущая противное жжение. Потом нанесла увлажняющий крем. «Какая идиотка!» — проносилось в голове. Витя миллион раз сказал, чтобы она мазалась солнцезащитным кремом, но еще в Ришикеше ей никак не удавалось загореть, поэтому она решила воспользоваться горным солнцем. Результат в обрамлении пушащихся волос смотрел прямо на нее. И все же... Глаза ее горели. Поле завтрака предстояло пройти еще пять километров до ледника, чтобы совершить омовение в святой воде.

На первый взгляд дорога была не такой устрашающей. И погода казалась достаточно ровной и спокойной. Светило солнце, и она шла в одной футболке, повязав свитер вокруг бедер. Рюкзак она сразу же отдала Володе, не сопротивляясь. Он шел рядом, на этот раз не собираясь ее оставлять.

Витя быстро исчез впереди, оценив ее заботливую компанию, к которой присоединился еще и Ден. Она держалась один километр, не больше. Затем силы начали оставлять измученное тело. Тропинка оборвалась среди бесконечных громоздких валунов, через которые нужно было перелезть. Горки, пригорочки, крутой подъем... Она выдохлась. Ярость подступила к голове. Она ненавидела себя за собственную слабость. Ну почему, почему они все впереди? Володя подбадривал ее, его рука крепко сжимала хрупкую ладонь, таща за собой. Ден по-собачьи заглядывал в глаза, потом искося на ее пальцы, сцепленные вновь не с его.

— Ребята, вы идите, я догоню. Серьезно.

Ден, отвергнутый прошлой ночью, готов был согласиться.

— Володь, если девушка так хочет...

— С ума сошел! Ее нельзя оставлять. — Увлекал он ее за собой.

Анна молчала. Больше не реагировала на шутки, на взгляды.

— Надень шапку! — настаивал Володя. — Тебе голову печет, от этого еще тяжелее.

— Не хочу. — Отталкивала она протянутый кусок шерсти. — Она же теплая, в ней вообще кошмар.

— Ты ничего в этом не понимаешь!

— Плевать. Не хочу!

— Ты прямо как баран... горный... Что за человек такой?

Анна в очередной раз садилась на камни, борясь с сердцебиением.

— Все уйдите. Вы меня достали.

— Ладно. Пойдем, Володь. Мы только мешаем.

Володя пожал плечами с глубоким сомнением на лице. Через пару минут они скрылись из виду. Мыслей не осталось, любые ощущения глушила ярость. Анна расстелила куртку между камней, под голову подложила скомканный свитер. Она легла и закрыла глаза, подставляя ноющую кожу открытому солнцу. «Будь что будет. Я больше не сдвинусь с места». Прошло минут пять, может, меньше. А дремота уже проникла под отяжелевшие веки.

— Вставай, красавица! — Над ней возвышалась высокая фигура Володи. Он обхватил ее запястье, заставляя встать. — Я знаю, это просто демоны выходят, не пускают тебя к святой воде.

Ден стоял рядом, спрятав руки в карманах. Он ни за что бы не вернулся, но не мог позволить Володе прийти к ней одному. Это было так очевидно, так горьковато-омерзительно. В темпе заевшей пластинки они, наконец, предстали перед ледником. Издали она увидела Витю, смотрящего на них. Большинство уже искупались и теперь, спрятавшись в свитера по самые глаза, собирались обратно.

— Аня, пойдешь в воду? — Витя нервно потирал руки.

— Да.

— Ты помнишь, что Свами говорил?

— Да.

Конечно, она помнила. Главная ее цель. Нужно помолиться, потом три раза совершить омовение. Она забрала свой рюкзак и пошла за высокий

неровный камень, чтобы переодеться. По дороге наткнулась на Таню с фотоаппаратом.

— Можешь мне помочь?

— Конечно.

Не замечая пронизывающего ветра, Анна сняла с себя все. Девочка-манго окружала ее ореолом пушистого пледа, пока она обматывала себя оранжевым сари.

— Не могу завязать.

— Дай я попробую.

Таня зубами стянула узел на груди. С обнаженными плечами, с волосами, развевающимися на ветру, она приближалась к воде, чувствуя, будто изображение замирает, выхватывая два ярких пятна картины — ее, следующую испытанию, мечте об освобождении, и его — обращенного к ней каждой частицей души.

Вода обожгла ноги. Множество судорог полетели вверх по икрам, проносясь по всему телу. Вот-вот она окунется в воду, нужно сформулировать свое желание, прошептать внутри себя слова молитвы. Она думала, что попросит об исцелении, о здоровье, о покое, который никак не обрести. Но сейчас, когда бездна неба была над ней, со всех сторон смотрели молчаливые горы, а ее кожи касалась вода всех начал... Она встала на колени, омыла ладонями лицо и могла молиться лишь об одном, чтобы быть в сердце Вити, потому что она уже знала, что он в ее сердце, в самой глубине, там, куда еще никому не удавалось попасть.

Три раза. Так холодно, что перестаешь чувствовать холод. Она возвращалась. Рядом Ден, Во-

лодя... Взгляд отсекает все лишнее, замечая лишь Витю, быстро закутывающего ее в плед.

— Скорее снимай эту тряпку!

Она сбрасывает оранжевое сари. Голая, завернутая в белый шерстяной плед. Витя опускается перед ней на колени, вытирает узкие стопы, смахивает песок, надевает кроссовки. Поднимается и смотрит прямо в лицо, в сияющие глаза.

— Аня! Ты сделала это!

Она не в силах ответить. Эмоции не дают вырваться словам. Влага застилает глаза. Вселенная перестает существовать. Он обнимает ее — крепко. В тепло, в нежность — проваливается Анна, закрываются веки, унося в необъятное счастье.

— Молодчина! — Ден! Ден со своей реальностью.

Порыв ледяного ветра приносит колкий снег.

— Аня, нужно скорее одеться. — Жаль, жаль... Она не может оправиться, будто после удара молнией. Идет, шатаясь. — Тань, помоги ей. — Он бы сам одел, растер, как ребенка. Только люди, люди...

Свитер, куртка... Внезапно — кровь по ногам. Ее тело по-своему выплескивает накопившуюся боль. Дорога обратно. Витя, Ден, Володя, Таня... Идут рядом.

— Повяжи плед на бедра. — Пряча лицо от нового порыва ветра, Витя оборачивается к ней.

— Да ладно...

— Повяжи, я тебе говорю!

Соглашается. Пальцы не слушаются, пугаются в толстой шерсти.

— Дай сюда, Аня.

Помогает ей быстро, ловко. Снова близко. Навстречу им пожилая женщина идет, опираясь на палку. Ее последний путь к матери-Ганге.

— Смотреть страшно, — произносит Володя и спешит ей на помощь.

— Бедный! — Анна смотрит ему вслед. — Меня тащил пять километров, а теперь еще она.

Небо темнеет. Колкие, острые частицы режут лицо. Они торопятся. Камни скользкие, Анна задыхается. Витя придерживает, увлекает. Ден подстраивается под них, не спешит, что-то насвистывает, не обращая внимания на погоду.

— Не надо меня ждать. Иди. — Поворачивается к нему Анна.

— Да все в порядке.

— И у меня.

Твердое решение не отходить ни на шаг выглядывает из-под его чекеварского берета, поднимая в Анне негодование. Самый трудный участок пути позади, они вышли на тропу. Витя быстро исчезает, нужно проводить всех, чтобы идти вниз вместе с Анной. Разрывая тучи, льется солнце. Шаги Анны становятся медленными, ленивыми. То и дело она присаживается и смотрит на горы, вбирает в себя нечто, не поддающееся определению. Но Ден, черт бы его побрал, не хочет оставлять ее.

— Ты бы поспешил. Там сейчас все уже спускаться будут.

— Пускай. Я с вами пойду.

— Зачем? Неизвестно, сколько еще я буду отдыхать.

— Ничего. Впереди вечность. — Он улыбнулся. И это было похоже на угрозу.

Когда они приблизились к лагерю, вся группа уже была в сборе, рядом с ними стояли горбатые кули, нагруженные рюкзаками.

— Аня, достань все что нужно из рюкзака, — коротко сказал Витя. Анна набивает карманы салфетками, кладет перчатки, бальзам для губ — она готова избавиться от ненужного груза. Опять среди деревянных стен, за грубым неотесанным столом. Рядом Ден крутится по-собачьи. Через несколько минут появляется Витя.

— Сейчас отдохнешь и пойдем.

— Без меня, — резко отрезает Анна.

— В смысле?

— В прямом. Я сегодня не сдвинусь с места. — Делает несколько обжигающих глотков.

— Ладно, ладно... — улыбается Витя, опасаясь серьезности ее слов.

— Здесь хорошо, — вставляет Ден.

— Послушай, а ты бы шел... вниз.

— Аня, давай обойдемся без грубости.

Анна внимательно посмотрела на него. Без грубости... Она здесь была абсолютно бесполезна. Пальцы теребили свалявшиеся пряди, падающие на плечи.

— Витя, я ночью уснуть не могла, так сильно мои волосы пахли ментолом.

— Прости. — Улыбаясь, он обхватил ладонями пластиковый стаканчик.

— Да нет, мне даже нравится. Теперь запах ментола всегда будет напоминать о твоей шапке.

— Может быть, и обо мне...

Да, да... она не решилась произнести это вслух. А так хотелось обнять, осязать... По-прежнему текла кровь, усталость сковала ноги, но не жажду его.

— Все. Пора. Нужно успеть до темноты.

— Без меня.

— Аня, я серьезно. Представляешь, что будет, если мы не вернемся? Сразу отправят спасательную группу.

Вообще-то, сейчас ей было на это глубоко наплевать. Но идти придется — в любом случае.

Медленно они покидали лагерь. Витя без конца наклонялся, поднимая с промерзшей земли пластиковые бутылки, оставленные безответственными туристами. Это трогало. Добро было в каждом его действии, в каждом жесте. Постепенно они приблизились к крутому спуску, открытому для всех ветров. Небо над ними из молочно-серого превращалось в стальное. И вскоре обрушило на них тысячи колючих частиц. Витя крепко держал Анну за руку. Она шла, ведомая им, шурясь, прячась за высоким воротом.

— Надень очки, будет легче.

Действительно, веки расслабились. Но через несколько секунд от теплого дыхания стекла запотели. Вновь дорога на ощупь, вслед за его рукой. Они обогнули гору, и здесь стрелы начали превращаться в густые хлопья, мгновенно облепившие шапки и ресницы. Анна замерла. Огромные белые снежинки падали из ниоткуда в бездну, стремились в бурлящую Гангу. Немые камни взирали со всех сторон, взрывая преграды души.

— Господи! Витя! Это, наверное, самое красивое, что я видела в своей жизни.

Он стиснул ее ладонь в промокшей перчатке. Медовые глаза смотрели вдаль, вбирали все оттенки этого дня.

— Сколько я здесь был... Но это в первый раз такая красота. Не знаю, из-за снега или из-за чего-то еще...

Они переглянулись. Анна теснее прижалась к нему. Рядом стоял Ден — единственная помеха прекрасному.

13. Дыхание волшебства

И был ли этот день? И запах тающего на коже снега, и твоя улыбка. Надежда, врывающаяся в сердце. Как будто все еще можно изменить, повернуть время и начать сначала. Нет обмана, обязательств, боли и прошлого, связывающего узлом настоящее. Свет впереди. Ни в конце туннеля, просто вокруг, вне и внутри тоже. Нет обязательств, нет обещаний. Все естественно, без надрыва, без усилий. Не нужно стремиться к цели. Это и есть цель — счастье в тебе.

Густая хвоя, завернутая в белое кружево, пахла еще сильнее, обдавая свежестью. Град пре-

вратился в снег, снег — в дождь. Анна сняла промокшие насквозь перчатки. Теперь Витя по очереди брал то правую, то левую ладонь, пальцы сплетались, прячась в кармане его красной куртки. Анна не чувствовала ни холода, ни влажной прилипающей ткани, ни хлюпающих кроссовок. Очаг света, центр вселенной был в прикосновении рук. Они шли вдоль камней, пропасти. Но не только. Мимо проплывали первый год ее общей жизни с Мухтаром, рождение Сашеньки, поцелуй Алика, случайная встреча с Юлей спустя столько лет... А Витя, что видел он? — гадала Анна, непроизвольно сильнее сжимая его ладонь. Скрученный косяк, выцветшие обои, солнце, заливающее дорогу, черные волосы Азы, струящиеся по спине, и первая улыбка дочки... Может быть...

— Осторожно. Скользко. — Перед ними был узкий мостик над ручьем, из двух бревен. Витя первым ступил на него, за ним Анна, потом Ден. Все трое — за руки. Анна ощутила под ногами гладкую неустойчивую поверхность, под ними между валунов струилась быстрая вода. Вперед. Тихо, медленно, осторожно... Внезапно исчезла опора, не успев опомниться, Анна полетела вниз. В одно мгновение ее левую руку выпустил Ден, не препятствуя падению. Витя упал вслед за ней, стиснув ее запястье.

— Аня, Аня! — он быстро вскочил и склонился над ней.

— Я в порядке, не переживай. — Поддерживаемая им, она медленно поднялась, не веря в собственные слова. — Правда! Удачно я приземлилась — между камней.

Испуг еще не сошел с его лица, заостряя черты.

— Ух! Все внутри оборвалось! — вздохнул Ден, сделавший за секунду выбор в пользу себя.

Дождь струился по лицам, капли путались в ресницах. Тропа стремилась вниз.

— Я очень испугался — за тебя. Будь осторожна — всегда. Обещаешь? Для меня...

— Для тебя — да.

— Ты заметила, как все изменились? Тянутся друг к другу...

— Точно...

— Гамукх — особое место. Здесь открывается сердечная чакра, все, что спрятано глубоко внутри, выпрыгивает наружу.

Их шаги стали медленнее, позволяя навязчивому спутнику исчезнуть впереди. Витя остановился, поднял с земли белый камень с крупными вкраплениями слюды.

— Красивый... — сказал он полушепотом.

Анна взяла его и положила в карман, сопротивляясь подступающим слезам. Еще несколько шагов... «Если ты сейчас меня не поцелуешь — я умру», — пронеслось в ней под бесчисленными потоками холодных струй. Он резко остановился. Глаза, голубые, бездонные, ласковые смотрели на нее. Рывком он привлек ее к себе и поцеловал. Нежно, долго, обхватывая губами ее губы, касаясь языка, неба... Руки поплыли по ее талии, прижимая к себе. Закружились ветви, пики гор, капли дождя...

— Мы с тобой... под дождем... Ты светишься, Аня...

— Витя... — и вновь сплетение, фейерверк в груди и стремительный взлет над всем, что не сбылось. — Почему ты так долго ждал?

— Не знал, хочешь ли ты...

— Конечно... Витя...

Разлука губ — невыносима. Почему?! Почему?! Но нужно идти, и вновь Ден, выглядывающий из-за поворота.

— Я вас потерял.

Обратно они спускались по лестнице, с которой так и не начался их путь. Ноги с трудом сгибались в коленях, неуверенно ступая на мокрые ступеньки. Осталось совсем чуть-чуть... Но хотя кожа уже не ощущала даже холода, Анна с горечью смотрела вперед, где их ждал ашрам, нависший над рекой. Если бы прийти, закрыться с ним в комнате... Но этого не будет. И будет ли что-то еще?..

— Вернулись! Наконец-то! — со всех сторон доносились возгласы, когда в подступившей темноте они вошли через калитку.

— Аня, скорее переоденься. Есть во что? — Она кивнула. — Я пока скажу, чтобы тебе два ведра воды нагрели.

Анна вошла в свою крошечную келью. Тело сотрясалось от дрожи. Липкая ткань не хотела отпускать. Пришлось долго стягивать ее. Потом быстро — сухое белье, свитер, носки... На ноги серебристые мокасины без задников, в которых приехала из Ришикеша, потому что ничего теплее нет. Волосы промокнула полотенцем и направилась вниз, на террасу, где все пили чай.

— Мы за вас очень беспокоились! — воскликнула Лола.

— Удивительная вещь, когда бы я тебя ни увидел, у тебя всегда мокрые волосы! — Рома протянул ей стакан, горячий, не удержать в руках.

— Больше не могу выносить этот холод! — захныкала Марта.

— Потерпи до утра, — повернулась к ней Лола.

— В смысле? — Анна недоверчиво посмотрела на соседку.

— Мы решили утром вернуться в Ришикеш.

Анна в смятении пожала плечами. Свами предупредил, что, спустившись с ледника, нельзя сразу покидать Ганготри. Но сейчас, услышав об их отъезде, она испытывала странное облегчение, почти радость.

— Бровки домиком, вот твой рюкзак, там лежит. — Пряча руки в карманы, рядом стоял Голубоглазый мальчик, мечтательно взирая на нее. — Так рад тебя видеть... Все время представлял, как ты... под дождем...

— Аня, через несколько минут вода будет готова. Тебе принесут. — Резкий, чужой голос Вити, слова, брошенные на ходу.

— Отнесешь это мокрое чудовище? — она кивнула в сторону рюкзака.

— Конечно.

Володя перекинул его через плечо, и они направились к ступенькам. Щелчок выключателя, мигающий, тусклый, дребезжащий свет.

— Куда положить?

— Да все равно.

Он опустил ношу на пол и теперь стоял перед ней; за ним, на стене металась черная тень.

— Ну... — вдруг начал потирать ладони.

— Ну...

— Все позади.

— Да.

— Аня... — его голос сорвался на шепот, заструился, она не могла уловить ни одного слова. Руки легли ей на плечи, пронеслись по спине, замерли на талии. Теплое дыхание коснулось лица. Потом поцелуй. Стремительный, как бурный поток реки в маленьком окне комнаты. Он выбежал прочь, оставляя дверь распахнутой настезь. Сквозняк и грусть ворвались в сердце Анны. Она задернула маленькую смешную занавеску, защищаясь от пришедшей ночи, и подумала: «Несмотря на то, что все по кругу, ничто и никогда не повторяется в этой жизни».

Утро началось шорохом собираемых вещей.

— Уже уходишь? — сонным голосом прошептала Анна. Всю ночь ее трясло, бил озноб. Она почти была уверена, что заболела. Мучительно хотелось прижаться к теплому телу. Рядом была только Лола, спрятавшаяся в свой спальник, не расположенная к объятиям, даже ради тепла.

— Спи, прости, что разбудила.

— Ничего.

— Я тебе оставлю куртку, твоя, наверное, еще не высохла.

— Спасибо.

— А плед оставить?

— Да.

— Ладно. Побегу навстречу солнышку.

— Скоро увидимся.

Лола торопливо вышла. Анна приподняла занавеску. Солнце выплывало из-за гор, разливаясь первыми лучами над стремительной рекой. Озябшей рукой она отыскивала круглое зеркало. «О господи!» — лицо припухло, кожа покраснела, веки ели открывались. Глубоко вздохнув, она вынырнула из-под одеяла. Умылась обжигающе холодной водой, мягкими круговыми движениями нанесла увлажняющий крем, борясь с болезненной сухостью. Медитация уже началась, но Анна спряталась обратно в спальник и долго лежала, разглядывая картину в обрамлении оконной рамы. Горы притягивали. Они что-то сделали с ней, эти горы. Душа осталась незащищенной, без прикрытия.

Она спустилась к завтраку, ища глазами только одного человека. Витя пил чай. Его лицо было сосредоточенным, тревожным. Он ждал, он мечтал. Сомневался. На террасе было как-то пусто, восемь человек уехали, и все поменялось. Между ложками сладкой каши ей что-то говорил Ден. Она небирала слов, не обращала внимания на сидящих рядом с ней. Витя ушел, и она, вскочив, бросилась в свою комнату. Сейчас в каменном помещении было холоднее, чем на улице. Анна села на кровать, встала, снова села. Невозможно, чтобы так. К нему, скорее. Обогнула ашрам, пробежала по коридору, замерла перед дверью, пытаюсь совладать с дыханием. Неуверенный стук.

— Да? — надежда в его голосе. Или ей показалось?

— Привет. У тебя мои очки остались...
— Вот, — протягивает ей, — ты садись...
— Что будешь делать?..
— Я вот думаю... Вчера так и не помылся. Сейчас это сделать? Или погулять сначала...
— Лучше погулять... пока погода хорошая...
— Тогда встретимся через пять минут у входа. Ты посмотри, там кроссовки уже, наверное, высохли, я их с утра на солнышко поставил.

Она взлетела по лестнице. Действительно, высохли. Взяла плед, серую сумку, ключ в замок — и быстрее к калитке. Секунда, другая... Так же стремительно появился Витя.

— Вы что, опять на ледник? — раздался голос одной из женщин, распластавшихся в пластиковых стульях. Кто именно спрашивал, Анна не обратила внимания, готовая сорваться с якоря.

— Да. А вы с нами хотите? — с вызовом повернулся к ним Витя. — Нет? Тогда мы пошли.

Иголки хрустели под ногами. Почти бегом они добрались до леса. Витя огляделся.

— Пойдем туда, — он кивнул в сторону обрыва. Взял ее за руку, и они спустились на небольшую каменную площадку. Расстелив плед, они сели рядом, ласкаемые солнцем. — Здесь загорать можно.

— Да.

— Как прошла ночь?

— Все время трясло. Не могла согреться.

В его профиле, в его сложенных на груди руках чувствовалось напряжение, похожее на простирившуюся перед ними пропасть. Медленно

она дотронулась до руки, перебирая его длинные пальцы. Поднялась до локтя, села ближе...

— Витя, тебя трогать можно? Или это только на высоте...

— Можно... — он засмеялся. — Просто — ответственность... — Повернулся к ней, лицо вновь стало серьезным. Взгляды слились, перетекая в единый вдох. Его руки быстро заструились по вздрагивающей коже, сорвали футболку, штаны, трусики — влажные от крови, по-прежнему сочившейся после ледника. Через мгновение он тоже был голым. Тела ринулись друг к другу в ритме учащенного сердцебиения. Он готов был войти в нее, но короткий вскрик, и теплая сперма полилась на живот. Анна обняла его, увлекая за собой. Витя запрокинул голову, устремляя лазурный взгляд в небо с проплывающими облаками.

— Как школьник...

— Ничего. — Руки ее заскользили по его плечам, груди, животу... — Мне так хотелось дотронуться до тебя!

— Мне тоже, Аня. Мне тоже.

Какое-то время они лежали молча. Анна жаждала его. Не только проникновения, его — с мыслями, мечтами, грустью, которая присутствовала сейчас в нем. «Ни о чем не жалею, пожалуйста. Потому что я никогда не стану этого делать...» — думала она, поглаживая, прикасаясь.

— Ночью... Ты был мне нужен...

— Ночью Рома рядом спал.

— Но он уехал. И Лола тоже.

— Я приду сегодня.

— Обещаешь?

— Да. Нужно одеваться. Свами сейчас приедет сюда группа.

Оторваться от него? Зачем? Пусть хоть весь мир придет сюда... Но Витя нервничал, и она оделась. Она еще не успела достать иголки из волос, как послышались голоса. Они поднялись им навстречу, одергивая футболки, и влились в общий разговор.

Дальше медленно, липко, тягуче... Когда же наступит вечер? Фасоль с перцем, чапати с картами, масала-чай, заваренный на тревоге. Вечерняя медитация, дыхание легкое и глубокое, первый раз такое дыхание... Наконец, ночь в переливах белых свечей, расставленных на узком подоконнике. Оазис пламени слегка согревает Анну, завернутую в спальник. В стекле отражается огонь, а за стеклом бурлит, вздымается река. «Только приди! Или я умру», — твердит она про себя в полусне. Но еще не смолкли голоса в соседней комнате, а дверь тихо приоткрылась.

— Витя! Я тебя так ждала! — шепчет Анна, задувая свечи. Он сбрасывает красную куртку, забирается к ней, прикрывая их спальником, который принес собой. Анна не ждет, быстро раздевается, голая, прижимается к нему. Проваливается в его поцелуи, обвивает, облизывает, растворяется в счастье. Он — в ней. И все радости — ускользнувшие, и все сны — яркие, и все мечты — не напрасные... В ней. Она хочет нашептать ему об этом, но звуки сливаются во вздохи, в стоны, похожие на журчание Ганги за окном.

— Моя сладкая! — да, так, сильнее, быстрее... и вновь теплая влага на животе. Анна прижимается к нему, покачиваясь на волнах нежности. Холодная, сырая комната теперь самое уютное место на земле.

— Витя... Знаешь, кто ты?

— Нет.

— Ты — Волшебник.

— Почему?

— Не знаю... С тобой все — другое... В Ришикеше, когда мы гуляли, все было прекрасным. А когда я пошла одна, все вдруг стало мертвым, безликим, исчезла магия. — Он обнял ее сзади, касаясь губами шеи... Темные пики гор, руки, ласкающие грудь, трепещущее сердце — его или ее? Потом мягкий сон в горячем кольце его объятий. Дыхание волшебства.

14. Прощание

Анна медленно провела рукой по белой шерсти, кое-где еще попадались засохшие иголки хвой, хотя Витя долго, старательно вынимал их. Плед пах лесом, сыростью, обжигал первыми моментами их близости. Анна аккуратно сложила его и убрала в чемодан. Осталось чуть-чуть — сладкая каша, горячий стакан в руке, солнце, пронизанное соснами... Потом дорога обратно, вниз. Наверное, нельзя всегда быть на вершине, ни пике эмоций. Но как отпустить? Как справиться с горечью утраты?

— Что ж... Счастливо, — коротко бросил Костик, поглощенный разработкой нового маршрута. Вместе с Володей он оставался в Ганготри.

Где же Голубоглазый мальчик? Анна внимательно обвела взглядом террасу, залитую утренним светом, но его не было. Витя что-то говорил, что-то ел, смотрел на кого-то... Но не на нее. Она ощущала его тревогу, смятение. И все же злилась, раздавленная нестерпимой печалью разлуки.

Автобус тронулся. Ганга, ледник, ядовито-зеленая пещера отшельника, мокрые ступеньки, лица в снегу, шишки, наполненные густой смолой, ноги, сомкнутые на его бедрах, — все позади... Дорога крутилась, спускалась в переливах слов, ничего не значащих слов. Иногда были остановки. Витя спрашивал ее: «Хочешь пить? Хочешь есть? Все нормально?» И ей тоже хотелось задать несколько вопросов: «Хочешь меня? Что значила для тебя наша ночь? Знаешь ли ты, что это Гималаи сделали с нами, потому что я попросила, помолилась... Все дороги моей жизни привели меня на тропу, где мы взялись за руки. Это самый большой подарок судьбы». Оторванная от него, разделенная с ним чужими лицами, она вновь прижимала правую ладонь к животу, борясь со сверлящей болью. Прохлада сменилась духотой, а счастье — тревогой. Автобус наполнился короткими взвизгиваниями мобильных, снова была связь, возвращение в реальность. Еще не до конца, еще два дня в Ришикеше, но уже разорван магический круг скал.

— Алик, привет!

— Не верится! Неужели я наконец могу тебе звонить! Где вы?

- Уже рядом.
- Пять км до Ришикеша, — вдруг резко вставляет Витя, сидящий впереди, обращенный в слух.
- Сейчас уже приедем. Как Сашенька?
- Все хорошо. Послезавтра с утра заберу его. Мухтар улетает в командировку.
- Он не говорил мне...
- Голос у тебя странный. Все в порядке?
- Просто устала.
- Я так соскучился...
- Я тоже... Очень-очень.

Затылок Вити, его профиль, его плечи... Приблизиться, поцеловать. Она соскучилась. Безумно соскучилась за пятнадцать часов, проведенных в дороге. Кожа на лице чудовищно ныла, от перепада температуры она высохла, так что больно улыбнуться. Ден, подсевший к ней, не замолкал ни на секунду. А она ждала ночи. Не знала, как и где, но это должно произойти вновь. По-другому — немыслимо...

Дорога, кочки, трясет сильно. Встает — затекла поясница. Поворот, рывком ее отбрасывает на колени Фариды. Он помогает ей подняться, поддерживает, разворачивая правую ладонь тыльной стороной.

— Вы же сказали, не будете мне гадать? — Но он вглядывается, ведет пальцами по линиям. Потом притягивает ее к себе и шепчет:

— Отпусти их, Аня, отпусти. — Распахивается медовый взгляд. — И его тоже. Тебе не построить, что хочешь. В дороге — твое спасение. Отпусти.

Он отпускает ее ладонь.

Ашрам Йога-Никетан показался теперь настоящим дворцом. Комната как-то изменилась, будто и она прошла через испытания. Лолы не было, хотя им уже сообщили, что все восемь человек, покинувшие раньше Ганготри, заболели. У некоторых и сейчас температура была под 40. «Святое место выплюнуло их», — вспомнила она слова Свами.

Анна вошла в ванную, где, как всегда лениво, ползали муравьи. Поток воды из душа смыл их, заставляя беспомощно дергать лапками. Она виновато пожала плечами, подставляя измученное тело мягким струям воды. Пар пополз по белым стенам, застилая маленькое зеркало. Завернувшись в полотенце, Анна провела ладонью по стеклу, желая увидеть свое отражение. До боли она стукнула ладонью по раковине. Стянутая, высохшая кожа от горячей воды лопнула, расплзлась, обнажая красную поверхность, залитую сукровицей.

И был день. И была ночь... От легкости, царившей в Ганготри, не осталось и следа. Вновь душу рвало на части. Анна не знала, что больше ее тревожит — приближающееся возвращение в Москву или Витя, далекий, недостижимый. Ночью вопреки всем ее надеждам Лола и Рома вернулись в ашрам, лишив их возможности быть вдвоем. Надежды, разбитые вдребезги, болью отдавались во всем теле. Она крутилась в цветной простыне, будто в карусели, ощущая подступающую тошноту.

— Что с тобой? — шепотом спросила Лола.

— Прости, я тебе мешаю спать. Ты-то как?

— Уже намного лучше. Видишь, даже смогла гулять.

— Здорово.

— Это из-за Вити?

В темноте, наполненной криком обезьян, приглушаемом зелеными ставнями, Анна повернулась к смуглому лицу.

— А что Витя?

— Аня, если не хочешь, можем не говорить об этом. Но такие вещи очень сложно утаить от посторонних глаз. — Анна приподнялась и со вздохом рухнула на подушку. — Между вами такое электричество носится в воздухе... И то, как вы не смотрите друг на друга...

— Да, да... Я задыхаюсь. Скорее бы утро. Ришикеш сводит меня с ума!

— Если бы дело было в Ришикеше...

Утро, утро... Желанное утро. Асаны, пранаямы... Его лицо в преддверии восхода солнца, ноздри, забитые удушливой влагой, плавные потоки воздуха, разносимые вентилятором.

Om asato ma sad gamaya

Tamaso ma jyotirgamaya

Mrtyor ma amrtangamaya

Om santih santih santih*.

Потом завтрак. Скрежет металлической посуды. Колотится сердце, барабнят пальцы по деревянному столу.

* (Позволь нам продвинуться)

От заблуждений к реальности

От тьмы к свету

От человеческого состояния к бессмертию

Ом Покой Покой Покой

— Ты мажешь лицо пантенолом? — спрашивает Витя. «Позавчера ты у меня во рту. А сегодня это все, что можешь сказать?» Бросается в комнату, швыряет поднос с посудой, падает навзничь на кровать.

— Мы пойдем в город. Хочешь с нами? — наклоняется Лола, с тревогой вглядываясь в ее вздрагивающие веки.

— Нет, я останусь.

Лола неуверенно кивает. Можно ли ее оставлять наедине с мыслями?

Анна ждет. Хочет плакать, но не плачет. Изредка сквозь приоткрытую дверь долетает слабый теплый ветер, и она отчаянно надеется, что он придет.

Скрип, тихий стук. Срывается, вскакивает, темнеет в глазах, резко садится. Но это Ден, всего лишь Ден.

— Аня, ты пойдешь в город?

— Наверное.

— Может, пойдем вместе? Погуляем? Все-таки, можно сказать, последний день...

— Знаю, что последний...

— И...

— Ты иди. (Поворачивается к ней вопросительно, умоляюще.) Ден, что ты от меня хочешь? Ты посмотри на мое лицо — я жутко обгорела! И настроение у меня тоже ужасное! Какая тебе от меня радость?

— По-моему, ты прекрасно выглядишь! А настроение — вещь непостоянная. Ладно, буду ждать тебя внизу, во «Flowers».

— Как хочешь. Но ждать тебе придется очень долго.

Недовольные разочарованные шаги растворились на ступеньках крыльца. Анна присела на край кровати, больше она не видела смысла терзаться в духоте. Она не пойдет ни с Лолой, ни с Деном... Будет бродить в одиночестве по острой проволоке воспоминаний, по навесному мосту, где, провалившись в темноту, впервые ощутила нежность его рук. Она надела шелковые цветные брюки, черную тунику, повесила на плечо серую сумку и вышла из комнаты.

Торопливые шаги преодолевали огромные ступеньки. Солнце в разгаре ревности обжигало. Грустные влажные глаза прятались за темными стеклами очков. Перейдя через дорогу, Анна мгновенно попала в плен шумной улицы и остановилась. Она могла сесть в лодку, чтобы пересечь Гангу, отправиться в индуистский храм... Но от этого лишь усилится ее боль, она знала. Сердце щемило, хотелось раствориться. Она огляделась, пытаясь за что-нибудь зацепиться взглядом. Бананы, сандалии, фигурки божков, огромные манго... Вывеска «SPA». Масла, прикосновения, убаюкивающая музыка... То, что надо.

«Дзи-дзин!» — возвестил колокольчик о ее приходе. Здесь было тихо, спокойно. Плетеные стулья, на столиках желтые цветы, фреш-бар, дыхание ласкали запахи розы и корицы.

— Добрый день. Хотела бы попасть на массаж. Сейчас.

— Одну минутку. — Индианка в белом сари внимательно начала листать журнал. — Придется подождать около часа.

— Хорошо.

А куда ей спешить? Она опустилась в кокон из синих подушек. Взяла стакан с водой, предложенный ей.

— А с этим можно что-нибудь сделать? — обратилась она к индианке, аккуратно дотрагиваясь рукой до лица.

— Нет. Иногда только время может помочь.

Наверное... Но в большинстве случаев и оно не помогает, всего лишь общая иллюзия о спасительных минутах. Она достала мобильный, повертела его в руках, затем набрала номер.

— Привет, это я...

— Как дела? А Сашка сейчас не сможет подойти...

— Я с тобой хотела поговорить.

— О чем? — учащенное дыхание Мухтара.

— О нас.

— Разве есть такое понятие «мы»?

— Конечно. Например, мы — родители Сашеньки.

— Да...

— Но я не об этом... Ты когда-нибудь сможешь меня простить?

— Алика тоже хочешь бросить?

— Нет.

— Тогда к чему это?..

— Простить — не значит быть вместе...

— Аня, хватит уже! Ты мне всю душу истерзала, жаждала свободы, ушла к моему врачу... И все-таки я разговариваю с тобой, хотя ты и сейчас черт знает где!

— Все было здорово между нами. Не твоя вина, что я не могла успокоиться, что я боялась

мужчин, ненавидела отца, что мне нравились красивые девушки... Ты был прекрасным мужем и остаешься прекрасным отцом. Знаешь, счастье такое разное... Но его ни с чем не перепутаешь, если вдруг приходит...

— Ты где? Что с тобой?..

— Я всегда желала тебе добра. Прости, что все так... Я рада, что ты — отец Саши, ты всегда будешь рядом...

— Аня, черт возьми! Что ты несешь? Что случилось? Ответь мне!

— Ничего, не волнуйся. Все хорошо. Пришла в SPA, жду своей очереди, так хочется на массаж попасть.

— ...

— Ладно. А помнишь наш первый отпуск с Сашенькой в Альпах? Я помню, я все помню... Пока.

Все, все, все... Возможно, не так, как остальные. Образы, черты приходят к ней в переливах цвета. Каждый оттенок рождает определенное ощущение, замирая в душе слепком события, встречи. Дверь справа приоткрылась, черные глаза высокого мужчины смерили ее взглядом. Он подошел к индианке, перекинулся с ней несколькими фразами и направился к Анне.

— Извините, но целый день расписан, до пяти часов.

Она пожалала плечами, встала и сквозь звон колокольчиков вновь оказалась в плену пыльной жары. Куда идти? Только не в ашрам, но и бродить по улицам, усугубляя головокружение... Нет. Внезапно она почувствовала острый голод. В Индии — в первый раз. Она дошла до железной лестницы,

ведущей наверх, во «Flowers». Заходя в помещение, Анна тревожно оглянулась. Во-первых, это было любимое кафе Вити... Во-вторых, Ден в припадке тоски вполне мог быть еще здесь. Но ни то ни другое. Зато Люба с Борей тут как тут. Все по кругу. Этим закончился ее Ришикеш в прошлый раз, и теперь снова вместе за красной клетчатой скатертью.

— Ань, а где все? — потягивала Люба банановый ласси.

— Не знаю и знать не хочу.

— Вот и мы решили чуть-чуть отделиться. Подустали.

— Я тоже. Борь, а ты молодец!

— Угу...

— Чем занималась?

— На массаж пыталась попасть. Все еще не теряю надежду.

— Там, на углу? — кивает в ответ. — Говорят, там хорошо.

Разговор тянется в темпе дня, где пчелы застревают в меду, из-за лени не сопротивляясь погибели. Но raita с овощами вкусная, прохладная, cheese naan соленый и сочный, а кисловатый вкус мангового lassi освежает. Анна ест с наслаждением, небо, язык смакуют каждый кусочек. Она понимает — что не войдет больше в комнату, где огромный полосатый чемодан забит воспоминаниями, не заговорит ни с кем из группы, потому что хочет говорить только с Витей. А тем более с Витей — она ждала, он не пришел. Все просто. Исчезнуть.

— Ладно. Удачного дня.

— А ты куда сейчас?

— Прогуляюсь.

— До встречи.

«До не скорой», — подумала Анна, застегивая серую сумку, в которой были паспорт, кошелек и билет. Когда они вернулись из Ганготри, ей было не до того, чтобы все раскладывать по полочкам. Теперь очень кстати.

В нескольких метрах от «Flowers» была стоянка такси. Среди белых машин болтали водители, обмахиваясь грязными газетами.

— Мне нужно в Дели.

— Автобусная остановка находится...

— Я хочу взять такси.

— Хорошо. Когда?

— Прямо сейчас, ни минутой позже.

— Это невозможно.

— Мне нужно сейчас!

Один из шоферов, лицо в веснушках, волосы с проседью, внимательно посмотрел на Анну, на сдерживаемые слезы, на беспокойные пальцы.

— Хорошо. Я позвоню своему другу. Придется подождать минут пять. Сколько багажа?

— Нисколько.

Пять превратились в сорок пять. Но по индийским меркам это все равно было нереально быстро. И вот уже фотоаппарат щелкает последние размытые кадры покидаемого города. Анна пьет воду, мажет лоб и нос густой белой пеной пантенола. Анна говорит. Сама с собой. Она прощается с Ришикешем — «Повелителем чувств», с навесным мостом, со своими детскими надеждами, со встречами и расставаниями, которыми усыпана жизнь, как куркумой все местные блюда.

— Витя...

— Ты получила смс?

— Да. Витя, прости меня. Я не думала, что ты будешь волноваться.

— А я волновался. Все волновались. Как ты оказалась в Дели? Прилетела что ли?

— Да, на ковре-самолете. Чудеса по твоей части, должен знать.

Его вздох, его смех сквозь учащенное дыхание.

— Скорее на метле. Устроилась нормально?

— Ты не волнуйся, все хорошо.

— Будешь отдыхать?

— Зачем? Пойду гулять.

— Поздно уже гулять. Все уже спят в Дели.

— Всегда есть тот, кто не спит. Пойду закрывать сердечную чакру ночным Дели. — Снова его дыхание. — Витя, я соскучилась по тебе. Так жалко, что Рома вернулся ночью. Ты один?

— Не-а...

— Понятно. Я целую тебя.

— Звони мне завтра, рассказывай, как ты.

Ночь вопреки своим обещаниям она провела в отеле. Мягкий корабль белых простыней нес ее сквозь дорогу к леднику, боль в желудке, отбрасывал в квартиру, где она жила с Аликом, в их призрачный дом.

Проснувшись, она медленно потянулась, каждой мышцей, каждым сухожилием. Раздернула шторы, впуская день в полумрак, и открыла меню, лежащее рядом с бежевым торшером. Нажала в телефоне кнопку «Room Service», заказала завтрак, набросила вафельный халат и нырнула в много-

численные подушки. Когда принесли кофе, круассаны, абрикосовый джем и сыр, номер был наполнен пронзительными голосами, вылетающими из местного музканала. Анна положила под спину две подушки, сбросила с себя белую ткань и начала медленно откусывать сладкие кусочки, позволяя многочисленным крошкам падать на обнаженную грудь. Она с радостью заметила, что лоб больше не болит, улыбаясь раскрашенным лицам, смотрящим с экрана. Кондиционер начал дуть слишком сильно, желая уменьшить поток холодного воздуха, она нечаянно нажала кнопку «Убрать номер». Минут через пять на пороге стоял худощавый парень.

— Я могу убрать номер? — спросил он ровным голосом обнаженную Анну. Она слегка подавилась, заливаясь смехом, живот вздрагивал, а он продолжал стоять и смотреть. И лишь ответ: «Позже» — заставил его закрыть за собой дверь.

Потом был город. Магазины, сувенирные лавки с маслами-слонами-масалой, национальный музей. При входе Анну обыскали и попросили сдать сумку. Она смерила взглядом свое драное серое сокровище: «Она совсем маленькая». Охранник оценил масштаб угрозы: «Если маленькая — проходите». Скульптуры прятались за мутными стеклами. Анна не спеша шла сквозь душные залы, чувствуя нестерпимое разочарование. Впервые к ней пришло осознание смерти искусства. Все, что она видела сейчас, было мертвым. Гималаи, ашрам над рекой, ледяная вода, садху, замотанные в оранжевые тряпки, иглы сосен, приставшие к подошвам, — в этом была жизнь. Но не в фигурах, вырванных из контекста, запертых в лучах электрического света.

Приступ тошноты сковал горло. Еще секунда — и она не справилась бы с рвотным спазмом. Но пелена темноты, наброшенная на глаза, заставила ее упасть на серый мраморный пол, очень тихо, мягко, не привлекая внимание пленных божеств.

Вернувшись в отель, она набрала номер Алика.

— Вы уже едете из Ришикеша?

— Да.

— Как ты?

— Хорошо. Я хотела... Давно хотела спросить тебя...

— Слушаю, — как всегда спокойный, уверенный низкий голос.

— Алик... Какими они были?..

Мгновение тишины, учащенное дыхание.

— Они были... любимыми.

Анна закрыла глаза, борясь с сердцебиением.

— Ты простишь?..

— Я уже все давно простил. Я буду ждать.

В три часа ночи она спустилась в холл отеля, чтобы расплатиться. На запястьях приятно позвякивали браслеты, купленные днем.

— Вас довезет наша машина, это «комплимент» отеля.

— Спасибо.

Швейцар распахнул перед ней дверь, липкий воздух коснулся лица. Город спал в серой дымке ваврева снов. Она села на заднее сиденье.

— В международный аэропорт? — спросил водитель сквозь нарастающий звонок мобильного. Она кивнула.

— Аня, ты едешь?

— Да.

— Мы уже в Дели. Будем минут через двадцать.

— Витя...

— Да?

— Мой чемодан у тебя?

— Да.

— Пусть летит с вами.

— Не понимаю?..

— Некоторые вещи невозможно понять. Просто рано, рано мне еще возвращаться. Но ты не волнуйся, все будет хорошо.

— Аня, Аня... Не делай этого!

— Пока, мой Волшебник.

Телефон вылетел в приоткрытое окно, разбиваясь, разлетаясь осколками прошлого.

— Простите, не международный, внутренний аэропорт.

Она запрокинула голову, закрыла глаза, позволяя струям горячего воздуха литься по коже. Индия, огромная бездонная Индия... Сколько мест, где она мечтала побывать. Она видела Витю посреди огромного зала, сжимающего ручку полосатого чемодана, бережно собранного им самим. Пальцы, родные и трепетные, дрожали, дрожали с детства, по необъяснимой причине. Бешеные удары его сердца эхом отзывались в ней. Но она отпускала... Впервые за долгое время ощутив, как ослабевают боль в желудке, уступая место легкости. Машина плыла по дороге, а Анна — по лазурному озеру его глаз.

Пока, мой Волшебник...

Теории

II часть

1. Голубоглазый мальчик

Чудо — понятие относительное. Можно верить в него. А можно в то, что оно случится именно с тобой. Рассказ, написанный от руки. Другой ритм, другой смысл, быть может. Тем не менее...

Голубоглазый мальчик. Узкое лицо с тонкими чертами, вдумчивый взгляд, губы как будто в сдерживаемой улыбке, над правой бровью шрам. (Откуда? Из детства — упал с велосипеда? Или прямой удар первого знакомства с ревностью?) Мальчик в Индии. Носится по горам на мотоцикле, занимается йогой. Дышит изо всех сил, наполняя легкие воздухом, вытесняющим горечь прошлого.

Ему тридцать. А на вид не больше двадцать. В Ришикеше он всегда приходит на занятия одним из первых, занимает место в середине, не претендуя быть впереди, но и не прячась. Он безропотно ест скрипящую кашу, хотя терпеть не может овсянку. Терпеливый мальчик.

Он встречает ее. Смеется глупо. И глупо шутит. Ей нужна защита, поэтому в любом случае он не мог пройти мимо. Такова его карма — всем помогать. Он хочет ее, ее «бровки домиком» — от них щемит сердце. Ее пальцы нуждаются в зацепке, в опоре, которая не даст ей упасть. Она все время падает. Ему нравятся эти непосредственные падения, короткие экскурсии в небытие. Ему бы тоже не помешало. Но здоровье всегда было прекрасным. Поэтому, чтобы отключиться, понадобится как минимум удар кирпичом по голове. Но в этих святых местах кто решится на такое? Хотя очень возможно... Не в его случае, зато с Анной с удовольствием разделалась бы половина группы, та, что не хочет ее, жаждавшая быть на месте объекта вождения.

В ашрам он возвращается поздно. Гуляет по сонно-вяло-поэтичному Ришикешу, вкушает его сладкий запах, продирается сквозь завесу полуденной жары, падающую вечером с навесных мостов прямо в Гангу. Общается, знакомится с новыми людьми. Болтает, болтает... Слова льются, как ручей. Потом идет обратно, легко поднимается по огромной лестнице, что-то тихо напевая. Он проходит мимо ее комнаты. Замирает на мгновение, представляя ее лежащей в цветной простыне под

неторопливым вентилятором. Желание поднимается из учащенного дыхания, но не жжет, а обволакивает. Легко и тепло под яркими сочными звездами густого ночного неба. Иногда он встречает ее — она сидит, перебрасываясь репликами с Деном, кружащимся вокруг, будто липкая лента, или с Мартой. Анна. Она тоже болтает, болтает... Убивая часы бессонницы. Ее длинная шея поворачивается к нему. Но все, как всегда, кончается ничем. И он не знает, сожалеть об этом или радоваться.

Засыпает он быстро, почти мгновенно. Карусель мыслей, образов быстро затягивает в мозаику снов.

Мать и отец. У мамы слабое здоровье. Она все время кашляет, хватается за спину, борясь с лomotой в пояснице. Переносит все молча, позволяя боли отражаться только в ее глазах. Ее глаза — голубые и печальные. Вот откуда у него этот взгляд. Мама... Мама на кухне, торопится, вертится. Отец. Он зарабатывает. Выстукивает пальцами по столу ритм гнева. Почему то? Почему это? Котлеты — быстрее! Жует, жрет мясо, впиваясь зубами в кровь трупов. Не спорт, не математика, а что твое, балбес? В училище надо, военное. Может, сделают из тебя человека. А если нет, черт с тобой! Мама: не надо, не надо. Заткнись, женщина. Что ты вообще вырастила? Горб на твоей спине, и тот лучше получился.

Расползаются в глазах мальчика красные прожилки гнева, паутиной мести окутывая душу. Мясо, мясо, кровь... А если его кровь брызжет, льется? Может, и не спорт, а удар прямо в лицо, так, что

слышен хруст переносицы. Фантазии, конечно. Он же никому не желает зла. Никому...

Утром... Ганготри. Ее не видит. Зато чемодан сиротливо стоит на дорожке, замер в знаке вопроса. Как не потрогать его, не взять вниз? Не понесет же его Анна? Она сама легче своего чемодана. Интересно, что там? Может, тоже прошлое, разрубленное на куски?

Все — в автобус, в тошноту, дремоту, неприкаянность. Не для него. Не запереть в клетку. Мчится, подставляя ветру лицо. Из жаркого воздуха мотоцикл ныряет в прохладу, наполненную запахом сосен. Усталость густой ватой проникает в голову, и только свежесть убергает от падения в пропасть сна. Вздывается пыль, застилая влагой глаза. Вершины распахивают перед ним скалистые ворота, сдирая с кожи шелуху сомнений.

Вот уже Ганготри в неясных переливах тусклых огоньков. Темнота набросила вуаль на дома и сердца. Внезапно понимает, что замерз до дрожи, руки трясутся от бесконечных скачков. Заходит в ашрам сквозь шепот реки. Скорее чай и что-нибудь горячее, чтоб снять голодный спазм в желудке.

— Я волновалась, — говорит Анна. Он вздрагивает, бледнеет. Ее забота — приятно. А может, просто фраза, оброненная в пустоты молчания. В полутьме не различить смысла ее лица, а вода шипит, бурлит, как сбегавшее молоко.

Молоко льется по плите, мгновенно сворачиваясь, превращаясь в липкую коричневую пленку. Запах гари наполняет маленькую кухню. Из телеви-

зора надрывается голос, перечисляющий последние новости. Руки мамы сжимают мокрую тряпку, опускают ее на горячую поверхность, сопротивляющуюся густым дымом. Ядовито-красная футболка — входит, принохивается, издавая гортанные звуки протеста. Приближается к окну, с треском распахивает, впуская острый морозный воздух, кусающий детские колени.

— У Вовочки кашель еще не прошел, закрой.

— Ничего, пусть закаляется! Где яичница?

— Ты же сказал омлет? Все готово. — Подходит к окну, дотрагивается до стекла в испарине.

— Черт! Ничего запомнить не может! Ладно, клади что есть. На работу опоздаю. — Оборачивается. — А это еще что? Тут дышать нечем!

— Сейчас... Уже кашу доедает... Вовочка, какао будешь?

— У-гу... — тихо из-под скатерти, усыпанной желто-зелеными резиновыми цветами.

Падают нож, вилка, звенят сквозь взрыв, показываемый на экране. Грубая рука с мясистыми пальцами хватает за худенькое плечо, подтаскивает к окну, швыряет на табуретку.

— Здесь будешь пить свой какао! — Голубые глазки наполняются слезами. — Или наелся уже? Тогда марш в школу! — Глухой подзатыльник завершает завтрак. Пелена горелого молока щиплет ноздри.

В тишине, среди каменных стен, раздаются мантры. Его слух — внимает, губы — вторят, поднимая из груди низкие звуки, разносимые по не

успевшему проснуться телу. Дыхание парит в нем, как орел над горами, расправляя крылья легкости. Задержка естественна, охватывает целиком, переливами тишины. Тепло в груди, в муладхара чакре, поднимается возбуждение, необоснованное и естественное. Хочется замереть в нем, но за запертой деревянной дверью уже встало солнце, раскрываясь нитями лучей, связанных с вершинами.

Каша — не овсянка, какая-то другая каша. Нежная и сладкая. И Аня какая-то другая. Румянец на ее щеках, блики улыбки — в глазах.

— Что-то ты все сочиняешь, морочишь мне голову, Аня...

Смеется. Ускользает. Дразнит. Или кажется ему? Не прошла еще усталость от вчерашней до-роги.

Мягко шелестят иглы сосен под ногами. В ее волосах золотые проблески на солнце. Все идет, нет цели, и разговор ни о чем, но что-то есть, что-то тянет вперед, будоражит.

— Витя, а тут до Непала рукой подать?

Витя оборачивается.

— Странно, что спросил... Сразу хочу предупредить — не вздумай! — Анна прислушивается. — Это всех касается. Несколько лет назад был тут такой случай. В начале осени приехала в Ганготри группа, человек десять. И вот им кто-то сказал, что до Непала всего 60 км. Они решили прогуляться. Так, налегке, взяли рюкзачки и пошли. Только 60 км в горах — не то, что в городе. К тому же осень — ночи холодные. Ребята заблудились. Плутали-плутали... Пока заметили их отсутствие,

пока вызвали спасателей... Нужен был вертолет. А один полет — десять штук. Приехала мать одного парня, моя знакомая, заплатила за поиски. Но времени уже слишком много было упущено... В общем, они погибли. Выжил только один человек, но крышу у него так снесло, что потом в Москве в дурку попал. Он-то и рассказал, как кто умер и о примерном месте их нахождения. Но сына моей знакомой никак не могли найти. Это превратилось в цель ее жизни — найти его тело. Она кричала, проклинала Индию, говорила, что сбросила бы атомную бомбу на эту страну. Но постепенно начало приходить смирение, и она вернулась в Ганготри, чтобы остаться здесь, где умер ее сын. А этой весной, когда сошел снег, проводники случайно наткнулись на его останки. Да... Умереть на святой земле — это еще надо заслужить...

Володя остановился, запрокинул голову. Небо — летело. Небо — манило. Рука приподнялась, чтобы дотронуться до острого девичьего локотка, но замерла в прохладном воздухе. Несостоявшееся прикосновение колело пальцы. Вокруг было спокойно и тихо.

Железная кровать поскрипывала при малейшем движении, призывая лежать смирно, лишая возможности сна. Спертый воздух пах потом и бесконечной обязаловкой. «Как же я здесь оказался?» — спрашивали голубые глаза, распахнутые в темноту. Это раздражало. Но тревожило другое: как мама? Одна, одна... Наедине с грубостью, без защиты. Один, два, три, четыре... Числа пытались

призвать спасительную дремоту, разворачивая перед глазами клубок картинок: черная дверь, аккуратно расставленные ботинки, щи — зеленые, голос — хриплый, сверлящий. Рот наполнялся солоноватой слюной. И плюнуть — некуда. Он заперт в железной клетке говорящей кровати...

— Ты паспорт взяла? — Анна резко остановилась. Что же ты, девочка... Он бросился вперед, ко входу в заповедник. Если нужно, побежит обратно, лишь бы помочь ей, помочь вовремя. Все должно быть вовремя. Если должно быть. Склоняются к нему деревья, обдувают ветром предстоящей дороги. Ее глаза — потерянные, взволнованные глаза. Он знает это женский взгляд...

Но все в порядке. Они проходят сквозь ворота, переступают через границу с внешним миром. Дальше горы — расступаются. Развеваются волосы и камни летят вниз. Орлы, как самолетки из бумажного детства, мягко кружат над ними. Губы сложены в непрерывной улыбке. Подстраивается под ее шаг и настроение. Только она прогоняет, выбирает другой путь, заставляет бросить, оставить ее.

Почему, Аня?

И ветер поднялся...

Уже давно пошел снег...

Приближается вечер...

Там, где пропасть, шумит река...

Здесь не слышно... Только скрип деревянных досок, шоколад тает в руках...

Наконец-то!

— Ну как, Витя?

— Тяжело. Нереально. Только бы она выдержала, не заболела.

— Она дошла. Выбора нет.

Потом ночь. Вертится между теплыми телами. Марта и Белка. Непонятно, чьи волосы попали ему в рот, чье прикосновение подняло желание. Хорошо, что не ее. Не совладать. Сплетаются сонные дыхания, смыкаются вздрагивающие веки, срывается голос в глубокий кашель — просто в горле першит от холодной ночи. «Так что нет, не предатель». Да, Кортасар — сумасшествие. И краски смешать, опрокинуть на беззащитный холст, не оставив свободного пространства, — тоже сумасшествие. И ее рука — достающая «Марс» из кармана... Все-таки надо поспать... Или вставить в похрапывающую Марту?.. Колышутся края палатки.

Пять километров до ледника, до святой воды, до молитвы. Солнце согревает шерстяную шапку. «Еще чуть-чуть, Аня». Тянет ее за собой. Ее ладонь не отвечает призыву его руки. Но это не повод отпустить. Расстояние просто смешное. Сквозь детские слезы, юношеский гнев, сквозь амбиции — он пришел сюда. К воде. Последнее испытание — хрупкая девочка. Ни шага больше — в ее глазах смерть надежд. На камни, на острые, опускается. Прости, надо идти. Может, у нас еще есть шанс на прощение?..

Ганга. Первые слезы тающего льда. «Да простит меня вода... Да простит меня небо... Да простят меня горы...» Анна тоже в воде. Но больше не с ним, не с ним...

Обратно идти — легко. Быстро. Никого не нужно уговаривать, поддерживать. Это ранит сердце. Она где-то там, за стеной снега, прячется за спиной Вити, отогревается от его тепла.

Дождь скатывается по крыше ашрама, и уже стемнело. Зачем? Зачем? Ее до сих пор нет... Вкус травяного чая на языке и пар изо рта. Все говорят... О чем? Наверное, смыло их, не найти теперь. Напряженный смех. Вдруг правда?

Но нет, нет... Она здесь. Кровь несется по венам, заглушая бурлящую реку. Горячий стакан перекладывает ей в руки, убирает мокрую прядь с ее лба... Берет рюкзак, следует за ней... Комната наполняется неясным светом вздрагивающей лампы. Сердце сжимается от коротких приступов темноты.

— Ну... — ее знобит, растирает озябшие ладони. Так хочется согреть.

Припадает — губами к ее рту, талию — обвивает, притягивает к себе. Шепчет. О звездах — в небе. Об улыбке — в глазах. О каплях — падающих с густых ветвей сосен. О том — что ждал, так ее ждал...

Бежать. Прочь. Исчезает усталость, и время — исчезает. Мост, узкие улочки — все охвачено сном. Наматывает шаги на уставшие ноги. Возвращается. Прячется в спальник с головой. Дышит, дышит... Разрывая горячим дыханием холодный воздух.

Дальше день, о которым он ничего не помнит. «Лола уехала», — отекается в голове. Значит, одна всю ночь. Она так мерзнет... Скорее, скорее бы дождаться темноты.

Неужели решился? Тело не верит, но осторожно следует по темному коридору, замирает. Без стука приоткрывает дверь...

Сплетение ног, глубокие вздохи, он в ней, и голова ее в наслаждении опрокинута на подушку... Зачем? Зачем ты пришел? Выходит незамеченный. Садится у стены, рядом с раковиной, где вода сочится из незакрученного крана.

— Мама... — затылок вспотел, кругом темнота нестерпимая, опять этот сон. Собирает все свое детское мужество, чтобы выбраться из-под одеяла. Не найдя тапочек, босыми ногами бесшумно идет к спальне родителей. — Мама... — Какой-то хрип или стоны... Что-то нарастает. Руки огромные сжимают грудь, чудовище вот-вот раздавит, проглотит ее... — Мама!

— Вовочка! Все хорошо, малыш!

Они уехали. Он слышал суету на террасе, скрип колес необъятного полосатого чемодана. Солнце уже высоко... Пора и ему собираться в дорогу. Ашрам вот-вот упадет в реку, как тысяча других горных камней. Вода поглотит, навсегда спрячет в быстром течении...

— Отца нужно забрать.

— Сам доберется, не маленький.

— Ты же знаешь, нельзя ему садиться за руль!

— Ладно, мама.

Снег скрипит под колесами, дворники не справляются с навязчивой липкой массой. Что можно отмечать в такой вечер?

- Садись.
- Смени тон, сынок!
- Садись живее, пока я не передумал!

Грузная фигура покачивается от водки и негодования.

— Ты как с отцом-то...

— Как хочешь. С меня довольно. — Захлопывает дверцу. Жмет на газ. Колеса прокручиваются на льду. С визгом, ревом машина трогается. В зеркале отражается фигура отца, неровной поступьюдвигающаяся к «Волге». «Попутного ветра!» — зло шепчет мальчик, набирая скорость. Он ждал этого слишком долго, чтобы не использовать такой шанс. Огромная удача — избавиться от отца. Зимняя, снежная, плохо освещенная дорога извивается, затягивает в прорубь. И вдруг — велосипед, красная «Кама». Какого черта он вспомнил о ней сейчас? Перед глазами блестящие спицы, звонок... «Тебе нравится, Вовик?» Почему он всегда его так называл?.. «Пап, просто класс!» — «Забирайся, помогу». Неуверенно крутит педали. «Держись, Вовик!» — весело машет отец.

Красная «Кама»... Тормозит. Крутой разворот. Только не садись за руль, не садись. Снег и слезы, ничего не видно. Километры тумана в глазах. И вдруг огни, слишком много. Шум. Неясный, тревожный, дурацкий шум. Выпрыгивает на лед.

— А скорую уже вызвали?

— Да ни к чему торопиться, мозги все на стекле.

Володя замирает. Впереди «Волга» в плену черных стволов деревьев. А в ушах звонок, пронзительный, нестерпимый звонок красной «Камы»...

Мотоцикл набирал скорость. Ветер щипал глаза. Закончились — Ришикеш, Ганготри... Впереди новые города. Где-то вялый автобус, где-то Аня... Но все бесконечно далеко. Сосны фейерверком свежести расправляли ветви, солнце ласкало, успокаивало.

На секунду, на одну секунду он закрыл глаза, чтобы вдохнуть воздух бесконечной свободы...

Голубоглазый мальчик всегда верил в чудо. Но никогда — что оно может случиться именно с ним...

2. Кристина в слезах

Ночь — не вопрос, а день — не ответ. Она уже проснулась, но веки, тяжелые, припухшие, не хотели открываться. Тело распласталось под одеялом, сегодня оно было огромным как никогда. Грудь вздымалась от дыхания, приподнимая над собой одеяло. Правая ладонь дотронулась до щеки, опустилась к подбородку, поплыла по шее, достигла приятной мягкой округлости, такой теплой, замерла на соске и начала легонько его тереть. Левая рука стремительно спускалась вниз живота... Оборка на воздушном розовом платице, острые коленки, ресницы, вздрагивающие в смущении...

Пальцы, крупные мужские пальцы ложатся на узкую талию... Спасительная судорога несется внутри нее, и снова закрыты глаза. Напряжение сброшено, опять хочется спать.

— Ну что, пьяная, помятая пионервожатая, готова к встрече с Гималаями?

— Денчик! Когда же наши чемоданы-то появятся? — Марта положила руки на его плечи, облокотилась, так, что узкая маленькая фигура, совсем как у мальчика, едва справлялась с непрошеным грузом. Она широко зевала, демонстрируя полные губы, почерневшие от красного вина.

— Ты себя видела? Настоящий вампир! — закатывая глаза в наигранном неудовольствии, прошипела Белка.

— Сама-то! Сама-то! Ну, иди ко мне, девочка моя! — К облегчению Дена, Марта перекинулась на свою высокую подругу, избавляя от несвежего сигаретно-спиртового дыхания.

Наконец появился багаж, медленно поплыл по черной гусенице. Двери аэропорта, без усталости закрывающиеся и открывающиеся, впускали горчично-медово-навозный воздух Дели. Марта переминалась с ноги на ногу, потягивалась, пыталась стряхнуть с кожи вязкую усталость. Она приехала сюда за свежестью, как и в первый раз. Она знала: лишь только поднимется на вершину, чистая прохлада сотрет кокаиновый налет ее жизни. Она хотела оторваться от дома, но все, что могла запихнуть в черный чемодан и огромный рюкзак, взяла с собой, включая весы.

Автобус тронулся. Марта с облегчением вздохнула. Она — в Индии. Все хорошо.

«Позвони мне! Только позвони мне... Прощу тебя», — вертелось в голове. Разве можно так начинать письмо? Фиолетовая ночь за окном растворялась в преддверии утра, как копирка в воде. Язык все еще щипал вкус рома с колой, но в голове начала образовываться неприятная ясность. В такие часы его особенно не хватало. Хотелось вжаться в него, втиснуться головой под мышку, прячась в шалаше из собственных рыжих волос. Ему всегда нравились ее волосы, трогать их, теревить — никому не удавалось так... Вчера был один. Казался ласковым. Дотронулся до затылка... А потом головой в подушку и тридцать секунд пустоты.

«Мой родной, дорогой, любимый — не напишу, как не умела никогда произнести. Я могла бы сказать — единственный, но ты ответишь — ложь. Хотя у нас всегда было разное понятие правды. Зачем эти слова? Не знаю. Можешь утверждать, что я чокнутая, но я опять видела Его. Он был бледен, в своем обычном сером плаще. Стоял за деревом и виновато смотрел, может, это была обыкновенная грусть. Как тут разберешь? Но факт остается фактом — он продолжает меня преследовать. Недавно даже вторгся в мой сон (я прямо слышу твой смех, зря, сон был страшным). Я долго искала ключи, рылась в своем барахле, а он все смотрел сквозь ветви, покрытые редкими листьями... Ключей все не было... Губы мои начали складываться в выражениях, за которые ты вечно меня ругаешь, то есть ругал... А Его глаза наполнялись печалью, я про-

валивалась в этот взгляд, когда пальцы внезапно ощутили прохладу металла.

В четверг Он был в кафе. В том, на углу, где всегда отличные сладости. Я забежала позавтракать. Вернее, завалилась, как умирающий тюлень (ночью собирались у Белки). Сам понимаешь, чувствовала я себя отвратно. Заказала яичницу и черный кофе. Но как только желток поплыл по белоснежной тарелке, позволяя шкваркам плыть в желтоватой массе, я бросилась в туалет. Знаю, знаю... Нельзя мешать все подряд. Не суть. Важно, что Он был там. И ел с таким аппетитом... Как скрипач вертел в руках ножом, подхватывая толстые куски масла, опрокидывая их на черный хлеб. Смотрел не мигая, а я давилась крошечными глотками горького кофе!»

Ночь опускалась на Ришикеш. Ее знобило, хотя было жарко. Горячий воздух прилипал к коже, но только не к ее. Джинджер-чай не помогал, и пустые разговоры, главное спасение ее жизни, тоже не давали результата. Вечером она зашла к Вите, чтобы немного понуть. Эта и была основная цель занятий с ним: пожаловаться, а потом успокоиться от его добра, с улыбкой на губах выслушать все его советы, которым она никогда не последует. И все-таки легче — когда притупляется одиночество. Огромное, необратимое — оно было везде, даже в россыпи звезд на влажном небе, вспотевшем от долгого дня.

«И вот еще что — я, наконец, увидела Гималаи. Шикарно! (Прости, прости за это слово!) На

вершинах лежит снег. Он как зеркало отражает небо, сливаясь в единой вспышке. Невозможно смотреть даже в очках. Пока я была там, до меня начал доходить смысл твоих слов о точке покоя в нашем сознании, в которую нужно направить волю. Только для этого ее нужно иметь, а я... Могу бежать быстро-быстро вдоль пропасти (почище горных козлов), но как только заглядываю внутрь себя, теряю всякую нить и снова падаю, падаю в бесцельность обыденности.

Я совершила омовение. И в первый раз в жизни произнесла молитву. Правда, как-то бессвязно и совсем не о том... Ледяная вода пронзила меня, но еще страшнее оказалось быть на ветру, когда на тебе мокрая тряпка. Нырнув в свитер, я визжала от счастья. «Теперь все будет иначе», — подумала я. Это ощущение сохранялось до конца поездки и в первый день после возвращения. А потом я встретила Его...

Какой-то придурок перекрыл выезд. Я сигналила, как сумасшедшая. Вышла. Легонька постучала ногой по колесам черной «девятки». Ударила по крыше... И тому подобное. Выбившись из сил, села обратно. Мой рассеянный взгляд уперся в помойку, окруженную суетливыми воронами. Там был Он. Притаился, взъерошенная птица, отбившаяся от стаи. Опять немигающий взгляд. Я ждала, может, подойдет, или начнет копать в мусоре. Какое-то действие непременно должно было произойти... Он запустил руку в карман серого плаща и достал что-то маленькое, поднес к губам... Голубой шарик увеличивался, обретал прозрачность, легкость, постепенно закрывая лицо. Исчезли нос, щеки...

Скрылись глаза. Больше не было головы. Только огромный голубой шар. Внезапно он лопнул. В этот момент появился хозяин «девятки», быстро запрыгнул в нее и уехал.

Я продолжаю ждать тебя. По-прежнему помню твой вкус. Если ты не вернешься, придется мне опять тащиться в Гималаи. Это поможет. Однажды поможет, я знаю...»

Чемоданы, неразобранные, лежали в прихожей. Пальцы машинально нажимали на кнопки пульта, что-то мелькало на экране. Температура не падала. Как? Как она умудрилась подхватить воспаление легких? Она и гриппом-то никогда не болела. Ненужно было раньше времени покидать Ганготри... Свами предупреждал. Святое место выплюнуло ее прямо на велюровый диван перед плазмой. Уставшие от цветной ряби, слезились глаза. Веки постепенно закрывались...

Девочка с острыми коленками звонко смеялась. Густые русые волосы рассыпались по ее плечам. Настойчивые мужские пальцы перебирали локоны, притягивая к себе узкое личико. Развязан узел — розовая лента на полу. Задран подол. Узкие бедра, упругий живот... Всхлипывает девочка. Сильные мужские руки сжимают смуглые ягодички.

Вдыхает Марта. Сквозь его глаза она видит напуганное личико. Сквозь его кожу она чувствует ее страх. Вот-вот подступет судорога... Кристина. Так называет она девочку.

И Кристина снова — в слезах...

3. Майтхуна

Ты моя Бхагавати. Я буду смотреть на тебя. Буду ждать тебя. Увидев, как спадают одежды с трепетного стана, мое сердце наполнится светом. А если нет — пусть поразит меня молния, бросая в мир непосвященных. Но где взять силы, чтобы не коснуться теплой кожи? Четыре месяца должен спать я в одной комнате, слушая твое мирное дыхание во сне. Потом быть у твоих ног, задевая колючей щекой твои стопы. И от этого, только от этого вздрагивать и молить о рассвете. Еще четыре месяца — ты в моих объятиях. Твои волосы пахнут сандалом, пахнут звездами. Ты прижмешься ко мне,

будто от порыва ветра, будто приснился страшный сон или ждет неминуемая разлука. В этот момент ты перестанешь быть женщиной, ты — моя вселенная. Горы вонзаются в облака, увлекает вода песок, камни рассыпаются в пыль на дороге, а ты — девочка, маленькая девочка с куклой в руках. И ты — мама, играющая в куклы с дочкой. Ты — начало всего и конец. Течет река ночи твоих волос по моему лицу. Достоин ли я? Остается верить — знание все прощает: «Чей разум не затуманен, тот не убивает, даже если бы он и убил этих людей; и он не связан».

— Будь осторожна, чужая жена всем интересна. Как там, «паракия рати»?

— Да, Лола, это правда. Но я даже не могу применить здесь слово «измена».

— И не надо. Изменения, не измена. Просто другой опыт чувств.

— Я с ним совершенно откровенна. Если будет секс с кем-то еще, обязательно расскажу.

— Прекрасно!

— Сколько можно лгать? Я для себя воспринимаю это как медитацию полной откровенности. Слишком устала притворяться!

— Я притворялась десять лет. Оказалось, совершенно ни к чему.

— Вот я говорю все это, но сама измену бы не пережила.

— Я тоже так говорила. А потом пережила. И долгое время жила с этим.

— Расскажешь?

— Нет, в другой раз. Сейчас не хочу вспоминать, познаю мир. Пока были с мужем вместе, он

меня никуда не пускал. Теперь все у моих ног — страны, люди...

— А мужчина? Есть кто-нибудь?

— Нет. Желают, да. Есть люди, с которыми провожу время. Ужин, выставки... Все такое. Но никто не возбуждает. А просто так, по инерции... Зачем?

Лола улыбнулась своей безупречной белозубой улыбкой. Зачем? Платье из тонкого белого хлопка оттеняло смуглую кожу. Она вышла на улицу и тут же достала из сумочки темные очки — солнце было пронзительным. Даже в салоне красного «Range Rover» лучи щекотали кожу. Машина мягко тронулась, выплывая на Садовое кольцо, расслабленное летом, жарой, предвкушением отпусков. Ей всегда нравилось лето в городе. Ее знакомые пропадали за городом — среди цветов, шашлыков, водоемов. А она стремилась на узкие улочки старой Москвы. Дома, уставшие скрывать свою суть, расслабляли маски, оголяя трещины прошлого. Запах листвы смешивался с пылью и вопросом: что будет вечером? Даже если это только вопрос, все равно будоражит, тянет за собой на линию приближающейся летней ночи, где может случиться все, что угодно.

Она выехала на Кутузовский, в приступ света среди серых сталинских зданий. Как всегда, короткий укол в сердце — возвращение домой. Ей нравилась ее квартира, усыпанная шелковыми подушками и коврами. И уже растаяли мысли о ее муже. Почти... Не пришлось уходить из привычных стен, это главное. Разве нет? Ее маленькийточный дворец, оттеняющий карий взгляд с поволокой. Все лица настоящего, вертящиеся в суе

дней, считали, что вкус ее безупречен. И так естественно сидеть на шелковом ковре, когда в тебе говорит кровь предков. Она рассказывала о них. О том, что прадед был муллой, как к матери сватался весь город, о юбке, прикрывающей щиколотки... Только об одном она никогда не упоминала — о поездах дальнего следования, отправляющихся из города-героя, из Ульяновска. Галя, сбитая женщина с большой грудью и полным лицом, потерявшая след мужа, горького пьяницы, и воспитывающая четырехлетнего сына, частенько заваривала чай. Темный, с маслянистыми пятнами, он так и норовил перескочить через край стакана. Как и полагается проводнице, ее такие мелочи не беспокоили. Если только из купе не выглядывал брюнет с восточным профилем и нежными, Господи, какими нежными руками. Тогда и чай — с сахаром, и шоколад, и блузку — расстегнуть. Трясет вагоны, заглушает стоны постукивание колес. Катаются по складному столу вареные яйца, трескается скорлупа, темные пятна расплываются от заварки, пахнет копченая колбаса и шея его — одеколоном. Так хорошо, что забывает, что обед должен быть вовремя и остановиться нужно вовремя... Потом тошнота, укачивает, и распухли ноги... Девять месяцев, и пронзительный крик сморщенного смуглого комочка.

— Учитель, что делать, не совладать мне с собственным сердцем?

— Тогда останови его.

Дисциплина необходима, если хочешь достигнуть знания. Я не мог послушаться. И как бы ни был нежен день и ласкова песня реки, мои веки

сомкнулись. Взгляд замер в точке света, и дыхание прекратилось. Свободный от земного притяжения, я поднялся сквозь теплую дымку воздуха и полетел над деревьями, над домами. Наверное, и над людьми тоже. Но их я не замечал. Моя цель была естественной. Кто не мечтает о волшебном озере? Анаватапта переливалось всеми цветами радуги. Я завис над ним, впитывая краски от бирюзового до глубокого фиолетового. Зеленое солнце покоя светилось в моей груди. Как вдруг я подумал о ней... Хотелось разделить с ней увиденное. Ее взволнованное лицо возникло предо мной. В тот же миг исчезло Анаватапта в ритме учащенного сердцебиения...

Из окна двенадцатого этажа открывался вид на лес. Могучий, темный, бесконечный, он приковывал ее взгляд. Острые иглы хвои таили в себе нечто невысказанное, пока несбывшееся. Со своей подружкой Аришкой она часто выбиралась на крышу по узкой ржавой лестнице. В летние дни, наполненные обжигающим солнцем, они расстилали полотенца, снимали платья, хлопковые трусики и лифчики, подставляя лучам молодую кожу. Их видели только небо и лес. Безликий серый город с горьковатым запахом пива, разлитого на тротуар, исчезал. Загар разливался по телам вместе с мечтами. Возвращаться было трудно. Особенно в квартиру со старой потертой мебелью и старшим братом, вечно торчавшим дома. Он не учился, не работал, направляя всю свою энергию на поиски кайфа. Нюхать, глотать или колоться... Хотя бы что-

нибудь... А если нет, тогда вспышки ярости. И шрам на смуглой лопатке, вечные ссадины, а однажды сломан нос и два дня в коме... Лес, солнце и крыша, где только Аришка... Махнем в Москву? Стук, стук по рельсам... Когда же это кончится, мама? «Сама нарвалась» — вот и все, чем она может помочь своей шоколадной девочке.

Потом весна. Сирень раскрывается, разлетаются лепестки в порыве теплого ветра. И туфли — на каблуках. Ей уже восемнадцать. Торопится, предвкушает. Волосы у него светлые, как у ангела. Глаза — прозрачные озера бездонного счастья первых трепетных прикосновений. Она не говорит о матери, о брате... Он такой чистый, часто-часто бьется его сердце. Больше никуда не хочется ехать, только быть с ним. Но задержка — первый, второй день, неделя... Как сказать ему? Вечер набрасывает на город шаль распускающихся цветов, сладких.

— Лола... Выйдешь за меня?

— У нас будет ребенок...

— Тогда лучше поторопиться...

Вдыхает, втягивает запах его волос. Значит, есть оно, счастье...

Наматывают дни воздушные оборки белого платья. Подшита фата и осталась последняя ночь. Идет к Аришке, пьют чай и плачут. В шесть утра дребезжание телефона, какое-то слишком долгое, настойчивое... Съежились цветы сирени — день будет пасмурным. Звонит мать.

— Вчера был у нас твой ангел... Ушли с Валеркой...

— Как? Когда? Зачем?

— Все-таки брат тебе, надо было потолковать... В общем... Держись. Надо держаться. Умер он, передоз.

— Кто, Валера?

— Да нет, упаси Бог. Жених твой.

Распахивает ветер окно, задевая подол платья. Бежит в слезы, в дождь... Вонзается острый асфальт в босые ноги. Сброшены туфли и надежды сброшены.

— Где ты? — крик или стон, непонятно. Гул отчаяния. Выплывает из комнаты опухшая рожа брата. Налетает на него, как птица об стекло. Улыбается. Швыряет ее на линолеум и бьет в живот. Ручьи крови по ногам, а он продолжает улыбаться...

— Ариш, ты поедешь со мной?

— Куда?

— В Москву.

— А деньги?

— У меня есть на билеты.

— А пальто, ну то, серое, брать?

Там кругом леса. Море обдувает Кералу. Камни, в которых золото, лежат в деревне Привязанность. Я приду туда по дороге, по траве — босиком. Подниму их, измельчу в порошок. Оболью конской кровью, семь раз человеческой. Опущу в воду василиска, чтобы еще раз перемолоть. Разложу на солнце, буду ждать, пока смесь подсохнет, превратится в пасту. Пропущу через сито и в образовавшуюся жидкость добавлю медь. После пламени смешаю с медом и молоком. Вот оно — золото, сияние подобно солнцу. Не различить. Это — для тебя...

Необъятная Москва съежилась в небольшую комнату с плотными шторами и огромной кроватью. Они входили и выходили. Нет, не слишком часто, это вам не Ленинградка... Все ухоженные, в дорогих костюмах. Она такие раньше видела только в журналах... Свободные дни тоже бывали. Они бросались с Аришкой на Арбат, на Патриаршие или в Третьяковку... О будущем больше не говорили, оно уже наступило.

Но однажды вошел он. Александр. Аккуратные пальцы, вдумчивое лицо. Речь с легким налетом акцента — слишком долго жил в Америке. Он появился в понедельник, во вторник и в среду. Потом ей сообщили, что на следующей неделе никого, кроме него, не будет. Через месяц она летела в самолете до Сан-Франциско. Когда встал вопрос о ее возвращении, они поженились в Лас-Вегасе.

Первый год она упивалась новой жизнью. По утрам Саша варил ей крепкий кофе и приносил в постель вместе с сигаретами, без которых она совсем не могла обойтись. Он все читал, все знал, но никогда не пытался задавить ее, наоборот, увлекал в новый, неизведанный мир, где она была как слепой котенок. Сердце оттаивало в мягком климате. Она наслаждалась. Даже ночью, не получая удовольствия, она продолжала наслаждаться. Впервые она жила с человеком, который о ней заботился.

Прочитаны десятки книг, болтает по-английски и еще поступила в университет... «Я хочу ребенка, Лола. Мне уже сорок пять». Она пожимает плечами. Что сказать? Что возразить? Однажды она тоже хотела... А теперь... Даже если бы и захотела, то не может. Поэтому: «Извини. Учеба. Нам

и так хорошо вместе?» Но все не так. Или не замечала раньше? Он хочет ее каждую ночь и иногда вместо завтрака. Вьется, порхает вокруг нее, будто бабочка. Огромная черная бабочка, закрывающая ее крыльями нежности, от которой у нее случаются приступы удушья. Все чаще она добавляет коньяк в кофе, или просто коньяк, или травку — покурить. Расслабиться и покурить. Останавливает гадкая ухмылка брата. Америка... Свободная Америка. Она стремилась в Москву, не сюда.

— Где ты хочешь провести отпуск? Может, в Италии?

— В Москве, Саша, только там.

И они летят. Долго-долго. Все чаще и чаще. Все плохие воспоминания смыты дождем с московских улиц. Это город мечты. Но в каком часовом поясе они бы ни находились, на простынях все одно и то же. Тело протестует, опровергает доводы разума, ищет. Находит. Приехал из Стамбула, учится вместе с ней. В первый раз — в парке, застигнутые ливнем, грязью и молодостью. Затем — каждый четверг в номере отеля. В красивом светлом доме — ожидание, напряжение, подозрения. И секс, узаконивающий визу.

— Лола, котенок, что с тобой? Опять по Москве загрузила?

— Да... — По жилистому телу, по горячему языку.

— Я кое-что придумал. Новая сделка, часто придется мотаться в Россию. Почему бы не купить квартиру? Например, на Кутузовском? Сделаешь все, как тебе нравится.

— Ты шутишь, да?

Он — всерьез. Она становится на колени, раскрывая губы, припухшие от дневной встречи. Город из ее детских снов манит. Как же Стамбул? И четверг? Если страсть не только... Посреди ночи она тихо выходит, заводит машину и мчится сквозь темноту в маленькую съемную клетушку.

— Ты... Здесь?

— Я ушла от него.

— От мужа?

— Да. К тебе.

— Но... Что я могу тебе предложить...

Першит в горле. Его глаза — не блестят. Плечи — виновато подняты. Бежать. Прочь.

— Где, черт возьми, ты была?!

— Прости, Саша. Это из-за Москвы. Столько эмоций навалилось.

Прижимается лицом к его груди, ощущая свинцовую усталость от собственных мыслей. Он больше не кричит, гладит по волосам. И ей так не хочется, чтобы заканчивалась ночь. Ночь ее возвращения.

На Кутузовском столько света... Порой не спрятаться от него. Соседи очень приятные. У них маленький ребенок, иногда слышен его крик. Саша вздрагивает от него, бросая испытывающий взгляд на Лолу. Она замирает. Не хватает воздуха, последнее время слишком часто. Она мечется между странами, между фрагментами обещаний. Нужно поговорить, рассказать все как есть. О матери, которая не спасла, о брате, убивавшем в ней детство день за днем, о свадьбе, ожидаемой, желанной, о ребенке, потерянном навсегда в бездне времени... Она готова. Останавливает резкий запах духов от воро-

та сорочки, внезапные поздние возвращения, и уже не каждую ночь, и кофе — не сварен...

Лола молчит. Как всегда — молчит и терпит. Только бы не приоткрылся его рот в словах прощения...

— Лола... Лола... Нам было хорошо вместе. Наверное, все можно было бы вернуть...

— Давай вернем.

— Она ждет ребенка.

Улыбается. Не плачет. К чему бесполезные слезы? Задыхается в дорогих стенах в городе ее мечты.

— Глубокий вдох. На выдохе три раза пропоем Ом.

Легкие раскрываются. Вздывается грудь, напоминая о молодости, о свободе, утраченной...

— Ты вся горишь!

— Ты тоже, Рома.

— Вот тебе и святое место. Мстит.

— Не богохульствуй!

Охваченные жаром, они сидели на ступеньках, стремящихся прямо в Гангу. Ришикеш засыпал, убаюканный душным днем. Какая-то женщина в белом сари спустилась по лестнице в черную воду, чтобы совершить омовение. Рома наклонился, уткнувшись лицом в смуглые колени. Кожа была влажная. Лола медленно, нежно провела ладонью по его лицу. Глаза его закрылись, наслаждаясь моментом. «Почему бы нам не пойти в гостиницу?» — мелькнуло в его голове. Он тихо прикоснулся губами к ее руке. Поцелуй был еле уловимый, как теплое дуно-

вение вечернего ветра. Пора было возвращаться в ашрам.

Не знаю, я воскрес или ты. А может, мы оба растворились в бесконечном колесе Сансары. И все же... Пока я жду. Пока ты ждешь. Мы поднимемся и полетим к трем горам посреди моря. Мы встретимся — в наших мечтах.

Sarve bhavantu sukhinah

Sarve santu niramayah

Sarve bhadrani pasyantu

Makascit dukkhabhag bhavet

Om santih santih santih*.

* Пусть все существа будут счастливы
Пусть все существа освободятся от страданий
Пусть все видится в благоприятном свете
Пусть ничто не приносит несчастье
Ом Покой Покой Покой

4. Ножницы

Разорванные острым лезвием, прядь за прядью падали вниз белые волосы. Они мягко ложились под ноги, умирая в безмолвии. Лена ловко вертелась вокруг девушки, создавая модную короткую стрижку. Густые шелковистые локоны, застревающие под подошвами кроссовок, рождали странное чувство удовлетворения. Она так искала его ночью, изо всех сил, путаясь в простыне, в его руках, в собственных искусственных вздохах, взятых из второсортных порнофильмов... Теперь, когда голова, хоть одна голова, была в ее власти, она

проводила ладонью по влажному затылку, ощущая в пальцах приятное покалывание.

— Ну, как? — спросила она, когда стихли последние горячие волны фена.

— Ужасно. — Лена с недоумением посмотрела на клиентку, губы ее зашевелились, желая произнести «дура»... — Я этого и хотела, спасибо.

Ей некогда было вникать в смысл услышанного, потому что еще один человек ждал стрижки, Саша. Кажется, они были знакомы уже сто лет. Определенно, Лене нравилось к нему прикасаться. Ни один шампунь не мог перебить древесный теплый запах, исходящий от его шеи.

— Как жизнь? Присаживайся.

— Отлично. — Он улыбнулся, но как-то грустно, потирая ладони. С безымянного пальца на правой руке исчезло обручальное кольцо, оставив белую полоску — тропинку для новой жизни. Лена быстро поправила очки, боясь упустить еще что-нибудь важное, подходящий момент для сближения.

С опаской Алина дотронулась до своей головы. Слезы подступали к горлу. Дойти до кофейни — единственный пока ей известный план на день. Она достала из сумочки мобильный, окинув его печальным взглядом, убрала обратно. Мелкие капли дождя ложились на лицо, при каждом порыве ветра ее пронизывал холод, заставляя повыше поднимать воротник темно-фиолетового пальто.

Она села за квадратный столик в углу, заказала двойной эспрессо и достала сигареты «Marlboro

Lights». В немом вопросе перед ней лежал телефон. После нескольких горьковатых глотков и глубокой, до самого дна легких, затяжки, она набрала номер.

— Привет.

— О! Сто лет тебя не было слышно.

— Да, прости. Ты же знаешь, вечно мотаюсь туда-сюда.

— Как высокая мода?

— По-моему, я для нее не слишком высокая. Надоело. Все надоело.

— На тебя, наверное, погода так действует. Это тебе не Милан.

— Да... Сережа, послушай, можно мне у тебя пожить некоторое время?..

— Детка, тебе не кажется, что поздновато для таких вопросов?

— Я не в этом смысле... Просто, ушла от него. Ничего не взяла, даже машину...

— Ясно. Но я сейчас не один...

— Конечно. Извини, не знала. Пока...

— Подожди. Что-нибудь придумаем... А помнишь Дена? Ну, такой, лохматый, подружке твоей помогал со сделкой...

— Со смешным голосом?

— Точно. Пойдешь к нему?

— А он согласится?

— Почему нет? У него дома вечно проходной двор.

Кораблик медленно отчаливал посреди осеннего дня, склонявшегося к вечеру. В непроницаемой черной воде плавали пожухлые листья. Москва

погружалась в холод, в оцепенение равнодушия приближающейся зимы. Ден не любил эту реку, этот город, и вряд ли смог бы дать определение тому, зачем он здесь находится. От вопросов спасало приятное жжение в желудке от банки джин-тоника. Красный пушистый шарф мягко ложился вокруг горла. Они уже отплыли от берега, волосы трепал холодный ветер, он напоминал... О чем же он напоминал?.. Ден спустился в бар, вместе с бутылкой пива уселся у окна. Пора сваливать из этой серости, предвестницы слякоти. Проветриться. Может, на Кубу? И Костика с собой прихватить. Будут на мотоциклах разрезать горячий воздух, подхватывая мулаток с упругими ягодицами... На дне мутного коричневого стекла остался последний глоток, когда он ощутил острое желание помочиться. О том, чтобы ждать остановки, не было и речи. Мочевой пузырь не желал идти на компромиссы. Ден тревожно огляделся, направился к лестнице и поднялся на пустынную палубу, откуда холод слизал всех шершавым языком. Подошел к самому краю и быстро расстегнул ширинку. Мимо пронеслись золотые купола и тяжелые облака, мгновенно пришло чувство облегчения. Он сощурился от удовольствия, как вдруг — неожиданный толчок, тело балансирует между твердой поверхностью и холодной чернотой, но джин-тоник побеждает, и Ден падает в грязную воду Москвы-реки.

Кожаная куртка невыносимой тяжестью повисла на плечах. Пытаясь справиться с дыханием, он закричал изо всех сил, потом еще и еще... Мокрая ткань впивалась в кожу, обвислая шерсть

шарфа душила безысходностью. Он один, совсем один... От обиды Ден чуть было не закрыл глаза, готовый подчиниться судьбе, но к нему уже летел спасательный круг.

Он смеялся. Попытался поймать машину, заливаясь хохотом. Капли не прекращали ползти по озябшей коже, образуя вокруг него забавную лужицу. Машины притормаживали. Затем, увидев мокрую довольную рожу, водители резко давили на газ. Вечер подступал. Ден пожал плечами и пошел к метро.

В подземке неприятно обдувало, но внимания на него никто не обращал. Люди, погруженные во второсортное чтение, голодные желудки и несбывшиеся планы, не замечали мокрую фигуру Дена, пока нечаянно не касались его.

Наконец, в густой темноте осенних сумерек он оказался рядом с домом, зашел в плохо освещенный подъезд и поднялся на лифте на пятый этаж. Она стояла, облокотившись на железную дверь. Короткие белые волосы были взъерошены, голубые глаза в обрамлении черных разводов туши смотрели в одну точку.

— Алина?

— Да. Похоже, я не вовремя... — Она обвела его ироничным взглядом.

— Может, как раз наоборот...

— Я тебе звонила, но...

— Рыбки не хотели подходить к телефону. Ладно, заходи, потом объяснишь.

Ден нажал кнопку выключателя. Во вспышке света он увидел отражение в зеркале: высокая де-

вушка, напряженное лицо, приятный изгиб бедер и оборванец, грязный, жалкий.

— Не замерз?

— Точно. Согрей меня. — Дернул ее за запястье, прижимаясь к ней мокрым телом. Он ожидал — пощечины, ожидал — крика... Еще одинокой ночи и что сигареты — закончатся...

— Давай сзади. Не хочу видеть твоего лица. — Она быстро стянула свитер, отвернулась, подставляя ему безупречную белоснежную гладкую спину. Проникая в нее, Ден уткнулся в ее плечо, еле сдерживая рыдания.

«Ролан» по-прежнему оставался его любимым кинотеатром. Пусть кресла — слегка потертые, а любимый ресторан с французской кухней и тяжелыми бархатными портьерами вообще закрыли, все равно — что-то было в этом месте, что-то, отбрасывающее его в дни радости. И конечно, Чистые пруды. Медленные, печальные, осенние, даже когда весна. Хотя сегодня была осень. Самая настоящая, с дождем, острым ветром, тяжелыми, ватными мыслями.

Его субботний вечер был полон свободы. Спешить некуда, ни к чему. Только удовольствие это не приносило никакого. Его жена, бывшая жена, тоже где-то проводила время. Он был инициатором развода, что не делало безразличным к ней. С другой стороны — его женщина, возлюбленная, сокрытая сейчас горами Швейцарии. А в середине он — в московском вечере, хлеставшем черными ветками по стеклу. От хаоса эмоций всегда спасал

план, любые действия нуждались в четкой схеме. Поэтому: легкий ужин, хорошее кино, ванна с лавандовым маслом, еще один грустный рассказ, который он никогда не опубликует, жасминовый чай и сон, желательно без сновидений.

Свет погас. Цветной рябью замелькала реклама. Вокруг хихикали парочки, шелестя непоседливыми ладонями. Для них все только начиналось... Титры, ломаные, в неприятной вуали тревожных звуков, затем раскручивается сюжет. Фильм о случайных знакомствах, заканчивающихся в лучшем случае телом, разрубленным на куски. К концу Саша практически не сдерживал смех. И больше всего его забавляло внезапное отчуждение рук. Для романтического вечера это плохое начало. Другое дело он — ему все равно.

От резкого порыва ветра перехватило дыхание. Скорее, скорее запрыгнуть в машину, в иллюзию уюта и защищенности. Он положил руки на руль, пора ему купить более быстрое средство передвижения. Четыре двери не нужны — семьи больше нет. Назойливый дождь начал барабанить по крыше, ускоряя ритм грусти. В неясном тусклом свете пруды казались отзвуком прошлого. Тогда все было не таким — острым, ярким, зато ласковым, монотонно родным. Желудок сковал спазм, то ли салат с рукколой, то ли мокрая дорога, вьющаяся вниз. Внутри пустота, необъятная, как угрюмо-бесцветно-угнетающе-черное небо над крышей машины. Впереди замаячил красный свет, он нажал на тормоз, улавливая краем взгляда фигуру около тротуара. Девушка с короткими белыми

взъерошенными волосами стояла под пощечинами дождя. Ни зонта, ни плаща, в лице наивно героические ноты... Что за дурь? Может, проститутка? Но что ей делать в таком месте в таком виде? В груди съежилось. На плечи навалилась тяжесть бессмысленности вечера. Он один... Хочется выть, кричать и выть. Зеленый. Нужно трогаться. Или совсем затормозить? Посадить к себе мокрого птенчика? Нашептать о надеждах, о новогодних праздниках, о доме, где каждая вещь имеет значение... Вещи, разбросанные по коробкам, воспоминания, запертые в фотоальбомах. И лицо на фоне утренней Женева...

Поедешь со мной, птенчик? Или девка? Или девочка? Поедешь, не знаю куда, со мной, в теплоту и шепот... Но машина скользит по мокрому асфальту, шуршат шины, падают случайные листья на лобовое стекло. Листья, предвестники зимы, листья, предвестники строчек. И то и другое смывает влага — дождя и слез. Не стоит, никогда не стоит отходить от плана. Случайные знакомства — опасная штука. Особенно с самим собой.

Он никогда не гадал ей, более того, избегал малейшего взгляда на ее ладони. Целуя ее пальцы, нежно и долго, он закрывал глаза. Сначала Алину это забавляло. Она подтрунивала над ним, перебирая густые поседевшие волосы на его затылке. «Боисься своей магии, мой Волшебник», — нашептывала ему в ухо, медленно поднимая подол платья. Но все чаще хотелось показать ему свою линию жизни.

Желание, абсурдное по своей сути, превратилось в навязчивую идею. Вышагивая на немислимых шпильках в яростном ритме софитов, она чувствовала, как горят руки, на которые он не хочет смотреть. На съемках рекламы минералки, на лекциях, где проваливалась в сон, — она думала об этом везде. И особенно, когда ее муж, пока без штампа, но все же, проводил языком по каждому пальцу. Она вздрагивала, от удовольствия — думал он.

Они виделись — все чаще, домой возвращаться — хотелось все меньше. Фарид, Фарид... Добрый, нежный, заботливый... Для жены, сыновей, внуков... И для нее. Он вкушал, наслаждался — она знала. Но где на календаре то число, а на карте то место, когда они расстанутся? Не будет же это длиться вечно? Все больнее, тоска глубже, он улетел во Францию на неделю — разлука невыносима. Она скатывается по шелковым простыням на край кровати, вжимается в подушку, пытаюсь уберечься от привычно-невыносимых ласк. Что мешает? Вместе два года, но еще не женаты, детей нет... Только спортивный «Mercedes», светлая гардеробная, набитая платьями, сотканными из лжи... Милан, Париж... Привычки, от которых можно отказаться, если бы он...

Осень — начинается. И начинается дождь... Водитель отпущен, и Фарид сидит рядом с ней на белом кожаном сиденье. Густой вечер, пропитанный сырым фиолетовым небом, заглядывает сквозь тонированные стекла. Его дом совсем близко, здесь рядом есть тихий двор... Она ждет, предвкушает... Его руку кладет к себе на колени.

— Ну, что, вас до подъезда довезти? — лукаво смотрит на него.

— Можно.

— То есть?..

— Ты торопишься?

— А ты?

— А который час?

Она проезжает мимо его дома, резко заворачивает во двор. Почему вдруг так темно? Так больно, даже если безумно глупо? Маленькая девочка с косичками за партой — одна... И вечереет... И все ушли...

— Ты меня просто убиваешь.

— Алина, не надо...

— Seriously.

— Прости, я глупость сказал.

Притягивает ее к себе. Сильнее подступающих слез только желание. Словно змейка, переползает, вьется... Гладкая, скользкая, нежная... Фарид вздыхает глубоко. Бьются его ресницы, сердце... Все близкие, не близки, как она. И все же — обида. Не смотрит он на ее ладони.

Потом стон. Потом звон — в ушах. Непрошенный свет фар проезжающей машины. Она по-прежнему лежит на нем, прижимается лицом к плечу.

— Алиночка, прости меня... Я не хотел, правда.

— Я тебе отомщу.

— Не надо...

— Я уже устала тебе мстить. Пусть даже тебе от этого ни холодно ни жарко...

Он смеется, тихо. Гладит густые белые волосы. Капли стучат по стеклу, напоминая, что где-то на календаре есть то число, а на карте то место... Только не сегодня, пожалуйста, еще чуть-чуть... Прижимается, вкушая волшебство...

День закончился. Лена подставила ножницы под струю воды. Завтра, завтра... Все будет завтра. Бесчисленное множество локонов съжится под натиском металла.

Впереди была ночь. Искусственных вздохов и разрезанных надежд...

5. Девочка-манго

Вентиляторы лениво кружились над головой. Свами и Витя вышли на улицу, оставляя лишь двери, покачивающиеся, будто маятник. Таня чистила последнее манго, медленно и неторопливо, вытягивая его кисловатый резкий запах. Сок тек по ее тонким пальцам, короткие светлые волосы были взъерошены, от напряжения и удовольствия они стали мокрыми у корней.

— Таня, посмотри какой там парень, у стойки. Тебе его надо сфотографировать.

— Сейчас, сейчас... — Нож вонзился в мякоть, отсекая кусочек. Едкая сладкая жижа при-

ятно обжигала небо. Ей не хотелось шевелиться, стыдливый румянец заливал щеки, усиливаясь при взгляде на тарелку, доверху наполненную очистками. — Ладно...

— Вон тот, с дредами.

— Действительно... В нем что-то есть...

Странно, что ты показала его именно мне...

— Почему?

В мокрых руках замер плод с выпирающим бугром черной косточки.

— Он напомнил мне одного человека, из детства...

— Расскажи.

— Да в общем, ничего интересного. Так...

— Давай... А потом пойдем купим еще манго.

— Издеваешься надо мной...

Косточка соскользнула в тарелку. В полумраке черты смуглого лица незнакомца заострились. Он мог быть кем угодно...

«Мне тогда было девять лет, почти десять. В моей взрослой жизни этот случай напрочь стерся из памяти, но сейчас все вернулось. Мы с братом отдыхали в летнем лагере в Польше, где-то под Варшавой на берегу широкой бурной реки. Он жил в корпусе для мальчиков, а я, естественно, в противоположном, с тремя девочками в комнате. Лето было теплым, но ветреным. Часто налетали тучи, ветви, покрытые густой листвой, склонялись в предвкушении дождя, как вдруг новый порыв разгонял их, взметая мои выгоревшие волосы.

Лагерь состоял из нескольких корпусов. И, как ни странно, располагались они на разных берегах. Завтрак, обед, любое желание утолить голод вынуждали нас идти через огромный мост. Мы собирались в группы, идти без взрослых строго, настрого запрещалось. Столовая находилась в огромном светлом помещении с окнами до пола, сквозь которые любил врываться ветер. Помню наш первый обед: мы сидим вместе с братом, уставшие после дороги, я ем творожную запеканку и пью густой красный кисель. Вообще, у меня такое ощущение, что все, что я пила там, было красного цвета, даже вода. Брат достает из кармана вкладыши от жвачек, заботливо расправляет их и рассматривает. И тут я замечаю его. Он стоит в дверях, очень высокий, худощавый, длинные прямые светлые волосы забраны в хвост, глаза настолько яркие, что, несмотря на расстояние, меня пронизывает их голубизна. Я не могу оторвать от него взгляд, потому что он смотрит на меня. Сначала я неуверенна, оглядываюсь по сторонам, с губ слетает нервный смешок, но постепенно сомнения рассеиваются. Мне немножко страшно, щеки начинают гореть.

Это происходит каждый раз, когда я бываю в столовой. Ясно, он студент, подрабатывающий здесь во время каникул. Ему лет восемнадцать, двадцать. Мне кажется он взрослым, даже старым. Он непохож ни на кого из моих знакомых, он странный, слишком красивый. Носит тарелки с достоинством, будто рыцарь свой меч.

Я постоянно катаюсь на качелях с подружками, учусь красить ногти, по ночам мажем друг

друга зубной пастой. Повсюду нас сопровождает ветер, усиливающийся при приближении к реке. Еще участвую в конкурсах, которые придумывают разленившиеся воспитательницы. Например, конкурс красоты.

В тот день я надела белое шелковое платье с кружевными оборками, которое мне сшила мама. В то время оно казалось мне верхом совершенства, мне нравилось дотрагиваться до мягкой ткани, она скользила по кончикам пальцев, поднимая необузданный восторг в моей душе. В самый раз для конкурса, который должен был состояться сразу после ужина.

Ела я мало, чтобы не выпирал живот, но меня мучила жажда. Я приподнялась, потянулась за кружкой с компотом из крыжовника и клубники и готова была вернуться на свое место... Стула не оказалось, я упала навзничь, красная жидкость мгновенно поплыла по белой ткани. Раздался глупый смех толстого подростка, сидевшего рядом. Я только успела подняться, а он уже был здесь. Его глаза сияли от гнева, резким движением он схватил моего обидчика, подтащил к открытому окну и вышвырнул его, будто тряпку. Это был первый этаж, но во мне осталось ощущение, что произошло убийство. Он убил его в моих глазах. Я переоделась и заняла второе место на конкурсе, первое досталось пятнадцатилетней девушке. А еще узнала его имя — Михаэль.

Мы съездили на экскурсию в Варшаву. Больше всего меня поразило обилие игрушечных магазинов, их красочные витрины. Когда мы вернулись,

уставшая, я легла на кровать, продолжая мечтать о куклах в воздушных розовых платьях. Пани Мартина позвала всех девочек, чтобы вместе идти через реку в кружок вязания. Уже тогда я испытывала неприязнь к иголкам и ниткам, да тут еще воспоминания о Барби...

— У меня очень болит голова, я останусь.

В ответ я получила сочувствующую улыбку и полную тишину, внезапно окружившую меня. Я пыталась уснуть, ворочалась, взбивала подушку, тоска все больше наполняла голову. Наконец, я решила догнать их. Надела синее платье в мелкую белую крапинку, расчесала волосы и бросилась к мосту.

Никогда дорога не казалась мне такой длинной. Подо мной перекатывалась река: журчала, бурлила, ее протяжную песню подхватывал ветер. Вокруг не было ни души. Я сто раз пожалела, что пошла одна, и отчаянно хотела вернуться. Но было слишком поздно — обратная дорога была теперь намного длиннее. Мои шаги становились быстрее, постепенно превращаясь в бег.

Мост остался позади. Можно было расслабиться. Нужно только найти тот самый корпус.

Он возник из пустоты. Высокий, волосы, как обычно, забраны в хвост. Он произнес несколько слов, но смысл ускользнул от меня, хотя в то время я немного знала польский. Голубые глаза впились в мое лицо. Он повторил. Я рассеянно пожала плечами. Внезапно он схватил меня за руку, увлекая за собой. Я сопротивлялась, кажется, пыталась закричать. Он ускорил шаг. Влажные холодные ладо-

ни цеплялись за мои запястья, причиняя боль. Он свернул с дорожки и теперь тащил меня сквозь кусты, босоножки застревали в густой траве. С каждой секундой страх становился все сильнее, как и его руки. Я пыталась вырвать ладони, ударить его, укусить. Вспышка ярости сделала меня сильной, мне почти удалось освободиться, как вдруг он отпустил меня. От неожиданности я упала навзничь. Задыхаясь от недавней борьбы, Михаэль протянул мне руку, чтобы помочь встать. Но я не желала принимать его помощь и продолжала лежать на прохладной земле.

Его силуэт возвышался надо мной на голубом фоне неба, прерываемого тяжелыми облаками. Солнце струилось сквозь высокие кроны деревьев. Неуместный покой разлился по моему телу и еще нечто сладкое, недоступное моему пониманию. Он опустился на колени и начал говорить, речь была то плавной и глубокой, то хриплой и прерывистой. Я продолжала лежать, меня несли потоки слов, убаюкивая, словно колыбельная. Время изменило свой темп, оно стало чем-то эфемерным, плавным...

— Привет! — раздался звонкий хохот Иры, моей соседки по комнате. — Чем это вы тут занимаетесь?

Я поднялась, отряхивая платье и поправляя волосы.

— Я упала... А тут он... не пойму, что он раторит.

Михаэль встал и подошел ко мне так близко, что пришлось запрокинуть голову. Смятение в его

глазах превратилось в спокойствие или безнадежность. Голос вырвался из приоткрытых губ. «Так выглядят ангелы...» — мелькнуло у меня в голове. Рядом снова вспыхнул смех.

— Он говорит, что любит тебя... Серьезно!

— Дурочка!

Я хотела еще раз взглянуть в его лицо, но оно было навсегда сокрыто от меня деревьями, светом, пробивающимся сквозь тучи, и временем.

Больше я не видела его. Ни в столовой, ни в любом другом корпусе или парке. Он исчез, оставляя лишь бурную реку и воспоминание об ангеле, которое тоже скоро исчезло, растворилось в приближающейся осени».

— Все болтаете. Может, пойдём прогуляемся? — Вопросительный, зовущий взгляд Дена.

— Почему бы нет. Тань, ты с нами?

— Нет. Поднимусь на второй этаж, там есть Интернет.

— Соскучилась по цивилизации? Ладно, до скорого.

Руки были все еще влажные. Ладони прилипали к перилам, замедляя ее шаг по крутым ступенькам. В мутном окне отражалась улица. Неплохой кадр, но снимать совсем не хотелось... Она села перед компьютером, устремляя взгляд над монитором, в плохо освещенный узкий коридор. «Пожалуйста, пожалуйста...» В ответ на ее слова послышался скрип, дверь одного из номеров отворилась... Высокий, широкие плечи, прикрытые рваной рыжей футболкой, и глаза — голубые и чи-

стые...Таня резко поднялась, тело подалось вперед, готовое броситься к нему. Он прошел мимо, не повернув головы...

Она продолжала лежать среди высокой зеленой травы, упиваясь его силуэтом на фоне неба, прерываемого тяжелыми облаками...

6. Перекрестки

Дворники продолжали скрипеть по сухому стеклу. Дождь давно закончился, оставив на асфальте мокрую вуаль раскаяния, но рука не желала прервать монотонный саднящий скрип. Лера бросила машину рядом с клиникой и вошла внутрь.

— Пожалуйста, присаживайтесь. — Как всегда, выхолощенная пустая улыбка, встречающая, провожающая — без разницы. На овальном столике кипа журналов и ваза с конфетами — издевка над пациентами.

— Проходите. — Еще одно лицо без выражения, безликость в белом халате.

Лера села в кресло, запрокинула голову. Как она вообще могла сломать этот зуб? Конечно, не конец света, но требует времени, а его нет, малышку вечно не с кем оставить.

— Здравствуйте. Как дела? — Высокий, правая рука от запястья и выше покрыта татуировками, смотрел участливо и заинтересованно. В первый раз его боевая раскраска несколько насторожила Леру. Нет, она не была ханжой, просто облик Олега Викторовича не слишком сочетался с медициной. В кабинете стекла готовы были лопнуть от радио, включенного на полную мощность. И губы его вечно шевелились, что-то напевая. Эта черта могла бы напомнить Лере мужа, но почему-то от нее ускользнуло сходство привычек. — Болит?

— Меньше. Острая боль прошла, так, чуть-чуть ноет.

— Отличная новость. Я уже беспокоился — удастся ли нам поставить коронку. Посмотрим. Вот так, пошире. Олеся, если вы вообще Олеся, пылесос.

Пухленькая медсестра недовольно фыркнула, надавив на губу сильнее, чем следовало. Сверлящие, шипящие звуки наполнили рот. Густые белые волосы резкого каре обреченно распластались на бежевой кожаной подушке. Пальцы левой руки начали тереть обручальное кольцо. «Что на этот раз? Камбоджа? Мексика? Перу? И как долго продлится, две недели, месяц?» Она любила путешествовать, любила кислотоватый привкус влажного утра, разговоры со случайными людьми. Их первые поездки с Костиком звенели яркими картинками и спонтанным сексом. Но теперь есть Дашенька —

их дочь. Ее не возьмешь в пыльный поезд между городами Северной Африки, только Костик не желает смириться, не желает ждать...»

— А-а...

— Здесь больно?

Закрывает слезящиеся серые глаза в знак согласия.

— Десна еще воспалена. Ничего, надо снять нагрузку. — Наклоняется к ней, вдруг, слишком близко. Или кажется? Продолжает сверлить, но его рука, татуированный локоть, касается ее груди в черном шерстяном свитере. Отвлекается от мыслей о муже, пытаюсь осознать происходящее. И снова медсестра слишком сильно давит на губу, а его губы шевелятся под маской, вторя радио. Она не улавливает мотив — заглушает противное жужжание. Расплывается тепло по груди и животу. Снова начался дождь. Косые капли разрезают оконное стекло в паутине жалюзи. Его черные глаза смотрят внимательно, охватывая не только рот, но овал лица... Делая слепки, он запускает пальцы ей в рот, мягко касаясь и нёба, и щеки, и языка... Ситуация нелепая, но какая разница? Тепло и хорошо. Вздрагивает.

— Извините, Лера, я буду аккуратнее. — Встречаются взглядами. Нет, не может он этого сделать, просто не может... Но он делает. Наклоняется, не снимая маски, прижимается к ее припухшим губам. Дыхание — сквозь стерильную ткань, сквозь ткань — поцелуй. Сводит стопы от внезапного возбуждения. К черту Камбожду, и Перу к черту...

— Олеся, пылесос. Олеся, вы меня слышите? Если вы вообще Олеся...

— Ничего, маму скоро выпишут, не переживай.

— А когда я вырасту, мне тоже сделают операцию?

— Не знаю. Все может быть. Но бояться не стоит.

— А я все равно боюсь. За маму.

Даша отвернулась к окну, где приятно шелестели липы. На улице девочки прыгали в резиночку, цветными мелками рисовали на асфальте. Ей не хотелось. На тарелке лежали нетронутые макароны. В летнем дне повисла пауза, заполняемая лишь щебетанием птиц. Ее двухлетний братик спал. Они обедали с отцом вдвоем. Нужно было что-то проглотить, он ведь готовил, старался. И еще о чем-то говорить. Но слова галопом уносились прочь. Только сейчас она вдруг поняла, что никогда не говорит с отцом. Только с мамой, к ней всегда обращены вопросы, и ответы — для нее. Аппендицит. Мамы нет несколько дней, и она задыхается. Дом наполнился тишиной, стойкой перед криками малыша, звуками телевизора, заботливым папиным голосом.

— Пойду погуляю.

— Ладно. Может, хоть есть захочешь. Далеко не уходи.

Даша спустилась по широким мраморным ступенькам, из каменной прохлады ныряя в ласковый ветер. Синяя юбка в клетку приятно покачивалась, рождая ощущение взросления, сладостное. Она огляделась, выбирая между качелями и компанией девочек ее возраста. Мысли прервал

хлопок — кто-то резко закрыл дверь машины. Высокий мужчина в черной футболке пристально смотрел на нее. Она сделала вид, что не замечает, и направилась к качелям. Не желая огибать клумбы с оранжевыми ноготками, она перелезла через чугунную ограду, одернула юбку, ощущая липкие почки, запутавшиеся в ткани. Придется гулять с грязными руками... Она слегка повернула голову, мужчина следовал за ней... Мама и папа ее предупреждали, что такое бывает и как надо себя вести... Она помнила, только лицо его было доброе... Серьезное, но доброе.

Качели мирно заскрипели, набирая высоту. Солнечные блики прорывались сквозь густую листву, прыгали в глаза, заставляя щуриться. Она изо всех сил размахивала ногами, желая оказаться как можно выше, задеть край неба краем синей юбки... Он сидел на скамейке, курил, медленно выпуская дым в теплый воздух. «Он сейчас уйдет», — пронзил Дашу внезапный страх. Икры в белых гольфах сбавили темп. Она спрыгнула и неуверенно пошла к нему. Он выронил сигарету, замешкался, не зная, уйти ему или остаться. Она села рядом, упираясь ногами в землю. Не решаясь смотреть в лицо, начала разглядывать его руки.

— Откуда этот шрам?

— Упал с мотоцикла. В Индии. Это страна такая.

— Знаю. Там все подышают от голода.

— Тебе мама сказала?

— Да. Но мне все равно.

— Почему?

— Очень хочу туда попасть. В школе нам рассказывали про Тадж-Махал, он потрясающий... Я должна его увидеть. Вообще, когда вырасту, не хочу сидеть на одном месте... Понимаете?

— Да. Лучше чем ты думаешь, Даша...

— Откуда вы знаете мое имя?...

Это она хотела, чтобы они поехали в Испанию. Что за дурацкая идея провести две недели в Диснейленде, вернее в Порт Авентуре, но какая разница? «Даше будет весело». Будет ли ему весело, никто не спрашивал. Поэтому самолет до Барселоны, потом еще два часа трястись в автобусе — тур групповой, так — дешевле, так — удобнее. Ночью добрались до отеля, и (о ужас!) даже бар закрыт, не найти и глотка холодной воды. Дочурка давно видит десятый сон, ей еще нет трех лет, на кой черт сдались ей аттракционы? Лера тут же методично начала раскладывать вещи на полки, расставлять в ванной шампуни, масла, косметику... Он просто сидел на краю кровати, подавляя желание завить.

— Костик, ну чем ты недоволен? Просто устал, ложись, завтра все покажется в ином свете.

Ничего другого не оставалось, запертый во вселенной своей семьи, он закрыл глаза и тут же провалился в ветер, в соленые холодные брызги недосыгаемых морей...

— Проходите. Анкету заполнили?

Пухлая рука забрала мятую бумажку с перечислением операций и прочерком в графе «Про-

тезы». «Пока нет», — ухмыльнулся Костик, когда лениво водил по листку шариковой ручкой. Спина мучительно ныла. Он бы потерпел еще, но последнее время ноги все чаще отказывались слушаться, двигались в своем собственном ритме, а иногда вовсе замирали, наливаясь густым свинцом.

Он разделся до трусов, обмотался простыней и подошел к аппарату.

— Готовы? Ложитесь. Запомните: нельзя шевелиться. Будут раздаваться неприятные звуки, поэтому сейчас я вам надену наушники. В руках у вас будет пульт, если вдруг что-то произойдет, нажмите на кнопку — мы вас мигом достанем.

— А что может произойти? — Костик испытывающе-иронично посмотрел на блестящее полноватое лицо медсестры.

— Испугаетесь, например... — Пампушка зарделась, щурясь от удовольствия.

Он лег. Валик под коленями позволял держать ноги полусогнутыми, приятная неожиданность. Противное гудение — и он внутри трубы, в темноте. Длинные, короткие волны дребезжания проникают в прикрытые уши, в его стопроцентный слух, нереализованный в юности. В том отеле, куда бы ты не пришел, слышались крики пассажиров «Драгон-экспресс» — самых длинных в Европе американских горок...

На завтрак — очередь. В паровозик до пляжа — очередь. Очередь на аттракционы и на ужин. Кругом ровненькие подстриженные кусты, аниматоры в меховых костюмах сказочных зверю-

шек и бесконечные крики детей... Без сомнения, Лера самая красивая мама за всю историю человечества, только Даша совсем не спит... Остается одна радость — шведский стол и желтый поплавок буйка, пока девочки на пляже строят замок для принцессы. Теплая соленая вода поддерживает тело, вдали белые яхты, на берегу отели, справа — фэйф-старс, слева — для простых смертных в линялых футболках, с косячком и с безымянной девкой в кровати...

— Па-па! Постлой!

Он замер на кожаной банкетке в ожидании заключения, в ожидании приговора. «Опухоль. Рак. Поражения костного мозга... Что там еще бывает? Скорее — все вместе. Коктейль — «Секс на пляже».

— Вот, держите. Это вам. У вас грыжа в крестцовом отделе, шесть миллиметров. Видимо, задевает нервные окончания, отсюда такие боли.

— Что с этим делать?

— Два варианта: оперативный и консервативный. Сначала лучше остановиться на втором. Да, и еще: про мотоцикл можно забыть.

Он резко распахнул дверь на улицу. Прочь, прочь от костылей и стариков! Дождь накрапывал, а так хотелось солнца...

Часа через полтора они добрались до Барселоны. Лера все время смеялась. Даша без усталости повторяла: «Каблалет». Щеки горели от ветра.

— Посмотри туда! Снова Гауди! Просто супер! Дашенька, смотри какой домик!

— Там кололева живет?

— Вон парковка. Оставим здесь машину?

— Давай. Здорово, что коляску взяли?

— Да.

Они заехали в подземный гараж, высадили Дашу на горшок, и, потные, с торчащими волосами, отправились в город.

— О! Нужно здесь сфоткаться!

— Встань с Дашкой.

— И ты с нами!

Он окликнул шоколадного прохожего с завернутой на голове футболкой наподобие тюрбана и встал рядом с женой и дочкой. Даша впилась в него пухлой ладошкой, Лера прижалась к небритой щеке... В груди разлилось тепло... Запах соли смешивался с запахами города. Это было странно...

— А ты йогой из-за спины начал заниматься?

— Да. Ужас как болела. А теперь, видишь, снова по горам катаюсь.

— Но к леднику не пошел.

— Да. Я не хорошенькая девочка, вряд ли меня кто-нибудь тащил бы двадцать километров.

Смех. Кофе и смех.

— Значит, ездешь туда-сюда?

— Стараюсь.

— Без семьи, без детей можно себе это позволить.

— У меня есть дочь.

— Серьезно? Ты не говорил.

— Я никому не говорю.

— Сколько ей? Как зовут?

— Даша. Почти одиннадцать. Мы не общаемся.

— Почему?

— Долгая история... Как-нибудь расскажу. Просто, когда все случилось, мы всей «ботвой» решили, что для нее так лучше... Ладно, надо бежать. Сейчас отдам чертежи, потом на экзамен...

— Экзамен?

— В музыкалке. Старые мечты осуществляю. Приятно было с тобой... Может, как-нибудь встретимся?

— Может быть...

7. Дорога в Шринагар

Необъятное солнце заглядывало в окно. Даже сквозь плотно задернутые шторы, в паутине темноты, он чувствовал его навязчивые лучи. Не уснуть. Воскресенье, семья за городом, утро раннее, но все равно не уснуть. Он встал с кровати и резко дернул тяжелую ткань. Что ж, заходи, если выхода нет. Мгновенно все окрасилось светом: широкая кровать, белая простыня, пейзаж, висящий над изголовьем. Веки сомкнулись в спазме. Пальцами он коснулся повязки на щеке. Похоже, припухлость стала еще сильнее. На улице щебетали птицы, долетал запах листвы. Виталик вздохнул. День будет жарким.

Натянув на лицо темные очки, он вышел из дома и сел в черный джип. Вокруг было пустынно, город еще спал. Он завел машину, собираясь позавтракать в кафе неподалеку. Но тут же сообразил, что оно еще закрыто, все закрыто. Он улыбнулся, вставляя в CD Элвиса. «Kiss me my darling...» Такая смешная проблема — недоступность плюшки с корицей. Не собираясь делать никаких звонков, взял в руки мобильный. Внимательно, вопросительно он посмотрел на экран, залез в записную книжку, «Олег» — остановился, затем функция «Удалить» — и нет больше ни имени, ни телефона. И ничего не изменилось вокруг. Солнце начинало припекать.

Все еще не имея цели, он утопил педаль газа. Мимо проплывали тротуары с высушенной коркой асфальта. Перебирая в голове названия, он остановился на одной кофейне, на Сретенке, которая точно открыта в это время. Уже легче. День обретал смысл, вырисовывалась схема.

На самой старой улице Москвы не было ни души. Казалось, перекрыли движение или объявили воздушную тревогу... Всякий бред. Джип рванул к входу, чуть не столкнувшись с ядовито-желтой «Audi», внезапно выпрыгнувшей из переулка. Кто-то явно хотел есть. Их двери одновременно открылись, глаза коротко встретились. Высокая девушка с медовым взглядом и тонкой талией, отвернулась, лукаво приподняв бровь. Она потянула тугую дверь и вошла внутрь, позволяя в полной мере насладиться ее округлыми ягодицами и длинными ногами, сверкающими красными подошвами черных замшевых босоножек. Не торопясь, он последовал за ней. Она уже сделала заказ и сидела за столиком,

вдыхая пары готовящегося кофе. Виталик огляделся — они были первыми посетителями.

—Americano и творожную запеканку.

—Соус — ванильный, клубничный...

—Нет, спасибо.

Он смотрел. А она знала, что он смотрит. Конечно, волосы взъерошены и эта дурацкая повязка на лице...

—Доброе утро. Я могу с вами выпить кофе?

—Здесь мало свободных мест? —она засмеялась, —Почему нет? Не люблю есть в одиночестве.

—Ваш капучино готов. —Она приподнялась.

—Сиди. Я принесу.

Он аккуратно взял со стойки белую чашку, чтобы не расплескать пену в виде сердца. Вернулся за тостом с сыром.

—Спасибо. Но это еще не все.

Креманка с малиновым муссом и сахар, много.

—Здоровый аппетит —это хорошо.

—Я проголодалась —работала всю ночь.

—Ты работаешь по ночам?

Снова смеется. Он невольно дотрагивается до больной щеки.

—Не хочу разочаровывать. Я пишу. Картины.

—Ты художник?

—Да.

—И что сейчас за полотно?

—Не могу говорить.

—Почему?

—Пока что-то делаешь, нельзя рассказывать, энергия уходит.

Он замер, даже дыхание перехватило. Она озвучила мысль, давно сверлящую его голову.

— Ты вкусно пахнешь. Мне нравится.

— А что еще нравится?

— Глаза, ноги, и попа очень красивая. А тебе во мне?

— Мне ничего. Я не способна увидеть красоту, пока человек передо мной не раскроется. Если она вообще есть.

В воздухе повисла пауза. Прядь упала на ее лицо, прилипая к губам. Он бережно убрал ее, ощущая кончиками пальцев мягкость щеки.

— Короткая практика молчания.

Он вновь вздрогнул.

— Интересно, что заговорила об этом. Я как раз собираюсь съездить в Гималаи, попробовать.

— А я недавно оттуда.

— И как?

— Это все меняет. Живешь, занимаешься обычными делами... И вдруг — взрыв. Разлетается оболочка на куски, остается суть. Только ты. Мы поднялись к леднику, где Ганга берет свое начало, там особенное место, открывается сердечная чакра. Хочешь или не хочешь, захлестывают переживания. Поезжай, не пожалеешь. А если пожалеешь, будет поздно.

— А йога? Хочу начать заниматься. Знаешь хороших учителей?

— Самого лучшего в Москве.

Она достала из сумочки блокнот и ручку. Широким размашистым почерком написала адрес и телефон.

— И свой не забудь.

— Зачем?

— Как-нибудь встретимся, позавтракаем или поужинаем.

— Не думаю, что это хорошая идея. Оставь свой, будет желание, позвоню.

— Оставлю. Но я мальчик, ты девочка, так что пиши.

Она сдалась. Вместе они вышли из кофейни навстречу уже успевшему разгореться дню. От нее пахло маслами, кожа блестела на солнце, отпускать совсем не хотелось... Она быстро завела машину, приоткрыв окно, затормозила.

— Держи. Это альбом с моими работами, с последней выставки.

Не успел он рассмотреть обложку, как она исчезла, оставляя в нем смутную тревогу. «Спасибо», — отправил ей сообщение.

На следующий день, в Склифе, ему вскрыли раздувшуюся щеку. Гной, смешанный с сукровицей, вырвался наружу, насквозь пропитав марлевый тампон. Анализ крови были по-прежнему хорошие. Причины воспалительного процесса вновь были непонятны. Ко вторнику он выглядел лучше, поэтому решил ей позвонить.

— Привет.

— Привет.

— Как дела?

— Отлично.

Тишина. Дыхание и тишина.

— Когда увидимся?

— Когда будет время. Я позвоню.

Не очень похоже на правду. Это жизнь. Надоедливые сотрудники то и дело стучались в кабинет,

телефон разрывался, под окном сигналила машина. Перед глазами возникли горы — чистые, непроливаемые, молчаливые...

В среду вечером он пришел на занятие к Вите. Многого не ждал. Восторженность девочки, даже умной девочки, могла ничего не значить. Но глубокий голос, подробно объясняющий каждую асану, был голосом учителя. Он остался. Группа была небольшая, шесть человек. Каждый был занят собой, только черноглазая брюнетка не сводила с него глаз.

— Я — Тая, — сказала она, когда после занятия все расположились на мягких диванах, ожидая зеленого чая.

Ее все не было. Тая продолжала втирать в кожу масло для загара, плавными, круговыми движениями она водила по икрам, по округлым бедрам. Ледяная Ганга сверкала на солнце. В холодную воду не слишком тянуло. Только если с Сашей... Но он вонзал нож в арбуз, вскрывая его суть. Думает ли он об Ане? О том, почему ее так долго нет? Искоса она поглядывала на него, с надеждой и подозрением.

— Наконец-то! Я уже начала волноваться, — произнесла Тая, когда принцесса соизволила появиться. По губам тек арбузный сок, липкий, навязчивый, капал на песок, смешиваясь с золотистыми частицами. Саша вздрогнул, что-то сказал, как-то посмотрел. Совокупность мелочей, выдающая внутреннее напряжение. «Что ж ты делаешь? Да она ровесница твоего сына!» — хотелось ударить, оглу-

шить его. Но он уже был оглушен. Река струилась, переливалась, вовлекая в свои воды, несущиеся на острые камни. Черные глаза за темными очками в темной оправе мрачных мыслей, среди яркого дня, на священной земле.

Сходство есть. Голубые глаза, русые вьющиеся волосы... У Саши и у мужа тоже. У мужа бывшего, то есть отбывшего, навсегда. Два года, как его нет. Дома двое детей, а она смотрит на чужого мужчину, находит привычные черты и жаждет — не воспоминаний, не возвращения в прошлое, не успокоения, — а Сашу, сидящего рядом на желто-красном полотенце. От тепла расслабились мышцы, тело совсем податливое. Оно готово раскрыться, только бери...

«Я могу тебе позвонить?» — отправил он СМС в воскресенье в 9 утра. Ответ: «Нет». Вчера, уже ночью, когда у него в руках оказался мобильный, он увидел пропущенный вызов. Кровь мгновенно прилила к вискам — она хотела его видеть. После шести часов молчания и концентрации в одной точке, в ожидании неровного дыхания зверя, чующего опасность, желание ее увидеть было нестерпимым.

В 12 в кармане разлилось приятное дребезжание.

— Привет. Ты вчера звонила, но я был на охоте, извини. Мы можем увидеться?

— У меня совсем мало времени. Если ненадолго — выпить кофе.

— Пусть ненадолго. Где?

Он запрыгивает в машину и мчится. Куда? За чем? Щека уже совсем зажила, крошечный шрам

закрыт пластырем. Снова столик в углу, она ест огромное шоколадное пирожное, правая рука до запястья унизана бирюзовыми браслетами.

— Я боялась тебя не узнать.

— Правда?

— Да, совсем не запомнила твоего лица. Извини.

— Ничего.

— Рассказывай, что случилось, Виталик?

— У меня? У меня все хорошо.

— Это первый признак. Ты же решил заняться йогой, это неспроста.

— А я всю жизнь карате занимался, теперь хочу попробовать что-нибудь другое, связанное с энергией.

— Одно непонятно, как это с охотой сочетается?

— Нормально. Убивать — естественный инстинкт. Но во всем нужны учителя, самые лучшие. По стрельбе у меня олимпийский чемпион, и так во всем. Выбираю самых знающих.

— Среди йогов ты чемпионов не найдешь.

— Ты понимаешь, о чем я. Например, я точно знаю, что левитация — не миф. Видел своим глазами.

— Это твоя цель?

— Моя цель — раскрыть собственные возможности. Еще побывать в местах сосредоточения мощной энергии. Например, на Аляске. Ты думаешь, чего мы с Америкой боролись, из-за земли? Нет, было бы слишком просто. — Она положила в рот последний кусок пирожного. — Может, пойдём отсюда?

— Куда?

— Прогуляемся. Туда, где я смогу к тебе прикоснуться.

— А с чего ты взял, что я тебе позволю? — Виталик пожал плечами. — Нет, не то чтобы я собираюсь ломаться и все такое. Просто я не чувствую никакого желания. Совсем не хочу, чтобы ты дотрагивался до меня.

— Это сейчас. Когда дотронусь, то захочешь еще, обещаю.

Она рассмеялась. Сама — отстранялась, а медовые глаза манили отблеском заснеженных вершин.

Он проводил ее до машины.

— А хочешь, я тебе дам хорошую музыку послушать?

— Да.

— Подожди. — Он быстро направился к черному джипу, через пару минут вернулся с диском Элвиса.

— Ладно. Спасибо.

— Опустит стекло.

— Что?

— Опустит стекло.

Секунда колебаний, и окно открыто. Пальцы правой руки поползли по ее затылку, сжали у корней мягкие волосы. Язык поплыл по ее нёбу. Пряный запах духов щекотал ноздри.

— Дай мне язычок. Вот так, расслабь. — Зубами он ощутил нечто мягкое и податливое, слегка прикусил. Затем губы — обхватил, сжал до капелек крови. Она отстранилась. Она молчала. В короткой тишине была дорога, длинная и неизведанная.

Ее машина скрылась за поворотом. Он закрыл глаза, вспоминая вкус, ощущение ее слизистой. Ему понравилось. Он удивился, насколько ему понравилось.

Он закончил дышать капалабхати и открыл глаза. Тая, застигнутая врасплох, не успела отвернуться, заливаясь румянцем смущения или возбуждения. Чуть полновата, напористая, лет десять назад он бы мог... Но сейчас... Ничто не вздрогнет, ему уже не восемнадцать, чтобы просто обыденный секс, да еще с глубоко неудовлетворенной женщиной. Это видно с первого взгляда, да еще глупая ухмылка, когда Витя предлагает в асане пошире раздвинуть ноги.

— Виталик, ты торопишься?

— Да, нужно лететь.

— Жаль. А в Кашмир собираешься?

— Да. Витя сказал о поездке, меня заинтересовало.

— Ну, отлично.

«Черт! И ты тоже?»

Он стоял на дороге. Движение перекрыли. Черноту неба разрывал золотой дождь салюта. Вокруг смеялись, пили и смеялись. 12 июня, но в принципе все равно, что отмечать. Непроизвольно дотронулся до повязки на шее. Опять огромный гнойник, снова вскрыли, теперь противное почесывание, стянутость. Он обернулся. Она шла навстречу сквозь летнюю ночь, в свете вспышек.

— Сегодня у тебя есть время?

— Да.

— Можем провести вместе ночь?

— Сомневаюсь.

— Ладно. Пойдем гулять.

Он сжал ее запястье, хрупкое, теплое.

— Я тебя запомнила.

— Серьезно?

— Да. Очень четко. Ты мне приснился. Правда, это был очень страшный сон. Мы с тобой стояли на плоту, под нами — черная вода, за нами — непроницаемый туман. На берегу был Витя. Он протягивал мне руку, чтобы я вернулась. Ты держал меня. Я колебалась. Плот качнулся, и я упала в воду, мгновенно сомкнувшуюся надо мной.

— Кстати, как ты и советовала, я собираюсь в Шринагар.

— Отлично.

Они шли и шли... Он сильнее прижимал ее к себе, обвиняя тонкую талию. Со Сретенки на Рождественский бульвар, на Чистые пруды, свернули и пошли насквозь через дворы, звенящие темнотой.

— Не устала?

— Чуть-чуть.

— Давай посидим.

Виталик провел ладонью по зеленой скамейке на детской площадке. Ребята катались на карусели, от которой разносился протяжный скрип. Он положил ее ноги к себе на колени и начал тихо гладить. Наклонился и укусил в шею.

— Больно.

— Тебе же это нравится?

— Не всегда. Ты меня пугаешь.

— Пока нет. Но обещаю, тебе будет так страшно, что покажется — вот-вот сердце разорвется, потом короткая остановка дыхания и ни с чем не сравнимое удовольствие.

— Расскажи, что ты будешь делать.

Она провела по его руке до локтя, где вдруг ожил каждый шрам. Старые раны. Дерево в лесу, веревка и шесть дней без воды... Нет, с тобой ничего такого, моя девочка.

— Ты хочешь меня?

— И да... Но сомневаюсь... И пугает, как долго принимаю решение...

— Знаешь, все нужно делать только для себя. В конечном счете, лишь это имеет значение. Мы живем только для себя. У меня был друг, Олег. Мы были знакомы с самого детства. Он умер. И ничто в мире не изменилось. Ни для кого. Только номер его в телефоне стер. Вот и все. — Он поцеловал ее — мягко касаясь губ. — А мне, как ты думаешь, что мне нужно?

— Нежность. Не так, чтобы по головке погладили. В глобальном смысле. Ты подышаешь от одиночества.

— А знаешь, наверное, ты права.

Два часа назад они приземлились в Дели и теперь ожидали вылета в Шринагар. Все двенадцать человек ходили кругами, пили минералку, снаружи врывались лоскутки дня — запахи куркумы и навоза. Тая, с подведенными глазами, пристально смотрела на Виталика.

— Витя, а сколько ты уже не был в Индии?

— Три года.

— Что так?

— Были причины. Виталик, давно хотел спросить, как ты попал ко мне?

— Аня мне сказала, чтобы пошел именно к тебе.

— Кто?!

— Аня. Неужели не помнишь ее?

Тая схватилась за живот, пытаясь справиться со спазмом тошноты. Ее вырвало прямо на брюки Виталика.

— Извини!

— Не переживай. — Он начал закатывать ткань, внезапно заметив, что ноги его покрылись гнойниками.

Витя выбежал наружу. Город набрасывал на шею кольцо удушья. «Моя колдунья...» Три года... Внутренние авиалинии, самолет до Кашмира, разбился... В числе погибших девушка из России.

Теперь дорога в Шринагар — для него и Виталика...

8. Воронка

Все быстро. Пунктир. Пунктир. Появляется линия. Рядом любовник. И его жена — в первый раз. Черные волосы струятся, перетекая в водопад цветной юбки. На руках дочка — его. В груди сердце — мое, для тебя. Оно скачет в пятки, скачет в виски. А нужно поддерживать разговор, отвечать на привычно-непримечательные вопросы безликими ответами, чтобы не выдать себя броским взглядом, яркой фразой. И, конечно, глаза. Хотят бегать и прятаться, поэтому важно смотреть прямо, почти не моргая. Все же взгляд ускользает. Ищет зацепку для этого субботнего вечера и натывается на него.

Саша... Вместе в автобусе из аэропорта. Помню. Устал от всего или что-то в этом роде. Кризис среднего возраста. Наверное, спортивная машина под окнами. Да, еще один самолет из Чанги. Правда, ни я, ни он не помним. Но было двадцатое декабря, а мы оба были на борту. Мы выяснили это в автобусе, в Дели. Я еще подумала — знак судьбы. А потом забыла про судьбу и про Сашу. Меня интересовал мой любимый, мой любовник. Высокая фигура, борода с проседью, глаза лукаво-голубые и волосы выются — все растаяло на мосту над Гангой. Я хотела другого мужчину.

А теперь хотела спасения.

— Привет, Саша. Как дела?

— Я купил твою книгу. Еще не прочел.

— Здорово.

— Я же не знал, что ты пишешь. Мне сказали, уже когда мы вернулись.

Улыбаюсь. Мне приятно. От тембра голоса, может, от его интереса ко мне. Самое главное — удалось сбежать от жены. Любовник не смотрит на меня, даже не поздоровался. Боковым зрением ловит он движение моих губ.

— Расскажи, как они рождаются — персонажи, истории. Откуда ты берешь имена?

Наверное, грезил о писательстве. Да, вот так. Сядь чуть ближе, пусть ему будет больнее.

— Все происходит само собой. Это как кубик-рубик. Какие-то события, люди, воспоминания, сны, предчувствия складываются в один цвет. Получается история. Тогда просто садишься и пишешь.

— А издательство? Тоже все непросто.

— Главное, чтобы звезды сошлись.

Что-то происходит, вдруг врывается в меня. Не только тревога. Еще тягучий древесный запах от Сашиной шеи, от которого тепло разливается внизу живота. Кто-то подходит, болтает. Одуреваю от собственного напряжения. Ноги затекли. Упиваюсь своей красотой. Многие здесь хотят попробовать, откусить хотя бы кусочек. Голое колено. Или лучше наклонись, сзади. Достаточно фантазий, дорогие друзья. Пора их воплощать в жизнь. Саша неловко переминается с ноги на ногу, прячет ладони в узкие светлые джинсы. Смотрит на часы.

— Не хочешь выпить кофе со мной? — говорю я, приглушая голос почти до шепота.

— Да, давай.

Прощаемся со всеми. И с моим любовником. Я под защитой — горько-приторной, посыпанной какао или корицей, здесь на Никитской. Сажусь в его машину. Угадала — длинная, похожая на член, BMW.

— Моя? Да там, около «Кофемании» и стоит.

Здесь, в тесном черном салоне запах становится еще интенсивнее, смешивается с горчинкой кожаных сидений, будоражит.

— А обещанный второй роман?

— На обратном пути.

— Забудешь. Лучше сейчас.

Подходим к моей машине. Достая книгу. Он берет ее — трепетно. Пальцем проводит по моей фотографии, сравнивая глянцевую картинку с оригиналом.

— Сядем на веранде?

— Да нет. Холодно. Пошли внутрь.

С чего вдруг меня потянуло на улицу? Ненавижу веранды, где всегда мерзнешь или слишком жарко. А ветер точно испортит прическу.

Зал для некурящих. Он больше не, а я никогда. Раз не курит, кофе тоже не пьет. Перед ним вздымающийся шоколадными парами какао. Я заказываю капучино и шоколадный эклер — прямо школьница на первом свидании. Смотрит на мою книгу, начинает листать, читает предложение.

— Саш, давай ты потом будешь читать.

Смущаюсь. Честно.

— Ты оживляешь неодушевленные предметы. Ты знаешь об этом?

— Ты же ничего не читал?

— Я прочел абзац.

Чуть наклоняюсь к нему. Его руки на столе — ближе.

— А ты другая.

— Не могу же я в Москве ходить в кроссовках со спальником за спиной.

— Другая... Я такой же. Здесь обстановка очень грамотно сделана. Все очень просто, ничего лишнего. Чтобы глаза — в глаза. А посмотри туда (кивает в окно) — это же витрина. Сидят с голыми плечами, сегодня холодно. И никто из них не имеет отношения к консерватории, они там даже не были никогда.

— Это правда.

— Ты напишешь о нашем путешествии?

— Да. Бойтесь.

— На самом деле ты понимаешь, какой для тебя подарок наша группа? Ведь в йогу просто так не приходят.

— Да все эти люди — просто клад для писателя.

— А почему ты начала заниматься? Говоришь, проблемы со здоровьем. Но я там наблюдал за тобой. Интересную такую создала воронку, все вертелись вокруг тебя. Причем абсолютно неважно — нравилась ты или тебя ненавидели, все были рядом с тобой. А я предпочел отойти. Зачем толкаться.

— Саша, а чем ты душишься?

Резко выпрямляет спину, будто ждет нападения.

— А что, неприятно?

— Наоборот, очень нравится.

Саша долго объясняет, как выбирал духи, говорит название. Но я неспособна запомнить его. Я переживаю из-за жены моего любовника, из-за того, что мне пора домой. И еще он — вдруг так близко. Так хочется дотронуться, пощупать, осязать, вдыхать, втягивать... В голубых глазах зеленые прожилки. Замечаю их теперь, вдруг. Странно. И уже осела пена на краях чашки, расцвел вечер за окном, и ночь может быть долгой и ласковой... Звонит мобильный, вздрагиваю. Придумываю, объясняю, закручиваю, заплетаю красную нить в клубке.

— Мне пора.

Идем рядом. Близко. Рука хочет коснуться. Ему грустно. Внезапные встречи рождают внезапные расставания, к которым не успел приготовить. Ветер прохладный, летний, тревожный. Хочется спрятаться друг в друге. Все очевидно. Но решишься ли ты на очевидное?

— Пока.

— Ну пока.

Уже несколько шагов разделяют нас, но мой взгляд не отпускает. Разве можешь пойти ты против молодости и красоты? Рывок. Ты сжимаешь мое запястье, целуешь в губы. Я отвечаю. Долгий, асимметричный поцелуй не то расставания, не то обещания. Больше ни одного слова. Только пустая дорога, только лето, заглядывающее в окно.

Выходные. Мучительные, лютя, как топлениое молоко моего томления. Непонятно, по кому скучать, о ком страдать. Все вдруг. Все сразу. Всплывают слова Саши сквозь прикосновения любовника. Подступает желание. Жалит.

И вот я уже набираю номер, а он бросает машину в пробке, идет пешком. Шаги все быстрее, пиджак через плечо. Резко заезжаю на тротуар — не найти места. Стук каблучков. Звонок.

— Куда торопитесь, девушка?

— А ты где?

— Здесь.

Оборачиваюсь. Хочу поцеловать. И он хочет. Почему же надо идти в кафе, открывать меню и вести словесный поединок? Но ты такой воспитанный, и мне это нравится. Ты готов четыре часа просидеть рядом, не дотронувшись до моей руки. Мы поднимаемся по лестнице. Ты падаешь. Оступился и падаешь. Придерживаю тебя за локоть. «Засмотрелся». Я даже не пытаюсь есть десерт, позволяя ему спокойно таять на солнце. Мы говорим... Скульптура, ты любишь форму. Не запоминаешь названия и имена. Сразу распознал мои проблемы с отцом.

Хотя для этого не нужно быть гением психиатрии. «Большинство людей вообще не заслуживают никаких выводов», — говорю я, и тебе нравится фраза. «Очень точно».

И вновь ты провожаешь меня. Огромный грузовик перекрыл движение на перекрестке. Он не может вписаться в поворот, не может сдать назад из-за плотного потока машин.

— Интересно, что он теперь будет делать?

А что ты будешь делать?

Руки слегка соприкасаются. Бедрa покачиваются. То ли ты берешь мою ладонь, то ли она заползает в твои пальцы — непонятно.

— Ты меня соблазняешь, да?

— Получается?

Замираем. Веки готовы сомкнуться, но ты медлишь.

— В этом весь кайф — не целовать.

Я вбираю в себя твоё желание, прижимаюсь к тебе. Мои руки плывут по твоей спине, по шее, пробираются, путаются в густых волосах на затылке. Ты обвиваешь мою талию и все-таки целуешь.

— У тебя роскошное тело. Я даже не знал. Кожа бархатная. А глаза — зеленые? Да, зеленые. А на книжке твоей какие-то коричневые.

— Не знаю, что у тебя за книжка такая.

— Ты мне дала.

Целую его в шею. Нравится вкус.

— У тебя руки — ласковые. Какие ласковые руки. Я сейчас не смогу идти на работу, вообще не смогу идти. Ты приедешь ко мне?

— Да.

Среда. Жду. Не нахожу себе места, несмотря на встречу с любовником во вторник. Очень холодно, надеваю плащ. Под ним — тонкое платье, тонкая кожа, тонкая кость, тонкая дрожь. Мне страшно. Будто иду на эшафот. Что за перемена настроения? Останавливает гаишник, долго проверяет, отчитывает, взыскивает. Плохая примета? Снова я о судьбе... Ты звонишь, волнуешься, где я. А я сомневаюсь, не свернуть ли мне с пути двойной измены, двойного предательства? Но нет, в своем полете я могу следовать лишь намеченному курсу, иначе не найти мне вообще дороги...

Ты стоишь на ветру. Потом идешь. Быстро-быстро. Не успеваю за тобой на своих шпильках, цепляющихся за асфальт.

— Я в этом доме двадцать лет живу. Раньше — с семьей. Потом продали квартиру, но я не захотел покидать дом и купил себе здесь же.

— Не грустно? Воспоминания?

— Нет. Воспоминания не бывают грустными.

Поднимаемся на лифте. Дрожу и робею. Хочу прижаться, положить голову тебе на грудь. Уместна ли нежность, когда ты ждешь страсти?

Вот он — твой дом за красной дверью. Нет стен. Ванна в комнате, в огромных окнах вся Москва. Река, храм... В кресле два плюшевых медвежонка. Смеюсь. Не над игрушками. Над собой. Сброшены каблуки, но не маски. Квартира напоминает номер в дорогом отеле. Пытаюсь здесь найти тебя, но ты спрятан в идеально отполированных полах, в безупречной мебели, в белых статуэтках. Прижимаешь меня к себе.

— Я волнуюсь, — произношу я самую честную фразу в моей жизни.

— Я тоже. — Правда или неправда, но сердце твое бьется сильно, очень сильно.

— Как это снимается? — Тянешь ты ляжку платья.

— Смотря при каких обстоятельствах?

— При этих.

Платье падает. И я тоже. Ты какой-то огромный, чужой. Мне не совладать с волнением. Мне страшно. Пытаюсь притвориться, целую, облизываю. Ты мягко кладешь меня на спину: «Не торопись. Позволь узнать друг друга». Больше ничего не решаю, закрываю глаза. Ты во мне. Чувствую, что вновь пошла кровь. Она испачкает твои безупречные простыни. Пускай. Невыносимо грустно. За сомкнутыми веками вереницей пробегают картинки, бывшие-будущие тела, слова, надежды, вздох, зажатый в груди. Обвиваю тебя руками. Задержи, не дай улететь, предать. Твой пот льется градом на мой живот, грудь. Мы слипаемся и скользим, каждый в своем направлении. Я с трудом сдерживаюсь, чтобы не заплакать. И таю... Таю...

Потом душ.

— Ты — голая.

— Только заметил? — пытаюсь я вновь играть.

Ты вытираешь меня теплым махровым полотенцем, надеваешь свой бордовый халат-кимоно, варишь кофе.

— Ты — чудная.

Улыбаюсь. Мой друг, ты даже не представляешь насколько.

— Мы с тобой как два змея... Такие мокрые, скользили...

Держимся за руки. Ты показываешь фотографию сына. Потом распечатываешь свои рассказы. Я же знала, что ты пишешь.

— Смотришь на часы? Тебе пора?

— Скоро.

— Давай немножко полежим. Хочется побыть рядом вот так, не хотя тебя.

Ложимся. Вновь кровь по ногам. Но ты не видишь под бордовым халатом, не видишь не выплывающих слез.

— Ну, так что? Расскажи.

— Был женат. Двадцать лет. Такая хорошая, крепкая семья. С сексом, с прекрасными отношениями. А потом влюбился. И все рухнуло. Не хотел обманывать, притворятся. У нее тоже семья, ребенок. И она все бросила. Такая история. Но а новую семью создавать? Что — детей рожать? Поздно. Так и живем. Квартира на полтора человека. Вот такой сюжет для твоего романа.

Глажу его по волосам.

— Знаешь, у тебя руки — трепетные. Давно не было таких рук. Такая хрупкая. Искусительница-соблазнительница... Олененок. А ты не боишься в меня влюбиться?

Улыбаюсь. Я вообще всего боюсь: приблизиться, уйти, разжать пальцы, когда за окном ветер... Больше всего я боюсь измены и любви.

Опять дорога к машине. Поцелуй.

— Пока.

Копаюсь в сумке, расслабляю лицо. Наконец-то, ключи. Оборачиваюсь.

— Ты еще здесь?

— Найти ключи — это целая история.

Нежность сквозит в твоём взгляде.

Командировка. И я жду. Пытаюсь не ждать, но ничего не получается. Влюбилась в твои рассказы, хотя бумага в кровь разрезала мне пальцы. Так сильно — первый раз в жизни. Бумага впитала бордовые капли. Мне понравился ритм, образы, поэтичность и даже романтизм. Но больше всего — что они живые. Ты живой. Это ценно, когда кругом зомби следуют своей привычной рыхлой серой схемой.

Потом была неделя, понедельник, вторник... Истекли все сроки обещанного звонка. Случайная встреча оказалась действительно случайной. И мне вновь нужна воронка. Даже если я давно утонула в ней.

P.S. Недавно мой любовник тоже упал на лестнице. Засмотрелся.

Оглавление

I ЧАСТЬ. ВЕРОЯТНОСТИ

| | |
|--------------------------|-----|
| 1. Вечер в Дели | 7 |
| 2. Дорога в Ришикеш | 18 |
| 3. Быстрое течение | 31 |
| 4. Водопады | 44 |
| 5. Ночные диалоги | 57 |
| 6. Пуджа | 67 |
| 7. Наверх | 77 |
| 8. Внутрипроводная икота | 90 |
| 9. Накануне | 102 |
| 10. Вдвоем | 111 |
| 11. Сомнения | 122 |
| 12. Омовение | 132 |
| 13. Дыхание волшебства | 143 |
| 14. Прощание | 154 |

II ЧАСТЬ. ТЕОРИИ

| | |
|-------------------------|-----|
| 1. Голубоглазый мальчик | 171 |
| 2. Кристина в слезах | 184 |
| 3. Майтхуна | 190 |
| 4. Ножницы | 202 |
| 5. Девочка-манго | 213 |
| 6. Перекрестки | 221 |
| 7. Дорога в Шринагар | 231 |
| 8. Воронка | 244 |

Литературно-художественное издание

Мансурова Мария

Волшебник Ршикеша

р о м а н

Художественный редактор

Л.Г. Иванова

Оператор компьютерной верстки

Корректор

Подписано в печать 22.10.2008.

Формат 84x108/32.

Тираж 3000 экз.

Заказ №

ООО «Бослен»

107259, г. Москва,

Бухвостова 1-я ул., д. 12/11, стр. 17-18

Информация об издательстве в Интернете:

<http://www.vagriusplus.ru>

Отпечатано в ОАО ИПК

«Ульяновский Дом печати»

432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, д. 14